

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2021

Том 21

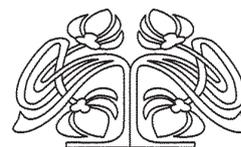
Выпуск 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Черемисинов Г. А. Столетие макроэкономического шедевра
Дж. М. Кейнса 4

Рудь Е. М. Конкурентоспособность: концептуальные подходы
и уровни исследования 18

Селюков М. В., Шалыгина Н. П., Кулик А. М. Факторы
развития российско-китайских экономических отношений
в интеграционном поле Евразии 23

Управление

Солодкая Т. И., Индустриев М. А. Межстрановые сопоставления
безработицы и экономического роста в условиях пандемии COVID-19 30

Минат В. Н. Государственная информационная политика
и динамика федерального финансирования распространения
результатов научных исследований и разработок США 38

Глушкова Ю. О., Васина А. В. Влияние COVID-19
на креативные индустрии 48

Право

Анисимов А. П. Международно-правовые проблемы
возмещения вреда, не имеющего конкретного причинителя 55

Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. «Хрущевская конституция»:
путь нового конституционализма 63

Липчанская М. А., Привалов С. А. Социальные медиа
в конституционно-правовом пространстве России и Германии 73

Подмарев А. А. Соразмерность как конституционный принцип
ограничения прав и свобод человека и гражданина
в Российской Федерации 83

Власова Е. Л., Устьянцева О. В. Проблемы реализации
права на использование морских биоресурсов коренными народами
Российского Севера 92

Безуглов А. Д. К вопросу о конституционном статусе лиц,
не являющихся гражданами Российской Федерации 100

Строгов Н. Д. Идея права на сопротивление угнетению
в восточной политико-правовой и религиозной мысли 106

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.12; 08.00.13; 08.00.14; 12.00.01; 12.00.02; 12.00.06; 12.00.12)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.02.21.
Подписано в свет 01.03.21.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,48 (14,5).
Тираж 500 экз. Заказ 23-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить доредакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

- Cheremisinov G. A.** A century of J. M. Keynes' macroeconomic masterpiece 4
- Rud E. M.** Competitiveness: Conceptual approaches and research levels 18
- Selyukov M. V., Shalygina N. P., Kulik A. M.** Factors of the Russian-Chinese economic relations development in the Eurasian integration field 23

Management

- Solodkaya T. I., Industriev M. A.** Employment and economic growth in the conditions of COVID-19 pandemics: Cross-country comparisons 30
- Minat V. N.** Government information policy and the dynamics of federal funding for the dissemination of US research and development results 38
- Glushkova Yu. O., Vasina A. V.** Influence of COVID-19 on creative Industries 48

Law

- Anisimov A. P.** International legal problems of compensation for harm that does not have a specific injurer 55
- Gataullin A. G., Zaynutdinov D. R.** "Khrushchev Constitution": The path of a new constitutionalism 63
- Lipchanskaya M. A., Privalov S. A.** Social media in the context of Russian and German Constitutional Law 73
- Podmarev A. A.** Proportionality as a constitutional principle of limiting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation 83
- Vlasova E. L., Ustyantseva O. V.** Problems of realization of the right to use marine bioresources by the indigenous peoples of the Russian North 92
- Bezuglov A. D.** Constitutional status of persons who are not citizens of the Russian Federation 100
- Strogov N. D.** The idea of the right of resistance to oppression in the Eastern political, legal and religious thought 106

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: Экономика. Управление. Право»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, Ph.D., профессор (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D., профессор (Огайо, США)

Велиева Джамия Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянхин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Лхагвадори Ариунаа, Ph.D., профессор (Уланбатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Пчелинцева Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D., профессор (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хрусталева Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эретин Сефика Шуле, Ph.D., профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: Economics. Management. Law»**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Irina N. Pchelintseva (Saratov, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)

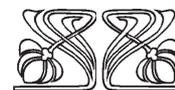
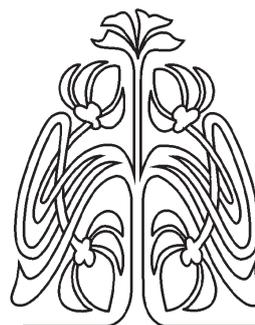
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

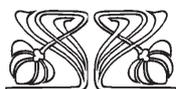
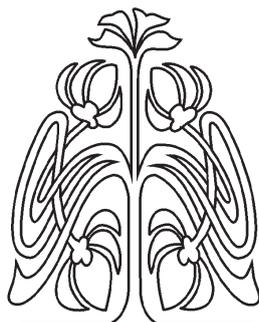

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

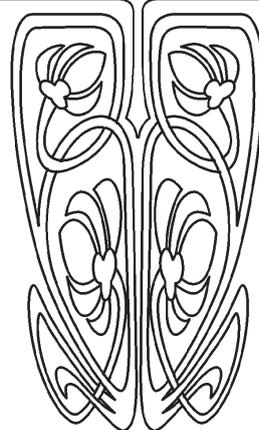

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–17
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–17

Обзорная статья

УДК 330.8

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

Столетие макроэкономического шедевра Дж. М. Кейнса

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisnov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Обосновывается точка зрения, признающая лучшим произведением Дж. М. Кейнса книгу «Экономические последствия мира», посвященную итогам Версальской мирной конференции и изданную в декабре 1919 г. Уникальность этой публикации обусловлена участием автора в переговорном процессе, выражением личной позиции протеста против содержания Версальского мирного договора и разрушительных последствий его осуществления. **Научный обзор.** Анализируется опыт макроэкономического исследования преобразований экономики Европы на рубеже XIX–XX вв. Логика развертывания авторской концепции соответствовала историческому ходу событий: экономика Европы до и после войны, накануне мирного договора и перспективы ее послевоенного восстановления. Хронологический макроэкономический подход был релевантным и продуктивным. Научное творчество Дж. М. Кейнса, представленное в «Экономических последствиях мира», было оригинальным сочетанием приверженности традициям английской экономической мысли и новаторского осмысления неординарных макроэкономических тенденций и чрезвычайных структурных трансформаций экономики. **Заключение.** Объясняется основополагающее значение в научном творчестве Дж. М. Кейнса книги «Экономические последствия мира», в процессе написания которой были разработаны смелые, новаторские идеи, послужившие теоретико-методологическим ключом к постановке и разрешению проблем позднее изданной, самой известной книги «Общая теория занятости, процента и денег». «Экономические последствия мира» – творение, заслуживающее статуса классики мировой экономической мысли, шедевр макроэкономической теории, не утративший своей научной ценности и актуальности за столетие, истекшее со времени его создания и публикации.

Ключевые слова: Дж. М. Кейнс, Версальский мирный договор, макроэкономика, трансформация экономики Европы

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Столетие макроэкономического шедевра Дж. М. Кейнса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–17. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Review

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

A century of J. M. Keynes' macroeconomic masterpiece

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Introduction. In this article, the point of view that recognizes J. M. Keynes' book "The Economic Consequences of Peace" as his best work, dedicated to the results of the Versailles Peace Conference and published in December 1919, is substantiated. The uniqueness of this publication is due to the author's participation in the negotiation process, expressing a personal position of protest against the content of the Versailles Peace Treaty and the destructive consequences of its implementation. **Scientific review.** The experience of macroeconomic research of the European economy transformations at the turn of the XIX–XX centuries is analyzed. The logic of the author's concept development corresponded to the historical course of events: the economy of Europe before and after the war, on the eve of a peace treaty and the prospects for its post-war recovery. The chronological macroeconomic approach was relevant and productive. The scientific creativity of J. M. Keynes, presented in "The Economic Consequences of Peace", was an original combination of a commitment to the tradition of English economic thought and an innovative understanding of extraordinary macroeconomic trends and extraordinary structural transformations of the economy. **Conclusion.** It explains the fundamental importance of the book "The Economic Consequences of Peace" in the scientific work of J. M. Keynes. In the process of its writing, bold, innovative ideas developed that served as a theoretical and methodological key to the formulation and solution of problems in the most famous book "The General Theory of Employment, Interest and Money", published later. "The Economic Consequences of Peace" is a creation that deserves the status of a world economic thought classics, a masterpiece of macroeconomic theory that has not lost its scientific value and relevance in the century since its creation and publication.

Keywords: J. M. Keynes, Treaty of Versailles, macroeconomics, transformation of the European economy

For citation: Cheremisinov G. A. A century of J. M. Keynes' macroeconomic masterpiece. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–17 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-4-17>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Вклад Джона Мейнарда Кейнса в развитие мировой экономической мысли чаще всего оценивают изданным в феврале 1936 г. фундаментальным трудом «Общая теория занятости, процента и денег». Однако есть иная достойная внимания точка зрения научного сообщества, признающая лучшим творением английского ученого книгу «Экономические последствия мира», посвященную итогам Версальской мирной конференции и изданную в декабре 1919 г.

Дж. М. Кейнс заседал в Высшем экономическом совете Антанты, был официальным представителем британского казначейства на мирной конференции в Париже до 7 июня 1919 г. и сложил с себя полномочия, утратив надежду на благоприятный исход переговоров по завершению Первой мировой войны [1, с. XIV]. Он крайне негативно отнесся к политике Версальской мирной конференции в отношении экономических проблем Европы и выразил свой публичный протест против заключенного мирного договора, написав книгу «Экономические последствия мира» («The Economic Consequences of the Peace», в русском переводе получившую название «Экономические последствия Версальского мирного договора»).

Биографы Дж. М. Кейнса подчеркивали судьбоносное значение публикации «Экономических последствий мира». Й. Шумпетер отмечал,

что внезапный уход в отставку характеризовал Дж. М. Кейнса как личность и государственного служащего. Многие сомневались в Версальском мирном договоре, но никто не отважился высказать свои претензии вслух. «Сделанный из другого теста» Дж. М. Кейнс оставил свой пост и объяснил принятое им решение; поступок огромного мужества принес ему мировую славу [2, с. 362–363]. Р. Скидельски писал, что «Экономические последствия мира» – ключевой документ биографии Дж. М. Кейнса, который утвердил право малоизвестного экономиста на внимание и в 1919 г. рассказал всем о достоинствах автора. Задуманная в минуты страстного отчаяния, книга предопределила путь своего творца [3, с. 447].

Едва ли кто предвидел, что «Экономические последствия мира» окажутся мировым бестселлером, одной из влиятельнейших книг истекшего столетия. Книга Дж. М. Кейнса к осени 1921 г. была уже переведена на голландский, датский, испанский, итальянский, китайский, румынский, русский, фламандский, шведский, японский языки, и ее распроданный тираж превысил 100 тыс. экземпляров [3, с. 427, 439]. Для описания приема читающей публикой книги «Экономические последствия мира» слово «успех» звучало крайне бледно и невыразительно [2, с. 363].

В биографических исследованиях многочисленных достоинств названного произведения

преобладал обзор сложившихся «вокруг» него обстоятельств, важных для восприятия и понимания написанного. По мнению Й. Шумпетера, книга «Экономические последствия мира» была настоящим шедевром, наполненная мудрыми и ценными практическими советами; безжалостная, но не холодно логичная; искренне человеческая, но не сентиментальная; без сожалений, но и без безысходности представлявшая все факты; сочетанием глубоко продуманных советов с тщательно осмысленным анализом. Книга была произведением искусства с идеальным сочетанием формы и содержания. Автор обо всем говорил по делу, без лишних слов. Ни в одной из других книг Дж. М. Кейнса слог не был так изящен; его простоту подчеркивала безупречная выверенность изложения. В описании действующих лиц конференции и трагического провала преследуемых ими целей при заключении мирного договора Дж. М. Кейнс поднимался до высот, достигнутых лишь немногими авторами [2, с. 364–365].

С оценкой Й. Шумпетера согласился Р. Скидельски, считая, что книга «Экономические последствия мира» уникальна; ни в каких других своих произведениях Дж. М. Кейнс не смог столь успешно воспользоваться своими дарованиями при изложении избранной темы. Главной проблемой было начатое войной и завершенное Версальским договором разрушение экономического механизма жизнедеятельности европейских народов. Публикация вышла за пределы специального трактата, посвященного рассмотрению проблем возмещения ущерба от войны и восстановления экономики европейских стран. Живо, с жестокой точностью были описаны жаркие и неудачные парижские баталии Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона. Дж. М. Кейнс избрал не характерный для него страстный, сердитый и презрительный речевой стиль; никогда потом разоблачения лжи и неискренности, моральное негодование не звучали из его уст так громко и ясно. В один узел увязывались раздумья о возникшей опасности, ощущение приближавшегося крушения цивилизации, видение толпы, рвущейся к захвату распадавшегося наследия, понимание легкомыслия и тщетности устремлений государственных деятелей. Дж. М. Кейнс показал беспрецедентное в литературе XX в. выражение личной позиции [3, с. 427–429].

Из множества изданных в 1920-е гг. работ о Версальском договоре книга «Экономические последствия мира» была единственной захватившей души, не исчезнувшей бесследно. Она убедительно, ярко и гневно высказала то, чем были озабочены «просвещенные» умы общества, оказала на него серьезное влияние. «Экономи-

ческие последствия мира» были «восстанием экономической теории против политики», призывом к обществу сменить жажду военных побед уважительным отношением к решению экономических задач. Дж. М. Кейнс говорил «голосом ангела, наделенного знаниями эксперта». Умелое соединение науки и слова стало основой всех его достижений [3, с. 445, 447].

Научный обзор

Экскурс в прошлое экономической мысли полезен и познавателен в историко-экономическом и теоретико-экономическом аспектах. Научные суждения, высказанные Дж. М. Кейнсом по поводу трансформации экономики Европы на полувековом историческом интервале 1870–1920 гг., не утратили теоретико-методологической актуальности и поныне. Оценка книги «Экономические последствия мира» как шедевра макроэкономического исследования подтверждается ее научным обзором и интерпретацией основных положений.

При критическом разборе рассматриваемой публикации следует учитывать некоторые нюансы. Прежде всего, Дж. М. Кейнс писал не бесстрастный академический трактат, а послание к широким слоям неравнодушной общественности. Поэтому даже в главах, посвященных макроэкономическому анализу, научный стиль изложения материала исследования перемежался с публицистическими фрагментами, репликами и оценочными суждениями. Желание автора заявить протест против политики и итогов Версальской конференции предопределило полемический настрой в отстаивании собственной позиции. Ведение полемики не обязательно предполагает выстраивание строгой, связанной логики доказательств; оно допускает выдвижение и обоснование отдельных положений, которые могут быть несовместимыми и противоречить друг другу. Таких логических противоречий предостаточно разбросано по разным частям «Экономических последствий мира». Противоречия в концептуальных построениях возникали и потому, что Дж. М. Кейнс был истинным англичанином и живым воплощением известного афоризма лорда Палмерстона: «У Англии нет постоянных союзников и постоянных врагов, есть только постоянные интересы». Автор книги легко занимал нужные позиции: личности; социальной группы – несвязанной с классами и партиями «английской интеллигенции высшего уровня» [2, с. 374]; англичанина – представителя нации; европейца. В нравственной иерархии Дж. М. Кейнса личные ценности и интересы были важнее общенациональных, а английские

интересы и ценности были важнее европейских. Но когда личные интересы автора-англичанина совпадали с другими интересами, он всячески подчеркивал их общность и единство и пользовался этим в публицистических высказываниях и научной аргументации.

Дж. М. Кейнс объяснил замысел и название книги тем, что если Версальский мирный договор вступит в силу, то он не восстановит, а приблизит к разрушению хрупкую и сложную, уже расшатанную и надломленную войной организацию, посредством которой европейские народы осуществляли хозяйственную деятельность и поддерживали свое существование [1, с. 1].

Непреодолимое значение «Экономическим последствиям мира» придает изложенный в них опыт макроэкономического исследования преобразований экономики Европы на основе фактологического и оценочно-статистического материала. Логика развертывания авторской концепции соответствовала историческому ходу событий: экономика Европы до и после войны, накануне мирного договора и перспективы ее послевоенного восстановления. Хронологический макроэкономический подход, как правило, продуктивен; в частности, он оказался релевантным в исследовании истории народного хозяйства России, в которой выделялись периоды устойчивого развития, чрезвычайных системных трансформаций и восстановления, объяснимые в рамках теории больших циклов Н. Д. Кондратьева [4].

Научное творчество Дж. М. Кейнса, представленное в «Экономических последствиях мира», было оригинальным сочетанием, с одной стороны, приверженности традициям английской экономической мысли (мальтузианству, пуританской этике хозяйственного поведения), с другой стороны, новаторского осмысления неординарных макроэкономических тенденций и чрезвычайных структурных трансформаций экономики.

Формирование после 1870 г. новой модели международного разделения труда и закономерности преобразования европейской экономики из преимущественно аграрной в индустриальную рассматривались в разделе, посвященном довоенной эпохе. На концептуальное видение Дж. М. Кейнса повлияло состояние разрушенной войной экономики Европы, утратившей почти все свои достижения последних десятилетий. Ученый-экономист имел основание считать, что полувековой период успешного развития и быстрого экономического роста был исключением из общего правила вековой макроэкономической динамики и едва ли повторится в будущем.

Описание трансформации экономики аграрного общества в экономику индустриального общества было построено на их противопоставлении. Преобладание сельского хозяйства в отраслевой структуре национальной экономики «наполняло глубокой меланхолией» теории основателей английской политической экономии с конца XVIII в. Т. Мальтус указал, что за обманчивыми иллюзиями относительно будущего скрывается Злой Дух, и в первой половине XIX в. серьезные экономисты ясно видели его. Но в следующие полстолетия Злого Духа «посадили на цепь и скрыли от взоров общества». Потом его снова выпустили на свободу [1, с. 4–5].

Существующая в аграрной экономике убывающая отдача труда и вложений капитала нашла свое отражение в теории ренты. Распространение этой теоретической посылки на динамику населения, рост численности которого ограничен возможностями производства продовольствия и прочих потребительских благ, оправдывало сильную социальную дифференциацию людей. В модели экономики аграрного общества динамика сбережений и накопления капитала почти не зависела от производительности труда и эффективности инвестиций, от роста производства предметов потребления и благосостояния. Увеличение доходов и достатка наблюдалось лишь у верхушки социальной пирамиды. Удел остальных тружеников – физическое выживание без перспектив повышения благосостояния. Существовала тесная связь между размерами производства средств существования и численностью населения.

Дж. М. Кейнс объяснял условия и специфику трансформации европейской экономики, подчеркивая уникальную случайность происшедшего. До 1870 г. территориально-отраслевая специализация различных частей Европы позволяла удовлетворять важнейшие потребности населения, численность которого соответствовала порядку хозяйственной жизни. В последней трети XIX в. началось формирование модели экономики индустриального общества, и постепенное развитие создало неустойчивые и необычные условия экономической жизни Европы. Потребность населения в пище уже раньше умерялась доставкой продуктов из Америки; теперь, впервые в истории, произошел полный переворот. Чем многочисленнее становилось население, тем легче оно обеспечивалось продовольствием. В земледелии и промышленности возраставшие размеры производства стали давать больший доход. Рост населения Европы увеличивал поток эмигрантов, разрабатывавших земли в новых странах. Все большее количество рабочих Европы создава-

ло продукты промышленности и капиталы для эмигрировавшего населения, строило железные дороги и корабли для перевозки в Европу пищевых продуктов и сырья из дальних источников. О таком «экономическом Эльдорадо» прежние экономисты могли только мечтать [1, с. 4].

Краткая характеристика новой модели индустриальной экономики Европы детализировалась исследованием неустойчивости ее важнейших элементов («крупнейших факторов»): населения, организации, психологии общества, отношения Старого Света (Европы) к Новому Свету (Америке). Правильный выбор уровня международного разделения труда и степени агрегированности изучаемых факторов предопределил высокое качество и результативность макроэкономического анализа развития хозяйства Европы.

Общеввропейские закономерности и тенденции эволюции Дж. М. Кейнс чаще всего показывал на примере системообразующего ядра и главного двигателя европейской экономики – Германии; в частности, воздействие важнейшего хозяйственного фактора – населения, который определял наличие трудовых ресурсов и размеры необходимых для него средств существования. Сильный рост населения поддерживался преобразованием экономической структуры страны, развитием индустриализации, урбанизации, внешней торговли, транспорта. Земледельческая и самодовлеющая Германия превратилась в огромную и сложную индустриальную машину, «непрерывный и полный ход» которой, при равновесии многих внешних и внутренних факторов, обеспечивал занятость населения у себя дома и средства для покупки товаров за границей [1, с. 6].

Аналитический обзор нестабильности фактора организации сопровождался его декомпозицией. Предпосылка о зависимости деликатной организации, обеспечивавшей существование народов, от факторов европейской экономической системы позволила целостно изучить различные макроэкономические аспекты. Дж. М. Кейнс объяснял формирование международного разделения труда с соответствующей инфраструктурой, включая в понятие организации: денежное обращение, внутреннюю и внешнюю торговлю, миграцию населения и капитала, транспортную систему, производство и использование энергоресурсов, промышленность, урбанизацию, защиту личности и имущества.

Преграды политических границ и таможенных пошлин были сведены к минимуму. Приведенные в устойчивое отношение к золоту различные денежные системы облегчали перелив капиталов и течение торговли. Факторы обе-

спеченности личности и имущества, порядка и единообразия на территории Европы подготовили организацию огромного механизма транспорта, распределения угля и внешней торговли, который содействовал подъему промышленности и росту густонаселенных городских центров. Уголь стал ключом индустриального развития Центральной Европы и Англии. Быстрый рост Германии доставлял ее соседям возможность сбыта продуктов, взамен которых немецкие торговцы удовлетворяли их потребности по низким ценам. Германия была первым покупателем у России, Норвегии, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Италии и Австро-Венгрии; вторым покупателем в Великобритании, Швеции и Дании и третьим покупателем во Франции. Она была первым поставщиком товаров для России, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии. Она была вторым поставщиком для Великобритании, Бельгии и Франции. Германия предоставляла другим странам большое количество капиталов и организацию, содействовала их развитию. Вся Европа к востоку от Рейна была втянута в промышленную орбиту Германии, и ее экономическая жизнь была приспособлена к такому положению [1, с. 7–8].

Неожиданным был обстоятельный разбор фактора психологии общества, который мог быть навеян осмыслением причин революционных потрясений в России и Австро-Венгрии, связанных с катастрофической деградацией экономики во время войны. Кроме того, Дж. М. Кейнс крайне негативно воспринял приход к власти в России большевиков с эгалитарной идеологией марксизма и стремился противостоят повторению подобной революционной практики в других европейских странах. Русская революция в глазах англичанина выглядела как разрушение цивилизации и уничтожение традиционных ценностей капиталистического общества времен викторианской эпохи, которым он был искренне привержен. Однако проблемы социальной психологии рассматривались на основе понятий рабочего класса и класса капиталистов, типичных для марксистской школы экономической науки. Этот казус объясняется формированием социально-экономической доктрины К. Маркса в рамках научной парадигмы и теории трудовой стоимости Д. Рикардо. В рикарданских традициях рассуждал и Дж. М. Кейнс, вовлекая в научный дискурс оправдание и объяснение накопления капитала, апологетику социально-экономического неравенства, пропитанный пуританской этикой протестантизма английский утилитаризм.

Социальная и экономическая организация Европы обеспечивала высшую степень накопления капиталов. Постепенное улучшение благосостояния народных масс не изменяло общественного порядка, при котором один общественный класс присваивал значительную часть возраставшего дохода, не потребляя его целиком. Богачи предпочитали власть, доставляемую применением капиталов в экономике, наслаждениям потребления. Именно неравенство распределения богатств обеспечивало возможность бесконечного их накопления и постоянных усовершенствований, оправдывая капиталистическую систему, основанную на мистификации и обмане. Рабочий класс подчинялся ей вследствие невежества и бессилия, принуждения, внушения и приманок, воздействия обычая, власти и прочно установленного социального порядка, получая ничтожную долю пирога, который он создавал своим трудом совместно с капиталистами и силами природы. Класс капиталистов считал своею собственностью лучшую часть этого пирога при условии потребления лишь незначительной его доли. Долг «сбережения» стал главной добродетелью нашего времени, а рост пирога – предметом его религии. Принцип сохранения пирога воспитывал инстинкты пуританизма, который в прежнее время вовсе отказывался от мира и одинаково презирал создание материальных благ и наслаждение ими [1, с. 8–9].

До войны принцип накопления и прогресса зависел от неустойчивой психологии общества, которую уже нельзя было воссоздать. Война показала всем возможность немедленного потребления и многим бесполезность воздержания. Так был открыт обман; рабочий класс уже не согласится больше жертвовать собою для других, а класс капиталистов, не уверенный в своем будущем, захочет полнее воспользоваться свободой наслаждения, пока она еще принадлежит ему, и этим приблизит час конфискации своих имуществ [1, с. 9].

Долгосрочный устойчивый рост довоенной европейской экономики поддерживался укреплением ее хозяйственных связей с Америкой, формированием новой модели и структуры международного разделения труда. Значительная часть капитала, накопившегося в Европе, инвестировалась в развитие новых источников пищевых продуктов и сырья, средств транспорта, позволяя эксплуатировать естественные богатства Нового Света. Европа получала ежегодную дань в виде дешевых и обильных продуктов. Большая часть денежной прибыли, приносимой заграничным помещением, реинвестировалась в предприятия и увеличивала общий капитал.

Однако уже до войны появилась угроза равновесию, установившемуся между Европой и ресурсами Америки. Повышение цен на хлеб с конца XIX в. означало действие закона убывающей доходности. Европе пришлось предлагать большее количество товаров, чтобы получить прежнее количество пищевых продуктов. Претензии Европы на пользование ресурсами Нового Света стали ненадежны [1, с. 10–11].

Таким образом, экономическое состояние Европы в 1914 г. характеризовалось неустойчивостью существования чрезмерного населения, сложной и искусственной организацией, неуравновешенностью психологии рабочего класса и класса капиталистов и необеспеченностью притязаний Европы на запасы пищевых продуктов Америки. Война расшатала эту систему и создала угрозу жизнедеятельности значительной части Европы; ее население превысило количество имевшихся средств потребления, организация экономики была расстроена, система транспорта разрушена, а запасы пищи истощены [1, с. 11].

В условиях чрезвычайной деградации европейской экономики Версальская мирная конференция ввела в международную практику правовую норму репарации – форму компенсации за ущерб, нанесенный одним субъектом международного права другому субъекту в результате военного нападения, определяющую размеры и условия возмещения ущерба страной-агрессором в пользу государства-победителя в соответствии с причиненным материальным убытком. Версальский мирный договор зафиксировал ответственность Германии и ее союзников за ущерб, понесенный жителями стран Антанты в ходе войны.

Прецедент, возникший в международных политико-экономических отношениях, получил осмысление в книге «Экономические последствия мира» в главах «Мирный договор» и «Репарации», инициировал фундаментальные новации макроэкономического анализа и прикладной экономической теории. Дж. М. Кейнс достойно сформулировал иерархическую соподчиненность критериев обоснованности – справедливости и оправданности – принимаемых мер и исполняемых решений: экономические последствия важнее политических выгод, а духовные и нравственные ценности выше экономических соображений.

Ценностные суждения предваряли и завершали аналитический обзор основных положений Версальского договора. Дж. М. Кейнс утверждал, что мирная конференция была обязана удовлетворить требования справедливости и способствовать восстановлению европейской

жизни и исцелению ран, нанесенных войною. Такой подход был продиктован благородием и великодушием, которое всегда высоко ценилось в победителе мудростью предков [1, с. 11]. Однако главной задачей своей книги автор считал не рассуждения о справедливости, о требовании уголовной кары для врага, об обязанности победителя быть беспристрастным, а рассмотрение мудрости и последствий принятых политико-экономических решений с целью показать, что результатом буквального выполнения мирного договора будет его невыполнимость [1, с. 29, 43].

Условия Версальского договора «систематически» разрушали главные факторы развития экономической системы довоенной Германии: морскую торговлю, представленную коммерческим флотом, колониями, размещением капиталов за границей, вывозом и заморскими связями немецких купцов; индустрию, основанную на эксплуатации угля и железа; национальную систему транспорта и тарифов. Договор наносил удар организации экономики, причиняя еще больший вред уменьшенному богатству. Политические соображения невыгодно пересекались с экономическими потребностями. Люди придумали, как сделать более бедными себя и других. Экономические статьи договора предусматривали способы разорить благосостояние Германии и задержать ее развитие в будущем. Поставленные в такое положение немцы должны были заплатить союзникам денежную контрибуцию (репарации) [1, с. 29, 44, 45, 50].

Духовно-нравственные предпосылки, критерии разумности и открыто декларируемое стремление к научной добросовестности подкрепляли аргументацию и структурировали логику исследования проблем исчисления и возможности взыскания с Германии репарационных платежей.

В главе «Репарации» Дж. М. Кейнс продемонстрировал научную смелость и новаторский подход к методологии макроэкономического анализа, обосновал экспертные оценки в условиях ограниченной информации и фрагментарных статистических данных. Значительное место в тексте занял обобщающий обзор материалов, подготовленных британским казначейством. Примечательно, что современники критиковали ученого не за неверные цифры, а за их интерпретацию и использование в полемике, за выбор политико-экономических приоритетов в рассуждениях и выводах [3, с. 434, 439].

Авторские эскизы подчеркивали понимание условности и приблизительности расчетов репарационных претензий и платежей. Для научной и точной оценки ущерба, возмещение которого союзники могли бы требовать от Герма-

нии, не имелось данных. Все вычисления носили условный характер, и их результат зависел от принятых допущений. Дж. М. Кейнс старался разъяснить обоснованность приведенных им альтернативных расчетов германских репараций. Экономист соглашался с тем, что используемые цифры были во многом гадательными и могли вызывать критику, однако был уверен, что общая величина предлагаемых репараций не совсем ошибочна, поскольку определена с максимальной точностью, какую допускали имевшиеся данные [1, с. 54, 61, 80].

Вектор рассуждений эксперта был направлен на конкретизацию выводов: от приблизительных оценок послевоенного ущерба к достоверным статистическим данным довоенной поры. Дж. М. Кейнс подчеркивал разницу между написанием на бумаге воображаемой оценки ресурсов Германии и действительным получением платежа. Чтобы иметь прочную основу для вычислений, ученый обращался к статистике внешней торговли [1, с. 81, 84].

Методология макроэкономического исследования помогла Дж. М. Кейнсу научно и практически обосновать желаемые выводы. Логика рассуждений эксперта разворачивалась пошагово: вычисление ущерба для определения суммы репараций; оценка платежеспособности послевоенной Германии погашать репарационные обязательства; обзор внешней торговли и выявление возможности Германии платить за счет активного торгового баланса (чистого экспорта).

Расчеты показали неспособность немцев выплачивать предположительные суммы репараций, обсуждавшихся на Версальской мирной конференции. По альтернативным оценкам Дж. М. Кейнса, претензии к Германии должны превышать 1,6 млрд и быть ниже 3 млрд фунтов стерлингов. Поэтому было бы благоразумно склонить Германию согласиться на 2 млрд фунтов стерлингов. Затем вся сумма была бы поделена между союзниками согласно нуждам каждого и общей справедливости. Однако вопрос был решен иначе. Сумма претензий союзников к Германии, при различном истолковании мирного договора, колебалась в интервале от 5 до 13 млрд фунтов стерлингов [1, с. 61, 74].

Практическую осуществимость своих предложений эксперт доказывал и расчетами платежеспособности Германии. Немецкое правительство могло делать платежи союзникам в трех формах: непосредственной передачи имущества в виде золота, кораблей, иностранных ценностей; стоимости собственности, расположенной на территориях, уступленных союзникам, или сданной им по условиям претензий; ежегодных

платежей, распределенных на оговоренный срок времени, осуществляемых деньгами и продуктами производства [1, с. 75].

Германия могла производить ежегодные репарационные перечисления лишь при формировании благоприятного торгового баланса, дававшего возможность платежей за границу. Однако рассмотрение торговых отчетов довоенного времени показало противоположную ситуацию; в пятилетие, предшествовавшее 1913 г., немецкий импорт превышал экспорт. Поэтому даже при довоенном соотношении ввоза и вывоза у Германии не оказывалось излишков для зарубежных платежей. Лишь экономия в потреблении ввозимых товаров и поощрение вывоза позволяли возмещать убытки союзникам [1, с. 85].

Экспертиза касалась не только товарной структуры германского экспорта и импорта, но и территориальной направленности их потоков. И тут англичанин не упустил возможности огрadyть выгоды своей национальной экономики, указав, что более половины немецкого экспорта сбывалось в странах Антанты, и если союзники не желают поощрять ввоз конкурирующих немецких товаров в свои страны, то они должны позаботиться об увеличении вывоза товаров Германии на рынки других стран [1, с. 86–89].

Обзор статистики довоенной германской внешней торговли свидетельствовал, что не было возможности значительно увеличить вывоз ради погашения налагавшихся репарационных обязательств. Послевоенная ситуация усугубила деградацию экономики. Слова Дж. М. Кейнса, сочетавшие аналитические выводы с ценностными суждениями, красноречивы: «Способность Германии уплачивать ежегодную дань, как она могла бы делать это до войны, не осталась незатронутой вследствие почти полной потери ее колоний и связей с заморскими странами, потери торгового флота и имущества, находившегося за границей, уступки одной десятой части ее территории и населения, одной трети угля и трех четвертей железной руды, потери двух миллионов мужского населения в расцвете сил, павших на полях сражений, вследствие истощения народа по причине четырехлетнего недоедания, бремени огромного военного долга, обесценения денег до одной седьмой их прежней стоимости, распада ее союзников и их территорий, революции дома и угрозы большевизма на ее границах, наконец, невероятного упадка сил и надежд в результате четырехлетней всепожирающей войны и конечного разгрома» [1, с. 84].

В авторском заключении о платежеспособности Германии фигурировала сумма – 2 млрд фунтов стерлингов как максимальный объем репарационных претензий. По оценке Дж. М. Кейнса,

Германия могла бы уплачивать максимум 100 млн фунтов стерлингов ежегодно на протяжении 20 лет. Говоря о неподъемной тяжести налагаемого бремени, эксперт апеллировал к предыдущему историческому прецеденту – выплате Францией по итогам франко-прусской войны 1870–1871 гг. контрибуции в пользу немцев. Согласно прикидкам, уплата Францией 200 млн фунтов стерлингов в 1871 г. (в текущих ценах), даже пересчитанная с учетом изменения ценности денег до 500 млн фунтов стерлингов, была несравненно менее тяжелой данью [1, с. 90–91].

Заслуживают упоминания два весьма достойных высказывания Дж. М. Кейнса – одно как ученого-экономиста, другое как общественного деятеля. Первое суждение объясняло разрушительные последствия изъятия хозяйственных ресурсов и продукции для уплаты репараций за счет активного сальдо внешнеторгового баланса. По общепринятому мнению, когда у человека отнимают весь избыток результатов труда, его производительность и прилежание ухудшаются. Предприниматель и изобретатель перестанут изобретать, торговец и лавочник перестанут накоплять, земледелец откажется трудиться, если плоды их прилежания поступают не на пользу их детей, не для поддержания их старости, не для удовлетворения их самолюбия или создания общественного положения, но для наслаждения завоевателя-чужеземца [1, с. 94].

Второе суждение звучало так: «Политика, стремящаяся обратить Германию в рабство на целое поколение, поставить миллионы людей в нищенские условия существования, лишить целую нацию счастья, должна быть признана ужасной и возмутительной; она остается таковою, даже если бы она была целесообразна, если бы она могла обогатить нас самих... Есть люди, которые проповедают такую политику во имя справедливости. В великих событиях мировой истории, в развертывании запутанной нити народных судеб то, что называется справедливостью, не ... просто определить. ... Ни религия, ни ... нравственное чувство не дают нациям права взваливать на плечи детей их врагов ответственность за преступления, совершенные их отцами или правителями» [1, с. 102].

В минорном настроении начиналась глава «Европа после мирного договора». Дж. М. Кейнс писал, что ему приходится быть пессимистом, поскольку мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы, и при рассмотрении состояния континента он не делал различий между неизбежными следствиями войны и несчастьями, принесенными мирным договором, которые были вполне устранимы [1, с. 103].

В макроэкономическом анализе сопоставлялась довоенная и послевоенная эволюция европейской экономики. Предвоенную экономику Европы типологически можно интерпретировать как модель добродетельного круга, обеспечивавшую устойчивое развитие на основе научно-технического прогресса, эффективной трансформации отраслевой структуры национальных экономик и международного разделения труда, успешного решения социальных проблем урбанизации, трудовой миграции, занятости и доходов увеличивавшегося населения. Послевоенную европейскую экономику допустимо типологически охарактеризовать как макроэкономическую модель порочного круга, функционировавшую в режиме деградации или депрессивной стагнации. Описание и объяснение модели воспроизводства депрессивной, кумулятивно разрушающейся экономики было значимым вкладом Дж. М. Кейнса в развитие эволюционного направления экономической мысли.

Наиболее знаменательными чертами послевоенного положения Европы ученый считал: понижение производительности; расстройство обмена и транспорта, доставлявшего продукты в места наивысшего спроса; неспособность Европы закупать достаточно материалов за океаном. Производительность сокращалась по причинам: изменения государственных границ и социально-политических потрясений; потери количества и утраты качества рабочей силы вследствие гибели людей на войне, мобилизации и недоедания; истощения почвы из-за недостатка удобрений; неуверенности рабочего класса в материальной обеспеченности жизни; массовой безработицы; падения добычи угля – основы индустриально-транспортной системы континента [1, с. 105, 106].

Уменьшение производства, разрушение хозяйственных связей и системы разделения труда ввергли в ситуацию порочного круга чрезвычайной кризисной стагнации, из которой нельзя было выйти путем стихийного восстановления. Исчезли условия обычного функционирования конкурентно-рыночного механизма регулирования экономики и его координации мерами государственной социально-экономической политики. Сельское население существовало продуктами своего труда, но не имело достаточного излишка для городов, не было заинтересовано в продаже пищи в обмен на дефицитные промышленные товары. Городское население неспособно было поддерживать свою рабочую силу вследствие плохого питания, было лишено заработка из-за недостатка материалов и возможности повысить производительность [1, с. 106].

В дезорганизованной экономике послевоенной Европы была нарушена непрерывность воспроизводственных процессов. Поэтому Дж. М. Кейнсу пришлось распутывать клубок взаимосвязанных макроэкономических проблем, которые менялись местами в причинно-следственном взаимодействии, в зависимости от выбранного ракурса аналитического обзора.

Возобновление постоянной циркуляции производства и обмена посредством внешней торговли предполагало восстановление устойчивости цен, стабильности денежного обращения и сбалансированности государственных финансов в европейских странах. Но этому мешали: дефициты бюджетов воевавших государств; необеспеченная кредитно-денежная эмиссия национальных валют; сохранение фиктивной ценности денег посредством правительственного регулирования цен; государственная организация торговли и снабжения населения предметами первой необходимости; видимая и скрытая инфляция; несоответствие внутренних и мировых цен; недостаток зарубежного частного кредита на закупки промышленного сырья; расстройство денежного обращения; рискованность или невозможность кредитных операций; превращение коммерческой деятельности в спекуляцию на разнице цен [1, с. 108–110].

Правительства европейских стран вынуждены были и после войны печатать бумажные деньги для покрытия бюджетных дефицитов, инициируя все перечисленные взаимосвязанные негативные явления, которые мешали Европе быстро нарастить экспорт и оплачивать импортные товары. Эти взаимные влияния подрывали кредит, необходимый для промышленного капитала и возобновления правильного товарно-денежного обмена, отклоняли силы экономического закона от равновесия, не излечивали тяжелое состояние послевоенной хозяйственной жизни, а способствовали его продлению [1, с. 112–113].

В научно-аналитическом обзоре состояния послевоенной экономики Европы были представлены: условия, механизм и последствия функционирования макроэкономической модели порочного круга; концептуальная схема реверсивной, регрессивной эволюции народного хозяйства страны и региональной европейской экономики. Процесс кумулятивного, самовоспроизводившегося разрушения социально-экономических структур рассматривался в контексте длительной, почти столетней временной протяженности; его результаты сопоставлялись с теоретическим пониманием экономики первой половины XIX в.

В прикладном научном исследовании Дж. М. Кейнс охватил комплекс проблем и теоре-

тически объяснил причинно-следственные связи их спонтанно поддерживавшегося взаимодействия. В перечень основных процессов макроэкономической трансформации на европейском континенте вошли: расстройство воспроизводственного процесса по всем стадиям (производства, распределения, обмена и потребления); деградация кредитно-денежного обращения в ходе необеспеченной эмиссии платежных средств; нарушение хозяйственных связей между городом и сельской местностью; разрушение транспортной инфраструктуры и расстройство товарооборота и торговли; нарастание межотраслевых и территориальных диспропорций из-за разной степени сокращения производства. Количественные изменения сопровождались качественными преобразованиями. Регресс экономики характеризовался деиндустриализацией и рурализацией (лат. *ruralis* – сельский) – процессом, обратным урбанизации.

Европа во многом утратила достижения полувекового довоенного периода. Произошла реверсивная смена модели индустриально-аграрной экономики моделью аграрно-индустриальной экономики. Повернувшись вспять социально-экономическая эволюция дала повод возвратиться к мальтузианско-рикардианской парадигме неустранимой ограниченности численности населения ограниченностью производства средств существования. По мнению Дж. М. Кейнса, многие катастрофы в истории, на целые столетия отбросившие назад прогресс человечества, были реакцией на внезапное исчезновение благоприятных условий, допустивших рост населения сверх того количества, которое могло быть прокормлено, когда эти условия пришли к концу [1, с. 105].

Дж. М. Кейнс пытался убедить своих оппонентов в необходимости пересмотреть условия Версальского мирного договора, предвещая в противном случае нарастание социально-экономических и военно-политических конфликтов на европейском континенте.

Густое население Европы, в значительной мере сконцентрированное в промышленных центрах, обеспечивало себе высокий уровень потребления посредством хрупкой и сложной организации на основе угля, железа и транспорта, а также непрерывного импорта пищевых продуктов и сырья. Вследствие разрушения этой организации и перерыва в подвозе возникла опасность быстрого понижения в образе жизни европейского населения вплоть до голода для некоторой его части. Неизбежные последствия реализации мирного договора могли отбросить Германию назад к фазе экономического развития, которой соответствовала численность населения

полувековой давности. Поэтому подписание Версальского договора было равносильно подписанию смертного приговора миллионам немцев [1, с. 103–105].

Доведенные до крайности люди могли опрокинуть остатки организации и затопить цивилизацию, пытаясь удовлетворить давящую их личную нужду. При достижении границы терпения могущество идей становится неодолимым, и люди стряхивают с себя узы традиции и привычки; кто может предсказать, сколько они способны перенести и в каком направлении будут искать спасение от своих страданий? Россия, Венгрия и Австрия пережили то, что для прочей Европы находилось в области ожиданий, дали пример того, каким могут быть бедствия существования и страдания человечества и как далеко может зайти разложение общества [1, с. 113–114].

Рисуя образную картину бессильной, бездеятельной, дезорганизованной Европы, разделенной внутренними распрями, национальной ненавистью, содрогающейся в борьбе и муках голода, полной грабежа, насилия и обмана, Дж. М. Кейнс риторически вопрошал: чем можно доказать, что эта картина написана в слишком мрачных красках [1, с. 112–113]?

Унынием и грустью была пронизана последняя глава «Экономических последствий мира», хотя она могла быть жизнеутверждающей, поскольку повествовала о средствах восстановления Европы. Дж. М. Кейнс предлагал пересмотреть условия мирного договора, изыскать возможности погашения взаимной задолженности союзников, организовать интернациональный заем, наладить взаимовыгодные экономические отношения Центральной Европы и России.

Обсуждению злободневных вопросов предшествовали размышления о фундаментальных политико-экономических проблемах в контексте формирования новой парадигмы экономической мысли. Дж. М. Кейнс сформулировал теоретико-методологическую предпосылку, на основе которой он впоследствии выстроил концепцию своей самой знаменитой книги «Общая теория занятости, процента и денег» и дал аргументированную критику ограниченности парадигмы мейнстрима стандартной науки.

Дж. М. Кейнс утверждал, что война поставила серьезные проблемы, но их происхождение имело общий и фундаментальный характер. Силы, управлявшие жизнью XIX в., завершили свой путь и исчерпали себя. Экономические мотивы и идеалы прежних поколений потеряли привлекательность; предстояло найти новый путь и ощутить муки рождения на свет нового порядка. Опять проявилась тенденция увеличе-

ния стоимости пищевых продуктов и истощения сил природы, которая сдерживала рост населения во всем мире.

Эти вековые проблемы человечества чрезвычайно обострились в военное лихолетье, затронули Центральную Европу и поразили Россию, Турцию, Венгрию, Австрию, где свирепствовали самые страшные бедствия: голод, холод, болезни, война, убийства и анархия. Против их дальнейшего распространения следовало искать средства, если таковые существовали. Необходимо было дать иное направление важнейшим тенденциям, составлявшим основу ежедневных событий после подписания Версальского мирного договора, и содействовать восстановлению благосостояния и порядка, вместо того чтобы еще глубже повергать европейцев в несчастье [1, с. 116–117].

Призыв к пересмотру и изменению условий договора опирался на рационально-экономические, духовно-нравственные и военно-политические аргументы. Обоснованное определение суммы репараций по возмещению убытков в соответствии с платежеспособностью Германии давало надежду на возрождение предприимчивости немцев, делало ненужным давление на них с целью соблюдения статей договора, которые невозможно было выполнить. Смягчение предписаний по эксплуатации угля и железа необходимо было для активизации промышленности и повышения производительности Германии. Переход в режим свободной международной торговли мог благоприятствовать налаживанию организации и дееспособности европейской экономики [1, с. 121].

Дж. М. Кейнс советовал действовать во имя светлых ожиданий и верить, что процветание и счастье одной страны приносит то же самое и другим странам, что солидарность людей и наций не есть фикция. Следовало отказаться от чрезвычайно опасного взгляда, согласно которому хотя бы одному поколению немцев нельзя дозволить даже небольшой суммы благосостояния, что каждый год Германия должна быть толкаема все дальше к обнищанию, а ее дети подвергаемы испытаниям голода и болезней, что она всегда должна быть окружена врагами [1, с. 121, 122]. Иначе последствия будут не менее трагическими, чем завершившаяся мировая война.

Зловеще прозвучало пророчество Дж. М. Кейнса: «Если мы сознательно будем стремиться к истощению Центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя ждать. Тогда ничто не сможет отсрочить надолго конечную гражданскую войну между силами реакции и отчаянными конвульсиями революции, перед которой побледнеют все ужасы последней европейской войны и которая, кто бы ни победил в

ней, разрушит цивилизацию и прогресс нашего поколения» [1, с. 122]. Через двадцать лет после завершения Версальской мирной конференции Германия развязала Вторую мировую войну...

Предлагая средства восстановления Европы, Дж. М. Кейнс показал себя истинным англичанином, попытался найти компромиссные решения, учитывавшие интересы нескольких государств и гарантировавшие максимизацию выгод Великобритании. Интересы англичан умело отстаивались при обсуждении проблем взаимной задолженности союзников, не имевшей аналогов в прошлом. Погасить возникшие долговые обязательства и взыскать долги было почти невозможно из-за громадных сумм полученных займов, разрушения национальных экономик, деградации государственных финансов, расстройств денежных систем союзных стран, отказа от уплаты долгов и т.п.

Держатели военных займов в каждой стране желали получить большие суммы от плательщиков налогов. Но, по разумению экономиста, необходимо было расчистить огромный и хаотический ворох бумажных обязательств, завещанный финансами военного времени внутри стран и в международных отношениях. Война закончилась взаимной задолженностью соседей: Германия должна союзникам; союзники должны Великобритании; а Великобритания должна Соединенным Штатам. Возникла ситуация, когда общая сумма межсоюзнических податей превзошла сумму платежей, которую можно было получить от неприятеля, а союзники должны были выплачивать друг другу возмещение убытков, вместо того чтобы получить их с общего врага. В искусственном, запутанном и несносном положении нельзя было пошевелиться, не освободившись от бумажных пут долговых обязательств [1, с. 126, 127].

Решение проблемы Дж. М. Кейнс видел в полном уничтожении межсоюзнической задолженности, вызванной потребностями войны, и в обращении к щедрости США, которые были единственным чистым кредитором. Англия ссудила вдвое больше, чем взяла займы; Франция взяла займы втрое больше, чем ссудила; прочие союзники были лишь должниками. Интерес Англии заключался в том, чтобы не возвращать долг американцам, не имея возможности реализовать положительное сальдо своих долговых обязательств [1, с. 123, 124].

Английские политико-экономические интересы зримым образом продвигались Дж. М. Кейнсом в предложении организовать для всех участвовавших в войне стран континентальной Европы международный заем на 200 млн фунтов стерлин-

гов, кредиторами которого могли бы выступить США и Великобритания, имевшие активный баланс межсоюзнической задолженности [1, с. 130].

Идея организации интернационального займа обсуждалась в правящих кругах европейских стран и Америки. Предоставление международной финансовой помощи способствовало бы скорейшему удовлетворению насущных потребностей европейцев и восстановлению производства в условиях превышения европейского ввоза над вывозом, неблагоприятного денежного курса и расстройств денежного обращения. Заем дал бы средства для покупки пищевых продуктов и материалов, реорганизации денежного обращения, пополнения оборотного капитала, обновления экономической организации [1, с. 129, 131].

Англия потерпела неудачу в кредитовании военных нужд своих союзников, не смогла взыскать суммы предоставленных займов и процентов по ним. Поэтому Дж. М. Кейнс жестко оговаривал условия предоставления новых займов и способ их расходования получателями, всячески отстаивая интересы кредиторов: заем следует давать при столь полной уверенности в его обратной выплате, какая вообще возможна, в смысле уплаты процентов и погашения капитала. Этот заем должен иметь преимущество перед всеми претензиями на репарации, перед всеми междусоюзническими военными долгами, всеми внутренними военными займами и всеми прочими видами задолженности европейских правительств. Все государства, получившие ссуду, должны перевести на золото свои таможенные пошлины и отдать их в обеспечение нового займа [1, с. 131].

Заключительный пункт в книге – отношение Центральной Европы к России – достоин самостоятельного научного исследования в контексте экономической истории. Его содержание определял тезис: налаживание экономического сотрудничества между Германией и Россией в интересах Англии. Дж. М. Кейнс прямо говорил, что если мы не позволим Германии обмениваться продуктами с Россией и таким образом питаться, ей придется конкурировать с нами, домогаясь продуктов Америки. Чем легче нам удастся разорвать экономические отношения между Россией и Германией, тем сильнее мы понизим наш уровень жизни и увеличим серьезность наших внутренних проблем [1, с. 134].

Насколько верил Дж. М. Кейнс в возможность пересмотра условий Версальского мирного договора, осуществления предлагавшихся им мер урегулирования репарационных претензий и межсоюзнической задолженности, использования иных средств восстановления Европы, оценить непросто. Но мужественная попытка реализовать задуманное заслуживает уважения.

В конце книги Дж. М. Кейнс поведал о том, ради чего он ее написал: «События грядущих годов будут направляться не сознательными действиями государственных людей, но скрытыми течениями, непрерывно бегущими под поверхностью политической истории, результаты которой никто не в состоянии предсказать. Нам дан лишь один способ влиять на эти скрытые течения; этот способ заключается в использовании тех сил просвещения и воображения, которые изменяют мнение людей. Провозглашение истины, разоблачение иллюзий, уничтожение ненависти, расширение и просвещение человеческих чувств и умов – таковы наши средства. Этой осенью 1919 года, когда я работаю над моей книгой, мы переживаем мертвое время для наших надежд. Реакция после всех усилий, страхов и страданий последних пяти лет достигла высшего пункта. Присущая нам способность чувствовать и сознавать чего-либо, кроме непосредственных вопросов нашего материального благосостояния, временно исчезла. Нас не волнуют даже величайшие события, происходящие вне нашего прямого опыта, даже самые страшные предчувствия. Испытанные нами волнения превосходят всякую меру терпения, и нам нужен отдых. Еще никогда в жизни нашего поколения огонь человеческой души не горел так слабо. Вот почему истинный голос нового поколения не сказал еще своего слова, и молчаливое мнение общества еще не народилось. Образованию этого общего мнения я и посвящаю эту книгу» [1, с. 135].

Заключение

«Экономические последствия мира» традиционно рассматривают в контексте всего научного творчества Дж. М. Кейнса как начало пути, который привел к созданию «Общей теории занятости, процента и денег». Этот шестнадцатилетний путь выдающемуся английскому ученому пришлось проходить в обстановке долгосрочной, крайне неблагоприятной макроэкономической конъюнктуры, поразившей всех европейских участников Первой мировой войны, последствия которой, как и Версальского мирного договора, преодолевались с большим трудом. Осмысление произошедшей трансформации экономики Европы и отдельных ее стран побудило к критическому пересмотру ряда фундаментальных положений мейнстрима экономической науки. Классическая экономическая теория соответствовала завершившейся викторианской эпохе английской мировой гегемонии, идеологически оправдывала и теоретически объясняла миросистемную модель капитализма *laissez-faire*, но была малопригодна для понимания деградации экономики военного времени и закономерностей послевоенного восстановления

хозяйственной жизни. Великая депрессия 1929–1933 гг. ввергла западные страны в макроэкономическую ситуацию, аналогичную конъюнктуре хозяйственной деградации военного времени десятилетней давности. Поэтому смелые, новаторские идеи, возникшие и разработанные в процессе написания «Экономических последствий мира», послужили теоретико-методологическим ключом к постановке и разрешению проблем «Общей теории занятости, процента и денег».

Биографы Дж. М. Кейнса справедливо заостряли внимание на экстраординарном, многообразном, основополагающем значении публикации «Экономических последствий мира». Р. Скидельски писал о том, что Дж. М. Кейнс утверждал право экономической науки на созидание будущего, обращался к восходящему поколению с призывом огромной привлекательной силы. Ученым надлежало «произвести уборку в доме» после ужасного беспорядка, оставленного «князьями старого мира». Дж. М. Кейнсу же предстояло биться над вопросами: соответствует ли новой задаче экономическая теория девятнадцатого века, или она осталась достойным уничтоженного войной старого мира? Свой ответ он дал в «Общей теории занятости, процента и денег» [3, с. 447, 448].

Оригинальную интерпретацию сопоставления работ Дж. М. Кейнса предложил Й. Шумпетер, поясняя, что, хотя теория в книге «Экономические последствия мира» проста и не использует сложных методов, она заслуживает внимания. Слегка изменив оригинальный авторский текст, можно констатировать: с началом войны в августе 1914 г. закончилось время благоприятного периода («удивительного эпизода») капитализма *laissez-faire*. Стремительно исчезали условия, позволявшие ведущим предпринимателям добиваться успехов: быстрый рост населения, создаваемые техническим прогрессом многочисленные возможности инвестирования, освоение новых источников питания и сырья. В прежние годы легко находилось применение сбережениям буржуазии, которая продолжала «откладывать на черный день». Но к 1920 г. стали слабеть побуждающие импульсы, постепенно выветривался дух частного предпринимательства, утрачивались возможности для инвестиций, и привычка буржуазии делать сбережения потеряла свою социальную функцию; их существование даже усугубляло ситуацию [2, с. 365].

Дж. М. Кейнс, по мнению Й. Шумпетера, разработал современную теорию экономической стагнации, отличную от теории Д. Рикардо. В предложенном объяснении послевоенной депрессии экономики уже видны истоки «Общей теории занятости, процента и денег». В любой серьезной теории экономического состояния общества присутствуют два взаимодополняющих элемента.

Во-первых, видение автора – мнение теоретика об основных признаках экономического состояния общества в исследуемый период. Во-вторых, метод, аппарат, при помощи которого авторское видение концептуализируется и превращается в конкретные предположения или теории. Мы не найдем на страницах «Экономических последствий мира» того теоретического аппарата, который Дж. М. Кейнс использовал в «Общей теории...». Но в этой книге мы обнаружим то видение экономических и социальных явлений, к которому теоретический аппарат служил простым техническим дополнением. «Общая теория...» стала итогом длительной борьбы Дж. М. Кейнса за то, чтобы теоретически выразить свое видение нашего времени, сделать его аналитически функциональным [2, с. 366].

Й. Шумпетер точно расставил акценты, указав на общность самой важной предпосылки – видения автора и на формальные различия методологии и теоретических инструментов, при помощи которых выстраивались концептуальные конструкции двух сопоставляемых произведений Дж. М. Кейнса. Однако при более пристальном рассмотрении поставленной проблемы можно увидеть, что «Общая теория...» оказалась реминисценцией «Экономических последствий мира», что фундаментальные теоретико-методологические предпосылки поздней публикации во многом уже сформировались в ранней научной работе. Более того, есть основания утверждать, что теоретико-методологический аппарат «Экономических последствий мира» заслуживает не менее высокой оценки, чем научный инструментарий «Общей теории...». Доказательством выдвинутого предположения служат нижеследующие соображения.

«Экономические последствия мира» заложили истоки обновления парадигмы мейнстрима стандартной теории, показали ограниченность, односторонность классической и неоклассической экономической науки, с концептуальной критики которой как частного случая теоретических изысканий начиналась «Общая теория занятости, процента и денег». Постулаты классической теории: микроэкономическое видение, стихийное стремление рынков к относительно устойчивому, статическому равновесию при эффективном и полном использовании всех хозяйственных ресурсов, заинтересованное взаимовыгодное поведение экономических субъектов в соответствии с их функциями – не годились для изучения и объяснения процессов макроэкономической трансформации в рамках отдельных государств и всего Европейского континента в периоды бурного экономического развития на рубеже XIX–XX вв., военного лихолетья и послевоенного восстановления экономики.

Мудрый Дж. М. Кейнс в «Экономических последствиях мира» избрал «аналитически функциональный» макроэкономический подход, обращенный на решение реальных проблем, признававший незаменимую роль государственной власти в национальной экономике и мировом хозяйстве, рассмотрел то, что составило впоследствии название самой популярной его книги, – теорию занятости, процента (кредита) и денег (обращения национальных валют).

Научную составляющую «Экономических последствий мира» в сравнении с «Общей теорией...» можно охарактеризовать в стиле оксюморона как еще более общую и одновременно более конкретную теорию. Она включила в себя национальный, региональный, международный уровни экономики, сопоставляла эволюционно-мирный, разрушительно-мобилизационный (военный), восстановительно-деградирующий, восстановительно-созидательный режимы функционирования экономики. Такой ракурс исследования проблемы был конкретнее, нежели традиционное абстрактно-логическое сравнение простого, расширенного и сокращающегося воспроизводства. Она подкреплялась анализом фактологического, статистического материала, экспертными оценками макроэкономической динамики. Она демонстрировала результативность прикладного исследования в объяснении территориально-хронологической динамики международного разделения труда.

В литературоведческой герменевтике есть любопытное определение классического произведения. Классикой признают произведение, которое само себя объясняет; оно понятно читателю без дополнительных пояснений, интерпретации авторской точки зрения, необходимых толкований фрагментов трудно воспринимаемого текста. В соответствии с названным критерием оценки фундаментальная работа Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» едва ли соответствует понятию классического научного творения; она очень сложна для чтения и восприятия во всех ипостасях: по содержанию, логике изложения материала и стилю написания текста. В формировании нового направления экономической мысли – кейнсианства – «короля играла свита». Ученики и последователи Дж. М. Кейнса в своих публикациях занимались герменевтической интерпретацией «Общей теории...», толкованием отдельных ее положений, расширяли зону применения ее теоретико-методологических предпосылок и выводов, создавали целостную концепцию, достраивая отсутствующие научные компоненты.

Совсем по-иному выглядит книга «Экономические последствия мира». Она построена «на соображениях, понятных для всех, и на фактах, известных всему миру», как писал в ее предисловии Дж. М. Кейнс [1, с. XIV]. Вдумчивому читателю не требуется герменевтического сопровождения для растолкования и разъяснения текста, который читается и воспринимается легко, отличается глубоким содержанием, четкой логикой подачи материала и блестящим стилем написания книги. В этом смысле «Экономические последствия мира» – творение, заслуживающее статуса классики мировой экономической мысли, шедевр макроэкономической теории, не утративший своей научной ценности и актуальности за столетие, истекшее со времени его создания и публикации.

Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М. ; Л. : Госиздат, 1924. 136 с.
2. Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М. : Изд-во Института Гайдара, 2011. 416 с.
3. Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель : в 2 кн. Кн. 1. М. : Моск. школа политических исследований, 2005. 784 с.
4. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство как типологический признак развития экономики России : теоретико-методологический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 31–44.

References

1. Keynes J. M. *Ekonomicheskie posledstviya Versal'skogo mirnogo dogovora* [The Economic Consequences of the Peace]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1924. 136 p. (in Russian).
2. Schumpeter J. A. *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. New York, Oxford University Press, 1951. 305 p. (Russ. ed.: Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2011. 416 p.).
3. Skidelsky R. *Dzhon Mejnard Kejns. 1883–1946. Ekonomist, filosof, gosudarstvennyi deiatel': v 2 kn. Kn. 1* [John Maynard Keynes. 1883–1946. Economist, Philosopher, Statesman: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2005. 784 p. (in Russian).
4. Cheremisinov G. A. Government Entrepreneurship as a Sign of Typological Development of the Russian Economy: Theoretical and Methodological Aspects. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 31–44 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 07.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 05.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 18–22
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 18–22

Научная статья

УДК 658.5

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-18-22>

Конкурентоспособность: концептуальные подходы и уровни исследования

Е. М. Рудь

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Рудь Евгений Михайлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и таможенного дела, erud_60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3560-857X>

Аннотация. Введение. В настоящее время термин «конкурентоспособность» прочно вошел в научную литературу и профессиональный обиход. Он стал темой различных методологических, теоретических и прикладных исследований. В литературе можно встретить разные подходы к анализу проблем экономического содержания конкурентоспособности. Это вызвано, прежде всего, тем обстоятельством, что по мере развития рыночной экономики сама категория «конкурентоспособность» учеными трактовалась исходя из их собственного понимания сложившейся в данный момент ситуации, цели и задач исследования. Это привело к излишне широкому использованию данного термина, когда зачастую концепт конкурентоспособности применялся не по своей сути. Поэтому актуальность настоящего исследования очевидна. **Теоретический анализ.** В статье обобщены различные концептуальные подходы, применяемые в экономической науке при исследовании категории «конкурентоспособность». **Результаты.** Уточнено понятие категории «конкурентоспособность», рассмотрены уровни исследования конкурентоспособности, показана их взаимосвязь.

Ключевые слова: конкурентоспособность, концепции конкурентоспособности, уровни конкурентоспособности

Для цитирования: Рудь Е. М. Конкурентоспособность: концептуальные подходы и уровни исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 18–22. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-18-22>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-18-22>

Competitiveness: Conceptual approaches and research levels

Evgeni M. Rud, erud_60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3560-857X>

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Introduction. Currently, the term “competitiveness” is firmly established in scientific literature and professional usage. It has become the subject of various methodological, theoretical and applied research. In literature, one can find different approaches to analyzing the problems of economic content of competitiveness. This is primarily due to the fact that as the market economy developed, the very category of “competitiveness” was interpreted by scientists basing on their own understanding of the current situation, the purpose and objectives of the study. This led to its overly wide use, when the concept of competitiveness was often not applied in its essence. Therefore, the relevance of this study is obvious. **Theoretical analysis.** The article summarizes various conceptual approaches used in economic science in the study of the category of “competitiveness”. **Results.** The concept of the “competitiveness” category is clarified, the levels of competitiveness research are considered, and their relationship is shown.

Keywords: competitiveness, concepts of competitiveness, levels of competitiveness

For citation: Rud E. M. Competitiveness: Conceptual approaches and research levels. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 18–22 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-18-22>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Термин «конкурентоспособность» широко используется в современных исследованиях различных проблем конкуренции. При этом в научной литературе нет единого подхода к анализу сущности конкурентоспособности. Во многом это обусловлено тем обстоятельством,

что по мере развития рыночных отношений сам этот термин различными учеными трактовался в соответствии с их собственным пониманием сложившейся в данный момент ситуации в экономике, целей и задач исследования. В итоге дается, по нашему мнению, излишне широкое толкование понятия конкурентоспособности, и,

как следствие, нередко случаи его использования не по своей сути. Отсюда актуальность и своевременность данного исследования.

Теоретический анализ

Для того чтобы определить категорию «конкурентоспособность», рассмотрим основные подходы, имеющиеся в экономической науке, к использованию концепции конкурентоспособности, а именно: критический, системно-диалектический, конструктивистский (или функциональный), объективистский и комбинированный.

Отрицающий вообще какое-либо самостоятельное содержание понятия «конкурентоспособность» **критический подход** полностью отказывается концепции конкурентоспособности в операционном применении [1, с. 78].

Согласно **системно-диалектическому подходу** концепция конкурентоспособности имеет четкий смысл и единственное толкование. Под конкурентоспособностью представителями данного подхода понимается способность объекта удерживать свои позиции в конкурентной борьбе с другими аналогичными объектами [2, с. 135]. В таком понимании, по нашему мнению, конкурентоспособность выступает универсальной характеристикой любого объекта, даже и не являющегося собственно экономическим. Конкурентоспособность в данном случае тесно связана с понятием качества.

Напротив, **конструктивистский (или функциональный) подход** характеризуется тем, что категории «конкурентоспособность» не дается единого и универсального толкования, в связи с чем она наполняется конкретным содержанием в зависимости от того, к какому объекту или субъекту относится. Это объясняется их различной спецификой, набором факторов, на них влияющих, а также различием целей и задач исследования [3, с. 39]. С данным тезисом, по нашему мнению, следует согласиться, поскольку в этом случае важно не само определение понятия «конкурентоспособность» как таковое, а изменение его содержания в зависимости от специфики исследуемого объекта или субъекта.

Толкование концепции конкурентоспособности применительно к отдельным элементам экономической системы дает **объективистский подход**. Его обязательным условием является необходимость дополнительного обоснования и увязки конкурентоспособности с теорией конкуренции, в которой конкурентоспособность определяется как свойство объекта или субъекта конкуренции. Без этого бессмысленно говорить о конкурентоспособности [4, с. 69]. Этот тезис не вызывает сомнений. Вместе с тем представ-

ляется целесообразным добавить данный подход использованием и теории конкурентных преимуществ, разработанной М. Портером, согласно которой конкурентоспособность и конкурентное преимущество являются тесно взаимосвязанными и взаимоопределяющими друг друга понятиями, где конкурентное преимущество выступает факторным признаком, а конкурентоспособность – результирующим признаком. Причем конкурентоспособность зависит не столько от набора конкурентных преимуществ как таковых, сколько от умения комбинировать их [5, с. 30].

Комбинированный подход в своей сущности является разновидностью конструктивистского подхода. Для него характерно, прежде всего, то, что, во-первых, общее понятие конкурентоспособности не определяется, а во-вторых, она рассматривается в отношении достаточно узкого числа объектов. Именно этот подход применяется, например, в теории маркетинга, которая акцентирует свое внимание на изучении лишь двух категорий: «конкурентоспособности товара» и «конкурентоспособности организации (фирмы)» [6, с. 86].

Результаты

Анализ и обобщение существующих в науке подходов к определению категории «конкурентоспособность» позволили автору констатировать, что универсальной трактовки понятия «конкурентоспособность» не существует. Оно наполняется конкретным содержанием в зависимости от специфики исследуемого объекта или субъекта.

При определении конкурентоспособности большинство исследователей исходят из ее ключевых свойств, а именно: относительности, объективности, обусловленности, динамичности, возможности управлять, что позволяет определить перечень объектов, к которым это свойство применимо и может быть постулировано как имплицитно у них имеющееся.

Вместе с тем представляется необходимым дополнить характеристику конкурентоспособности таким сущностным признаком, как способность субъекта осуществлять те или иные *конкурентные действия* эффективнее и лучше по сравнению с соперниками.

Исходя из этого, с точки зрения экономической методологии и теории, под конкурентоспособностью следует понимать обладание свойствами и способностью совершать определенные действия субъектом рынка, обеспечивающие ему преимущества в конкурентной борьбе.

По отношению к уровню экономики, для которого применяется понятие «конкурентоспособность», в литературе также приводятся

различные трактовки данной категории. Это обусловлено разной масштабностью данных уровней, спецификой факторов, влияющих на них, различием целей и задач исследования.

Таким образом, можно констатировать, что конкурентоспособность является сложным и многоуровневым понятием, анализ и оценку

которого необходимо обязательно увязывать с конкретным конкурентным полем, и особенно с его уровнем [7, с. 15].

По нашему мнению, конкурентоспособность следует исследовать на четырех уровнях: микроуровне, мезоуровне, макроуровне и мегауровне (таблица). При этом каждый более

Характеристики уровней конкурентоспособности

Table. Characteristics of competitive levels

Уровень	Определяющие свойства	Основные показатели
<i>Микроуровень:</i> – товар – предприятие	Способность товара быть приобретенным в приоритетном порядке по сравнению с товарами конкурентов Способность предприятия успешно соперничать как на внутреннем, так и на внешнем рынках и получать относительно конкурентов экономические выгоды	Качество товара (услуги), цена, сервис, маркетинговое сопровождение и т.д. Конкурентоспособность изделия, финансовое состояние, технический уровень, уровень квалификации работников и менеджеров, эффективность маркетинговой деятельности, рентабельность продаж, имидж, эффективность менеджмента предприятия и т.д.
<i>Мезоуровень:</i> – отрасль – регион	Способность отрасли производить товары и услуги, соответствующие современным требованиям мирового и национального рынков, и обеспечивать возрастание потенциала конкурентоспособности ее предприятий Способность региона производить товары и услуги, соответствующие современным требованиям мирового и национального рынков, создавать условия для наращивания своих ресурсов, обеспечивающих рост потенциала конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, темпы роста ВВП и качество жизни населения региона	Отраслевая структура, уровень высококонкурентных предприятий-лидеров, уровень развития отраслевой инфраструктуры, уровень развития научно-технического, коммерческого и иного сотрудничества как внутри отрасли, так с другими отраслями в стране и за ее пределами, уровень капиталоемкости, уровень экспортной ориентированности или импортной зависимости отрасли, степень соответствия уровня развития отрасли общему уровню развития экономики, степень применения продукции отрасли в других отраслях экономики и т.д. Место региона на внутреннем и внешнем рынках, определяемое действием экономических, социальных и других факторов, уровень жизни населения и возможность реализовывать экономический потенциал, уровень конкурентоспособности товаров и услуг, выпускаемых предприятиями региона, темпы наращивания региональных ресурсов и т.д.
<i>Макроуровень:</i> – страна	Способность страны участвовать в международной торговле и иных формах международных экономических отношений, а именно: соревноваться с мировыми лидерами, удерживать и расширять определенные сегменты на мировых рынках, производить продукцию, соответствующую международным стандартам, создавать условия эффективной деятельности предприятий как на национальном, так и на внешнем рынках	Уровень развития экономики и темпы экономического роста, величина расходов на НИОКР, % от ВВП, доля страны в мировом экспорте, темпы роста инвестиций (внутренних и внешних), % к ВВП, доля налогов в ВВП, уровень и качество жизни населения, уровень ключевой ставки, мировой рейтинг конкурентоспособности страны и т.д.
<i>Мегауровень:</i> – ТНК – объединения стран	Способность транснациональной фирмы к завоеванию рыночных позиций в глобальном масштабе, их удержанию, укреплению и расширению по сравнению с конкурентами Способность объединения стран к завоеванию рыночных позиций в глобальном масштабе, их удержанию, укреплению и расширению по сравнению с конкурентами	<i>Для традиционных отраслей:</i> уровень инновационного развития технологий; объем финансовых ресурсов; объем нематериальных активов; бренды; уровень дифференциации продукции и т.д. <i>Для высокотехнологичных отраслей:</i> уровень динамических способностей, знаний, творчества, интеллектуального потенциала; высокая степень адаптации и предвосхищения спроса и т.д. Стадия развития государства, основополагающие показатели развития государства, индекс глобальной конкурентоспособности и т.д.

общий уровень исследования в своей сущности представляет собой особую конкурентную среду, в которую глубоко интегрирован более частный уровень. В связи с этим в процессе анализа уровней конкурентоспособности необходимо обязательно учитывать то обстоятельство, что, с одной стороны, каждый уровень конкурентоспособности является отдельной и относительно самостоятельной системой, но, с

другой стороны, этот же уровень есть подсистема более общей системы, складывающейся на вышестоящем уровне конкурентоспособности. Очевидно и то, что в ходе изучения того или иного конкретного уровня помимо общих приемов должны использоваться и свои, особенные подходы.

Взаимосвязь вышеуказанных уровней конкурентоспособности показана на рисунке.

Взаимосвязь уровней конкурентоспособности
Fig. Relationship between levels of competitiveness

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Применительно к экономической сфере в наиболее общем виде конкурентоспособность можно определить как обладание свойствами и способностью совершать определенные действия хозяйствующим субъектом, обеспечивающими ему преимущества над соперником в процессе конкуренции на рынке. Конкурентоспособность является сложным понятием, анализ которого необходимо обязательно увязывать с конкретным конкурентным полем, и особенно с его уровнем.

2. Конкурентоспособность следует исследовать на четырех уровнях: микро-, мезо-, макро- и мегауровнях. Все они взаимосвязаны друг с другом, что проявляется в том, что каждый вышестоящий уровень (и их совокупность) интегрирует в себе нижестоящий.

3. Изучение этих уровней невозможно без учета двойственной особенности каждого из них. В этой связи в процессе анализа необходимо учитывать, что любой отдельно взятый уровень конкурентоспособности, с одной стороны, представляет собой самостоятельную экономическую систему, а с другой – является составной частью единой системы.

Список литературы

1. *Емадаков Р. Ю.* Экономическая конкуренция и конкурентоспособность предприятия (теоретико-методологический анализ). Йошкар-Ола : Изд-во ПГТУ, 2017. 208 с.
2. *Фатхутдинов Р. А.* Уровни и объекты конкурентоспособности // Современная конкуренция. 2009. № 4 (16). С. 123–143.
3. *Кормнов Ю.* Ориентация экономики на конкурентоспособность // Экономист. 1997. № 1. С. 38–48.
4. *Коваленко А. И.* Теоретические и методологические аспекты использования концепции «конкурентоспособности» в научных исследованиях // Современная конкуренция. 2013. № 6 (42). С. 65–79.
5. *Портер М.* Конкурентное преимущество : Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М. : Бизнес Букс, 2005. 715 с.
6. Управление конкурентоспособностью организации / под ред. Л. А. Сафоновой. Новосибирск : Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2016. 154 с.
7. *Гельвановский М. И., Жуковская В. М., Трофимова И. Н., Чертко Н. Т.* Национальная конкурентоспособность : понятие, факторы, показатели // Вопросы статистики. 1999. № 12. С. 15–17.

References

1. Emadakov R. Yu. *Ekonomicheskaya konkurenciya i konkurentosposobnost' predpriyatiya (teoretiko-metodologicheskij analiz)* [Economic Competition and Enterprise Competitiveness (Theoretical and Methodological Analysis)]. Yoskar-Ola, PGTY Publ., 2017. 208 p. (in Russian).
2. Fatkhutdinov R. A. Levels and Objects of Competitiveness. *Sovremennaya konkurenciya* [Modern Competition], 2009, no. 4 (16), pp. 123–143 (in Russian).
3. Kormnov Yu. Orientation of the Economy on Competitiveness. *Ekonomist* [Economist], 1997, no. 1, pp. 38–48 (in Russian).
4. Kovalenko A. I. Theoretical and Methodological Aspects of the Concept of “Competitiveness” in Scientific Research. *Sovremennaya konkurenciya* [Modern Competition], 2013, no. 6 (42), pp. 65–79 (in Russian).
5. Porter M. E. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York, Free Press, 1985. 658 p. [Russ. ed.: Moscow, Biznes Buks Publ., 2005. 715 p.].
6. *Upravleniye konkurentosposobnost'yu organizatsii*. Pod red. L. A. Safonovoy [L. A. Safonova (ed.) Organization Competitiveness Management]. Novosibirsk, Sibirskiy gosudarstvennyi universitet telekommunikatsiy i informatiki Publ., 2016. 154 p. (in Russian).
7. Gel'vanovskiy M. I., Zhukovskaya V. M., Trofimova I. N., Chertko N. T. National Competitiveness: Concept, Factors, Indicators. *Voprosy statistiki*, 1999, no. 12, pp. 15–17 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.09.2020, после рецензирования 27.09.2020, принята к публикации 16.10.2020
Received 17.09.2020, revised 27.09.2020, accepted 16.10.2020

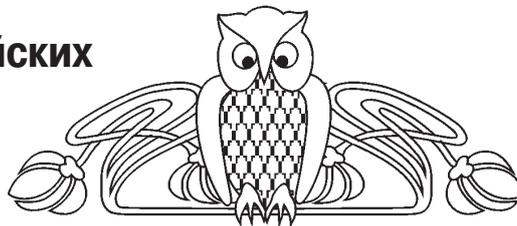
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 23–29
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 23–29

Научная статья

УДК 339.92

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-23-29>

Факторы развития российско-китайских экономических отношений в интеграционном поле Евразии

М. В. Селюков, Н. П. Шалыгина, А. М. Кулик

Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Селюков Максим Викторович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, selyukov@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2597-6187>

Шалыгина Наталья Петровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики, shalygina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8257-0933>

Кулик Анна Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и экономической безопасности, kulik@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4644-151X>

Аннотация. Введение. Уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что Китай в складывающихся условиях развития глобальной экономики является важнейшим и приоритетным партнером в контексте развития внешнеэкономической деятельности нашей страны. **Теоретический анализ.** Развитие стратегического подхода к двустороннему экономическому сотрудничеству с Китаем является наиболее актуальным в современной системе координат внешнеэкономической деятельности России. В настоящее время Китай – действительно важнейший и приоритетный партнер в вопросах, связанных с развитием внешнеэкономической деятельности нашей страны. В истории взаимоотношений России и Китая были разные этапы, однако их современное состояние вселяет надежду на еще больший в стратегической перспективе взаимовыгодный эффект. Востребованность исследования становления, трансформации и развития российско-китайских связей в контексте внешнеэкономических связей и проектов обусловлено растущим в России влиянием Китая за последние четыре года, охлаждением отношений России и Запада после событий 2014 г. и российским «поворотом на Восток». **Эмпирический анализ.** Говоря об эффективности внешнеэкономических связей России и Китая в 2019 г., следует отметить, что товарооборот России с Китаем вырос на 3,4% до 110,76 млрд долл., в том числе экспорт России в Китай увеличился на 3,2% до 61,05 млрд долл., импорт из КНР в Россию – на 3,6% до 49,7 млрд долл. Для сравнения: товарооборот между КНР и США на фоне торговой войны между этими странами снизился на 14,6%. Он составил 541,22 млрд долл. США, причем 418 млрд долл. – из Китая в Америку. **Результаты.** Предпосылок и факторов для дальнейшего развития отношений и углубления торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем в последнее время складывается все больше. Помимо классических факторов: географических, территориального соседства, а соответственно, и общей границы, что позволяет развивать новые формы сотрудничества и ведения бизнеса (приграничная торговля, трансграничные экономические зоны и кластеры, межбанковские расчеты в национальных валютах на приграничных территориях и др.), усиливаются факторы политического характера, а также влияние тенденций развития современной мировой экономики на углубление двусторонних экономических отношений между странами. Однако при этом важно помнить, что в сегодняшних реалиях Россия больше нуждается в Китае, чем Китай в России.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговая деятельность, экономическое сотрудничество, российско-китайские экономические отношения

Для цитирования: Селюков М. В., Шалыгина Н. П., Кулик А. М. Факторы развития российско-китайских экономических отношений в интеграционном поле Евразии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 23–29. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-23-29>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-23-29>

Factors of the Russian-Chinese economic relations development in the Eurasian integration field

Maksim V. Selyukov, selyukov@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2597-6187>

Natalia P. Shalygina, shalygina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8257-0933>

Anna M. Kulik , kulik@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4644-151X>

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Abstract. Introduction. We can confidently say already that in the current conditions of global economic development, China is the most important and priority partner in the development of our country's foreign economic activity. **Theoretical analysis.** The development of a strategic approach to bilateral economic cooperation with China is the most relevant in the modern system of coordinates of Russia's foreign economic activity. Nowadays China is really the most important and priority partner in the issues related to the development of our country's foreign economic activity. There have been different stages in the history of relations between Russia and China, but their current state gives hope for even greater mutually beneficial effect in the strategic perspective. The need to study the formation, transformation and development of Russian-Chinese relations in the context of foreign economic relations and projects is due to the growing influence of China in Russia over the past four years, the cooling of relations between Russia and the West after the events of 2014 and the Russian "turn to the East". **Empirical analysis.** Speaking about the effectiveness of foreign trade relations between Russia and China in 2019, it should be noted that Russia's trade turnover with China in 2019 increased by 3.4% to \$110.76 billion, including Russia's exports to China increased by 3.2% to \$61.05 billion, imports from China to Russia increased by 3.6% to \$49.7 billion. In comparison, the trade turnover between China and the United States fell by 14.6% to \$541.22 billion against the background of a trade war between these countries. It amounted to USD 541.22 billion, with USD 418 billion coming from China to America. **Results.** The prerequisites and factors for further development of relations and deepening of trade and economic cooperation between Russia and China have recently been growing. In addition to classical factors: geographical, territorial and, consequently, common border, which allows the development of new forms of cooperation and business (cross-border trade, cross-border economic zones and clusters, interbank settlements in national currencies in border areas, etc.). Political factors are increasing, as well as the impact of modern world economic trends on deepening bilateral economic relations between the countries. However, it is important to remember that in today's realities Russia needs China more than China needs Russia.

Keywords: foreign economic activity, foreign trade activity, economic cooperation, Russian-Chinese economic relations

For citation: Selyukov M. V., Shalygina N. P., Kulik A. M. Factors of the Russian-Chinese economic relations development in the Eurasian integration field. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 23–29 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-23-29>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Факт переориентации за последние годы российской экономики на новые рынки сбыта отечественной продукции и укрепление торгово-экономических отношений с рядом стран Азии и Латинской Америки позволил создать условия для развития долгосрочных внешнеэкономических связей с ними. И в первую очередь это касается крупнейшего партнера России в Азии – Китая.

Уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что Китай в складывающихся условиях развития глобальной экономики является важнейшим и приоритетным партнером в контексте развития внешнеэкономической деятельности нашей страны. Тем более что «с учетом достаточно перспективной инициативы Китая, направленной на совершенствование существующих и создание новых торговых путей, транспортных, а также экономических коридоров, которая вначале получила название “Экономический пояс Шелкового пути” (ЭПШП), а сейчас эта уже концепция носит название “Один пояс – один путь”, российская экономика может получить дополнительные стимулы для своего развития. А именно: статус крупной транзитной зоны; рост окупаемости вложений в транспортную инфраструктуру; более активное развитие регионов азиатской части страны; возможность увеличить объем поставок российской продукции в Азию» [1, с. 417].

Теоретический анализ

На сегодняшний день формирование стратегического подхода к развитию внешнеэкономических связей для нашей страны является одним из важнейших процессов, от реализации которого зависит сохранение Россией своих рынков сбыта, а в некоторых сферах и секторах мировой экономики – достижение лидирующих позиций на основе эффективного участия в мировом разделении труда и повышение конкурентоспособности отечественной продукции. Трудность формирования и реализации такого подхода объясняется высокой турбулентностью мировой экономики, современный мир переживает глубокие трансформации, связанные с глобальными вызовами и противоречивым характером социально-экономических процессов.

Согласно стратегическим целям и задачам РФ в сфере внешнеэкономических связей, в настоящее время наиболее актуальными направлениями в контексте развития двустороннего экономического сотрудничества являются следующие (рис. 1).

Однако уверенно можно сказать, что развитие стратегического подхода к двустороннему экономическому сотрудничеству с Китаем является наиболее актуальным в современной системе координат внешнеэкономической деятельности России. В настоящее время КНР действительно выступает важнейшим и приоритетным партнером в вопросах, связанных с

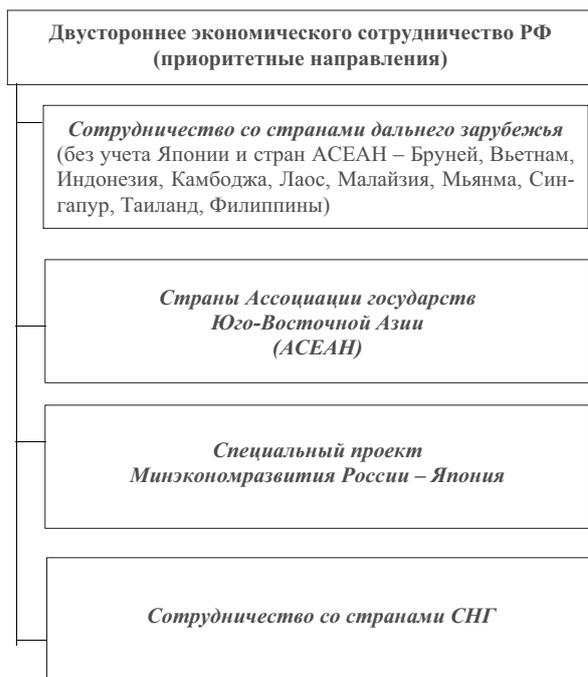

Рис. 1. Направления в контексте развития двусторонне-экономического сотрудничества

Fig. 1. Areas in the context of bilateral economic cooperation

развитием внешнеэкономической деятельности нашей страны. В истории взаимоотношений России и Китая были разные этапы, однако их современное состояние вселяет надежду на еще больший в стратегической перспективе взаимовыгодный эффект.

«История взаимоотношений между странами берет свое начало еще с XIII столетия, однако на официальном уровне два государства стали контактировать только в XVII веке. Их связи всегда были весьма важным фактором развития этих двух крупных держав, а то, в каком состоянии были отношения между двумя странами, оказывало влияние на весь Азиатско-Тихоокеанский регион, а зачастую и на весь мир.

Востребованность исследования становления, трансформации и развития российско-китайских связей в контексте внешнеэкономических связей и проектов обусловлено растущим в России влиянием Китая (КНР, Китайская Народная Республика) за последние четыре года, охлаждением отношений России и Запада после событий 2014 г. и российским «поворотом на Восток»» [2, с. 224].

Именно сейчас в СМИ все чаще можно увидеть устойчивую фразу, что «Россия совершила поворот на Восток». «Данное заявление появилось в обороте широкой массы в связи с неоднозначными политическими конфликтами. Сложная обстановка на мировой арене, об-

острившаяся после событий 2014–2015 гг., и последовавшие за ней санкции по отношению к нашей стране вынудили сменить приоритеты международного сотрудничества в сторону новых центров мира, а именно – в сторону Китая, Индии и других участников БРИКС и ЕАЭС. Российско-китайские отношения вышли сегодня на уникальный в их истории уровень всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства и, без сомнения, имеют хорошую перспективу развития» [3, с. 51].

Как показывает практика развития внешнеэкономических связей, на данный момент наиболее усиленно налаживаются связи и многопрофильные двусторонние договоренности между Россией и Китаем, о чем свидетельствуют обороты внешней торговли и экономического, политического и иных типов сотрудничества, таких как Соглашение о Евразийском экономическом партнерстве, сопряжение строительства ЕврАзЭС и концепции «ОПОП».

Нельзя не согласиться с мнением ряда экспертов, что «партнеры с Запада проявляют усердие по установке препятствий на пути качественного сдвига России к технологическим границам, рядом с которыми функционирует экономика страны, толкая ее к сырьевому характеру экономики. Достигая цели инновационного развития, российская экономика вступила в фазу стратегического партнерства со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), главной из которых стала Китайская Народная Республика» [4, с. 6]. Именно санкции, негативное отношение к отечественной экономике, России в целом со стороны «развитых западных стран» на сегодняшний день стали одними из важнейших факторов «поворота на Восток». Здесь, в сущности, можно вспомнить один из законов жизни: «закрывается одна дверь, открывается другая». При этом следует отметить, что Россия старается поддерживать взаимовыгодные взаимоотношения, в том числе и экономического характера, с рядом стран, старающихся проявлять самостоятельность и суверенность в этих вопросах. Например, достаточно плодотворно развиваются специальные формы сотрудничества с Германией – Декларация о двусторонней инициативе «Партнерство для эффективности»; с Францией – дорожная карта по реализации Совместного заявления Министерства экономического развития Российской Федерации и Министерства экономики и финансов Французской Республики по «новому российско-французскому партнерству для экономики будущего» и т.п.

Согласно заявлению Президента РФ В. В. Путина, «российско-китайские связи сегодня, пожа-

луй, достигли наивысшего уровня за всю историю и продолжают поступательно развиваться. В основе партнерства России и Китая – глубокое взаимное уважение и доверие, учет ключевых интересов друг друга, заинтересованность в процветании наших стран» [5].

Взаимное сотрудничество и торговое партнерство России и Китая взаимодополняемость экономик двух стран в сфере энергоресурсов, наукоемких отраслей хозяйства, тяжелой и добывающей промышленности – со стороны России, и легкой промышленности, наличия дешевой рабочей силы, значительных валютных ресурсов – со стороны Китая, являются определяющими факторами российско-китайских отношений [6].

Эмпирический анализ

Результатом торгово-экономических отношений с Китаем начиная именно с 2017 г. является первое место последнего в товарообороте России как в целом (86 975 млн долл., или 14,9%), так и в разрезе экспорта (38 919 млн долл., или 10,9%) и импорта (48 056 млн долл., или 21,1%). Более того, именно Китай занимает лидирующее место в несырьевом экспорте России (11 322 млн долл.), что, несомненно, является важнейшим фактором дальнейшей модернизации отечественной экономики.

В 2019 г. товарооборот России с Китаем также имел положительную динамику, в частности, он вырос на 3,4% по сравнению с 2018 г. и составил 110,75 млрд долл. (рис. 2).

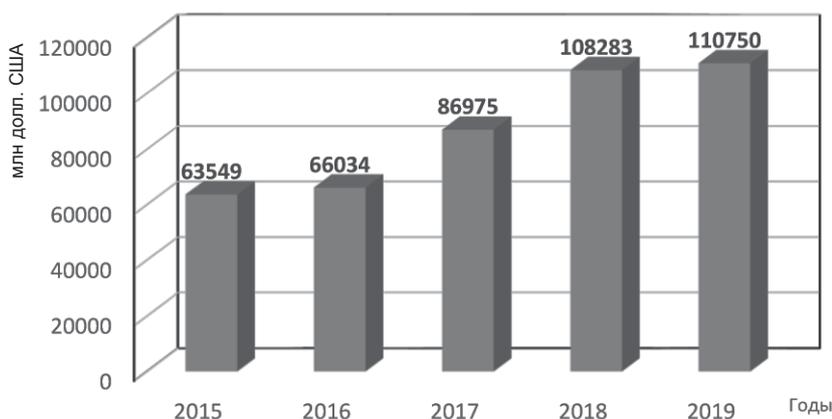

Рис. 2. Торговля между Россией и Китаем в 2015–2019 гг. [7]

Fig. 2. Trade between Russia and China in 2015–2019 [7]

Если рассматривать весь период 2015–2019 гг., товарооборот практически увеличился в два раза. «По итогам 2019 года Россия в рейтинге 20 основных торговых партнеров Китая заняла 11-е место (10-е место без учета Гонконга). По объему внешней торговли с Китаем Россию опередили: США (541,2 млрд долл., -14,6%), Япония (315 млрд долл., -3,9%), Гонконг (288 млрд долл., -7,2%), Республика Корея (284,5 млрд долл., -9,2%), Тайвань (228,1 млрд долл., +0,8%), Германия (184,9 млрд долл., +0,6%), Австралия (169,6 млрд долл., +10,8%), Вьетнам (162 млрд долл., +9,6%), Малайзия (124 млрд долл., +14,2%), Бразилия (115,3 млрд долл., +3,7%). За Россией следовали: Индия (92,8 млрд долл., -2,8%), Таиланд (91,7 млрд долл., +4,8%), Сингапур (89,9 млрд долл., +8,7%), Великобритания (86,3 млрд долл., +7,3%), Нидерланды (85,1 млрд долл., 0%), Индонезия (79,7 млрд долл., +3,1%), Франция (65,5 млрд долл., +4,2%), Канада (65 млрд долл., +2,4%), Филиппины (61 млрд долл., +9,5%), Италия (54,9 млрд долл., +1,2%)» [8].

В 2019 г. экспорт в Россию увеличился на 3,6% и достиг показателя в 49,7 млрд долл. США. Российская сторона поставила в Китай товаров на 61,05 млрд долл. Отмечается, что только в декабре совокупный показатель экспорта и импорта товаров между Россией и Китаем превысил 10 млрд долл. (рис. 3).

Следует отметить, что и в предыдущие годы наблюдалась положительная динамика: экспорт России в Китай в 2018 г. составлял 56 065 млн долл., увеличившись на 44,05% (17 143 млн долл.) по сравнению с 2017 г. Импорт России из Китая в 2018 г. составил 52 218 млн долл., увеличившись на 8,7% (4176 млн долл.) по сравнению с 2017 г.

Говоря об эффективности внешнеэкономических связей России и Китая в 2019 г. (рис. 4), следует отметить, что товарооборот стран вырос на 3,4% (до 110,76 млрд долл.), в том числе экспорт России в Китай – на 3,2% (до 61,05 млрд долл.), импорт из КНР в Россию – на 3,6% (до 49,7 млрд долл.). Для сравнения: товарооборот

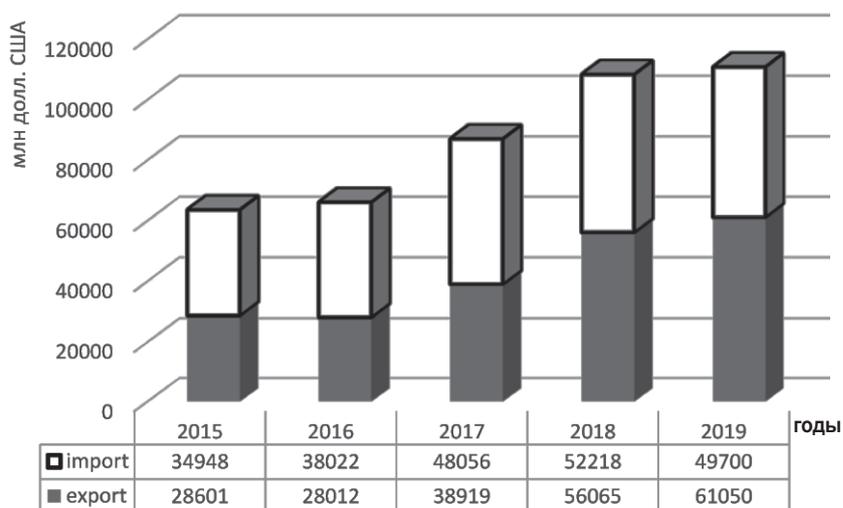

Рис. 3. Динамика показателей внешнеторгового оборота между Россией и Китаем в 2015–2019 гг. [7]

Fig. 3. Dynamics of foreign trade turnover between Russia and China in 2015–2019 [7]

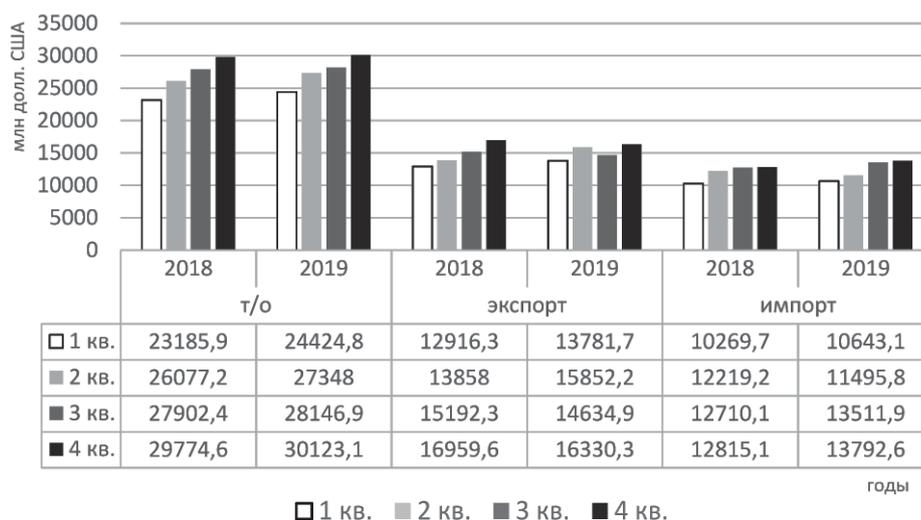

Рис. 4. Сведения о товарообороте между Россией и Китаем в 2018–2019 гг. (поквартальная динамика) [8]

Fig. 4. Information on trade turnover between Russia and China in 2018–2019 (quarterly dynamics) [8]

между КНР и США на фоне торговой войны между этими странами снизился на 14,6% и составил 541,22 млрд долл. США, причем 418 млрд долл. – из Китая в Америку.

Из представленных на рис. 4 данных следует, что в 2019 г. имеет место как общая, так и поквартальная динамика снижения темпов роста двустороннего товарооборота по сравнению с аналогичными периодами предыдущего года: по итогам первого квартала – с 28,2 до 5,3%, по итогам второго – с 19,5 до 4,9%, по итогам третьего – с 27,4 до 0,9%, по итогам четвертого

квартала – с 31,1 до 1,2% соответственно. Наряду с наименее убедительными результатами третьего и четвертого кварталов в целом, обращает на себя внимание отрицательная стоимостная динамика российского экспорта в КНР в указанных периодах – минус 3,7% (против более 50% роста годом ранее).

«В числе факторов замедления темпов роста двусторонней торговли следует выделить отрицательную динамику внешней торговли Китая в целом. Так, по данным ГТУ КНР, в 2019 г. внешнеторговый товарооборот страны в долларо-

вом выражении сократился на 1% до 4,57 трлн долл. В том числе экспорт вырос на 0,5% до 2,5 трлн долл., а импорт снизился на 2,8% до 2,08 трлн долл. В определенной мере указанная отрицательная динамика обусловлена девальвацией китайского юаня по отношению к доллару США» [8].

Несмотря на такую динамику темпов роста внешнеторговой деятельности в 2019 г., ожидания будущих результатов торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем вызывают оптимизм. Так, «в ноябре 2019 года Президент России Владимир Путин на саммите БРИКС заявил, что товарооборот с Китаем на уровне 200 млрд долл. США является абсолютно реальной задачей. Глава государства отмечал, что страны превышают планы по экспорту и импорту и ставят себе новые задачи в торговой сфере. Также В. В. Путин сообщил, что Москва и Пекин работают над несколькими крупными совместными проектами в космической, ядерной и авиационных отраслях» [7]. В целом, складывающиеся тенденции развития российско-китайских экономических отношений в современных условиях можно охарактеризовать положительно. Однако хотелось бы еще раз отметить, что сотрудничество с Китаем имеет наибольшее значение именно для России.

Результаты

Несмотря на достаточное количество факторов, предпосылок и аргументов для дальнейшего развития российско-китайских отношений в сфере экономики, уже сейчас можно выделить ряд проблем, «узких мест» в двустороннем экономическом сотрудничестве стран. Сложности, которые имеют место быть между Россией и Китаем в реализации ряда проектов, требуют, в первую очередь, совместного подхода к их решению, нахождения консенсуса. Так, «существующие определенные сложности китайской политики в связи с задачами, поставленными новым руководством Китая во главе с Си Цзиньпином, где наряду с инновационной внутренней политикой отводится большая роль внешней политике, заставляет Россию адаптироваться к новым элементам китайской политики» [5]. При этом рядом экспертов выделяются следующие возможные проблемы российско-китайских международных отношений: «неадекватное восприятие Россией Китая; зигзагообразность развития двухсторонних отношений; недостаток взаимного доверия в связи с китайской политикой относительно США» [4, с. 7].

С ростом экономической, военной и инновационной мощи Китая эти противоречия будут усиливаться [5]. России в современных условиях следует пересмотреть свое отношение к позиции Китая как во внутренней, так и во внешней политике, постараться приспособляться к существующим реалиям [6]. Россия, выбрав КНР своим ключевым тактическим партнером, должна принимать Китай не только как потребителя сырьевой продукции, но и как умного партнера в процессе модернизации российской экономики.

В целом, предпосылок и факторов для дальнейшего развития отношений и углубления торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем в последнее время складывается все больше. Помимо классических факторов: географических, территориального соседства, а соответственно, и общей границы, что позволяет развивать новые формы сотрудничества и ведения бизнеса (приграничная торговля, трансграничные экономические зоны и кластеры, межбанковские расчеты в национальных валютах на приграничных территориях и др.) [9], усиливаются факторы политического характера, а также влияние тенденций развития современной мировой экономики на углубление двусторонних экономических отношений между странами. Однако при этом важно помнить, что в сегодняшних реалиях Россия больше нуждается в Китае, чем Китай в России.

Список литературы

1. Селюков М. В. Внешнеэкономическая деятельность как фактор повышения конкурентоспособности экономики России // Сборник научных трудов по итогам Международного интеграционного форума «Приграничье-2018». Белгород : Издательский дом БелГУ, 2018. С. 417–419.
2. Гришин О. Е., Трофимова А. В. Российско-китайские отношения : политико-экономический аспект // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5, № 3. С. 224–235. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-224-235>
3. Пронина А. Ю., Светлова А. В., Иванова Н. И. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Китая в современных условиях // Синергия наук. 2019. № 31. С. 51–53. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article3732> (дата обращения: 04.08.2020).
4. Андриянова Л. С., Андриянова А. А. Развитие российско-китайских отношений на современном этапе (финансовый аспект) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 5–2. С. 5–14. URL: <https://www.vaael.ru/ru/article/view?id=479> (дата обращения: 04.08.2020).
5. Владимир Путин : Китай – это ключевой партнер России. URL: <https://russian.rt.com/article/112491> (дата обращения: 04.08.2020).

6. Лидеры БРИКС подпишут в Бразилии соглашение по пулу валютных резервов. URL: <http://ria.ru/economy/20140709/1015251312.html> (дата обращения: 05.08.2020).
7. Товарооборот России и Китая в 2019 году. URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 15.08.2020).
8. Аналитическая справка и статистические данные во внешней торговле России и Китая в 2019 году. URL: <https://take-profit.org/statistics/countries/china/#group8> (дата обращения: 20.08.2020).
9. Selyukov M. V., Zaharov V. M., Gulyaev I. I., Shalygina N. P., Nalbantov A. A., Lisnichaya M. A. Development of labor resources as a factor of sustainable economic growth in the conditions of sanctions // Journal of Fundamental and Applied Sciences. 2018. № 10. P. 1274–1283.
- Contemporary Context. *Sinergia nauk*, 2019, no. 31, pp. 51–53. Available at: <http://synergy-journal.ru/archive/article3732> (accessed 4 August 2020) (in Russian).
4. Andriyanova L. S., Andriyanova A. A. Development of the Russian-Chinese relations at the present stage (financial aspect). *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Journal of Altai academy of economics and law], 2019, no. 5–2, pp. 5–14. Available at: <https://www.vaael.ru/ru/article/view?id=479> (accessed 4 August 2020) (in Russian).
5. Vladimir Putin: Kitay – eto kliuchevoy partner Rossii (Vladimir Putin: China is a key partner of Russia). Available at: <https://russian.rt.com/article/112491> (accessed 4 August 2020) (in Russian).
6. Lidery BRIKS podpishut v Brazilii soglashenie pop ulu valyutnykh rezervov (BRICS leaders will sign an agreement on a pool of foreign exchange reserves in Brazil). Available at: <http://ria.ru/economy/20140709/1015251312.html> (accessed 5 August 2020) (in Russian).
7. *Tovarooborot Rossii i Kitaya v 2019 godu* (Trade turnover between Russia and China in 2019). Available at: <https://rbc.ru> (accessed 15 August 2020) (in Russian).
8. *Analiticheskaya spravka i statisticheskie dannye vo vneshnei trgovle Rossii i Kitaya v 2019 godu* (Analytical information and statistical data on the foreign trade turnover of Russia and China in 2019). Available at: <https://take-profit.org/statistics/countries/china/#group8> (accessed 20 August 2020) (in Russian).
9. Selyukov M. V., Zaharov V. M., Gulyaev I. I., Shalygina N. P., Nalbantov A. A., Lisnichaya M. A. Development of labor resources as a factor of sustainable economic growth in the conditions of sanctions. *Journal of Fundamental and Applied Sciences*, 2018, no. 10, pp. 1274–1283.

Reference

1. Seliukov M.V. Foreign economic activity as a factor of increase of competitiveness of Russian economy. In: *Sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnogo integratsionnogo foruma "Prigranich'e-2018"* [Collection of scientific works following the results of the International integration forum "Frontier region-2018"]. Belgorod, Izdatel'skiy dom BelGU, 2018, pp. 417–419 (in Russian).
2. Grishin O.E., Trofimova A.V. Russian-Chinese relations: Political and economic aspect. *Post-Soviet Issues*, 2018, vol. 5, no. 3, pp. 224–235 (in Russian). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-224-235>
3. Pronina A. Yu., Svetlova A. V., Ivanova N. I. Russia-China International Economic Cooperation in the

Поступила в редакцию 14.10.2020, после рецензирования 25.10.2020, принята к публикации 24.11.2020
 Received 14.10.2020, revised 25.10.2020, accepted 24.11.2020

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 30–37
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 30–37

Научная статья
УДК 336
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-30-37>

Межстрановые сопоставления безработицы и экономического роста в условиях пандемии COVID-19

Т. И. Солодкая✉, М. А. Индустриев

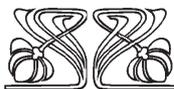
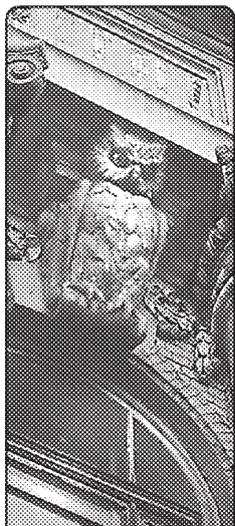
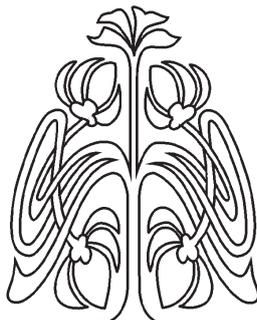
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Солодкая Татьяна Ивановна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры финансов и кредита, solti2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4429-8956>

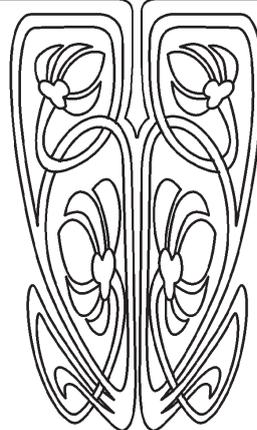
Индустриев Максим Алексеевич, магистр кафедры экономической теории и национальной экономики, maksind@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Аннотация. Введение. Фактор резкого замедления экономического роста практически во всех странах с начала 2020 г. оказался совершенно нетипичным. Если ранее мы наблюдали шоки, связанные преимущественно непосредственно с экономическими процессами, то в этот раз «черным лебедем» стала чрезвычайная ситуация в сфере общественного здравоохранения – пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Необходимость введения беспрецедентных мер по ограничению передвижений граждан, вынужденная остановка производств и процесса оказания услуг, глобальное нарушение логистических цепочек, многократное сокращение объемов пассажирских перевозок и международного туризма негативно отразились на состоянии рынка труда и экономики в целом. Цель работы состоит в проведении межстрановых сопоставлений влияния увеличения безработицы, вызванной пандемией коронавируса COVID-19, на экономический рост. **Теоретический анализ.** Зависимость между разрывом фактического объема выпуска от потенциального и уровнем циклической безработицы традиционно изучается на основе известного закона А. Оукена. Закон Оукена можно рассматривать как линейное алгебраическое уравнение для функции реального валового внутреннего продукта (ВВП). Суть закона состоит в том, что с ростом циклической безработицы совокупный выпуск должен уменьшаться, поскольку падает количество занятых в производстве ВВП. **Эмпирический анализ.** Рассмотрены особенности экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и меры по минимизации экономических и социальных последствий кризиса в разных странах. Проведены межстрановые сопоставления экономического роста и характеристик рынка труда России, США, Китая, Канады и Германии с 2000 по 2020 г., включая период пандемии новой коронавирусной инфекции. **Результаты.** На основе анализа временных рядов ВВП и уровня безработицы показано, что в зависимости от глубины и эффективности мер государственной поддержки бизнеса в части сохранения занятости наблюдаются отклонения фактических значений ВВП от рассчитанных в соответствии с эмпирическим законом Оукена. Наибольшее и наименьшее отклонения изменения реального ВВП от прогнозных в первом полугодии 2020 года зафиксированы в Германии и Канаде соответственно.

Ключевые слова: безработица, закон Оукена, экономический рост, экономический кризис, коронавирус COVID-19

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Солодкая Т. И., Индустриев М. А. Межстрановые сопоставления безработицы и экономического роста в условиях пандемии COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 30–37. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-30-37>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-30-37>

Employment and economic growth in the conditions of COVID-19 pandemics: Cross-country comparisons

Tatiana I. Solodkaya , solti2005@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4429-8956>

Maksim A. Industriev, maksind@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Introduction. The factor of a sharp slowdown in economic growth in almost all countries since the beginning of 2020 has been quite atypical. Whereas previously we had seen shocks mainly related to economic processes, this time the “black swan” was a public health emergency – the new coronavirus pandemic COVID-19. A feature of this crisis was the unprecedented measures of states to restrict the movement of citizens, as well as the suspension of the activities of both industrial enterprises and enterprises in the sphere of trade and services. The aim of this work is to make cross-country comparisons of the impact of increased unemployment caused by the COVID-19 pandemic on different countries' economic growth. **Theoretical analysis.** The relationship between the actual output gap and potential and cyclical unemployment rates has traditionally been studied according to the well-known law of A. Okun. Okun's Law can be viewed as a linear algebraic equation for the function of real gross domestic product (GDP). The essence of the law is that with an increase in cyclical unemployment, total output should decrease, since the number of people employed in GDP production falls. **Empirical analysis.** Cross-country comparisons of economic growth and characteristics of the labor market in Russia, the USA, China, Canada and Germany from 2000 to 2020, including the period of the new coronavirus infection pandemic, were carried out. **Results.** Based on the analysis of time series of GDP and the unemployment rate, it is shown that, depending on the depth and effectiveness of state support measures for business in terms of maintaining employment, deviations of the actual values of GDP from those calculated in accordance with Okun's empirical law are observed. The largest and smallest deviations in real GDP changes from the predictions for the first half of 2020 have been recorded in Germany and Canada, respectively. **Keywords:** unemployment, Okun's law, economic growth, economic crisis, COVID-19, coronavirus

For citation: Solodkaya T. I., Industriev M. A. Employment and economic growth in the conditions of COVID-19 pandemics: Cross-country comparisons. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 30–37 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-30-37>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Анализ публикаций о перспективах развития мировой экономики [1] показывает, что начавшийся в марте 2020 г. кризис был в достаточной степени ожидаемым и прогнозируемым. Однако фактор, ставший катализатором резкого замедления экономического роста, оказался совершенно нетипичным. Если ранее мы наблюдали шоки, связанные преимущественно с экономическими процессами, то в данном случае «чурным лебедем» стала чрезвычайная ситуация в сфере общественного здравоохранения – пандемия новой коронавирусной инфекции.

Распространение вируса COVID-19 привело к тому, что мировая экономика столкнулась с такими нестандартными вызовами, как введение ограничений на передвижения людей, вынужденная остановка производств и процесса оказания услуг, глобальное нарушение логистических цепочек, многократное сокращение объемов пассажирских перевозок и международного туризма. Данные события оказали существенное влияние на динамику экономического развития по всему миру. В первую очередь, существенно измени-

лась ситуация на рынке труда. Так, например, за апрель 2020 года в США без работы остались более 20 млн человек, а уровень безработицы по итогам месяца составил 14,7%, что является самым высоким показателем за последние полвека [2]. Существенно возрос данный показатель и в Китае – в течение первых трех месяцев текущего года он увеличился с 5,1 до 6,2% [3]. Не обошла стороной эта тенденция и Россию – по данным Росстата, к концу июля уровень безработицы в стране возрос с 4,6 до 6,3% [4].

Цель работы состоит в проведении межстрановых сопоставлений влияния увеличения безработицы, вызванной пандемией коронавируса COVID-19, на изменение ВВП различных государств. Работа основана на данных статистических служб России, США, Германии, Китая и Канады в период с 2000 по 2020 г.

Теоретический анализ

Рынок труда имеет огромное значение во всей макроэкономической теории. Он играет двойную роль в макроэкономике. Во-первых, это важнейший отраслевой рынок, от которого

зависит выпуск других отраслей. Во-вторых, занятость и безработица являются определяющими факторами, которые влияют на инфляцию, экономический рост и на макроэкономику в целом [5].

Зависимость между разрывом фактического объема выпуска от потенциального и уровнем циклической безработицы получил в начале 60-х гг. XX в. американский экономист А. Оукен. В своих работах он выявил закономерность, что в США каждый процентный пункт прироста циклической безработицы сопряжен с сокращениями ВВП на 2,5–3,0% по сравнению с его потенциальным уровнем.

Что касается значения 2,5–3,0%, то по этому поводу Самуэльсон и Нордхаус пишут: «В своих ранних исследованиях Оукен обнаружил, что эта зависимость выражалась отношением 3 к 1, то есть один процентный пункт циклической безработицы на каждые три пункта разрыва ВВП. Однако более современные данные и более продвинутое эконометрические методы показывают, что для последнего времени более точным является соотношение 2 к 1 (или, возможно, 2,5 к 1) между выпуском и уровнем безработицы» [6, с. 777].

Так, если вначале фактический ВВП составлял 100% от своего потенциального объема, а затем понизился до 98%, то уровень безработицы должен возрасти на 1 процентный пункт, скажем, с 6 до 7%.

Аналогичное соотношение может быть справедливым и для России. Так, в работе [7] авторами был проведен эконометрический анализ влияния банковского сектора, инвестиций и безработицы на величину ВВП в период с 2000 по 2017 г. По итогам работы было получено коинтеграционное уравнение, продемонстрировавшее, что прирост безработицы на 1 процентный пункт ведет к снижению реального ВВП на 350,71 млрд рублей, что составляет ~2,5% от данного показателя. Сделан вывод о том, что постепенное снижение уровня безработицы оказало значимое влияние на прирост ВВП России в рассмотренном периоде.

Таким образом, можно сказать, что закон Оукена справедлив и по отношению к российской экономике. Математически данный закон можно представить так:

$$\frac{Q - Q_p}{Q_p} = -\gamma(U - U_n), \quad (1)$$

где U – фактический уровень безработицы, U_n – естественный уровень безработицы, γ – коэффициент Оукена ($\gamma > 1$), показывающий, на сколько процентов сокращается фактический объем выпуска Q по сравнению с потенциальным Q_p , если фактический уровень безработицы увеличивает-

ся на один процентный пункт. Таким образом, γ – это коэффициент чувствительности отклонения фактического ВВП от потенциального к изменению уровня циклической безработицы.

Закон Оукена можно рассматривать как линейное алгебраическое уравнение для неизвестной функции ВВП $Q(U)$. Его решение имеет вид:

$$Q(U) = Q_p [1 - \gamma(U - U_n)] = Q_p [1 - \gamma U_k]. \quad (2)$$

С ростом циклической безработицы $U_k = U - U_n$ совокупный выпуск должен уменьшаться, поскольку падает количество занятых в производстве ВВП, что и подтверждается формулой (2) и иллюстрируется рис. 1.

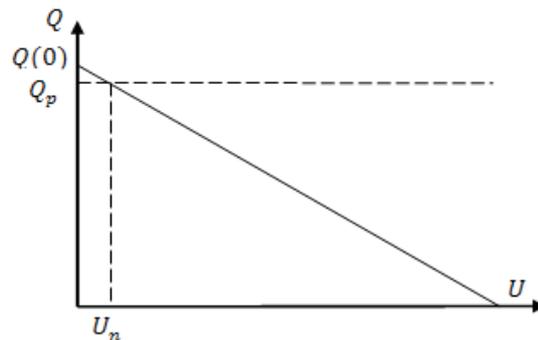

Рис. 1. Зависимость реального ВВП от безработицы
Fig. 1. Dependence of real GDP on unemployment

Ограничением закона Оукена в прикладном аспекте является отсутствие четкого описания методологии расчета величины потенциального ВВП. Согласно определению, под потенциальным ВВП понимают валовый внутренний продукт, рассчитанный при условии полной занятости населения. Однако на практике в любой стране присутствует некоторый естественный уровень безработицы, который со временем претерпевает изменения. Помимо этого, на величину потенциального ВВП влияют объем имеющихся трудовых, материальных и природных ресурсов и эффективность их использования, а также развитие и применение инновационных технологий. Осуществление расчета потенциального ВВП с учетом данного перечня факторов является достаточно трудоемкой задачей. В связи с этим при проведении эмпирических исследований допустимо использование в качестве потенциального ВВП социально-экономических прогнозов авторитетных международных организаций [8].

Эмпирический анализ

В работе использованы статистические данные по ВВП, дефлятору ВВП и безработице в США, Китае, Германии, Канаде и Российской Федерации за период с 2000 г. по август 2020 г., представленные на сайтах Всемирного банка [2],

портала для инвесторов Investing.com [3], Росстата [4], Бюро статистического анализа США [9], а также Федерального статистического управления Германии «Destatis» [10].

На рис. 2–3 представлена динамика ВВП и уровня безработицы рассматриваемых государств: США, Китая, Германии, Канады и России с 2000 г. до начала пандемии новой коронавирусной инфекции (для сопоставления масштабов экономик страны разбиты на две группы).

Как видно из данных на рис. 2, наиболее быстрыми темпами до пандемии росли экономики России и Китая. Во всех странах, кроме Китая, безработица за последние двадцать лет продемонстрировала некоторое снижение. Наиболее сильным снижением оказалось в России, где уровень безработицы сократился с 10,6% в 2000 г. до 4,6% в 2019 г. Данная тенденция связана с влиянием двух факторов – постепенным увеличением количества занятых лиц в экономике, а также сокращением численности трудоспособного населения.

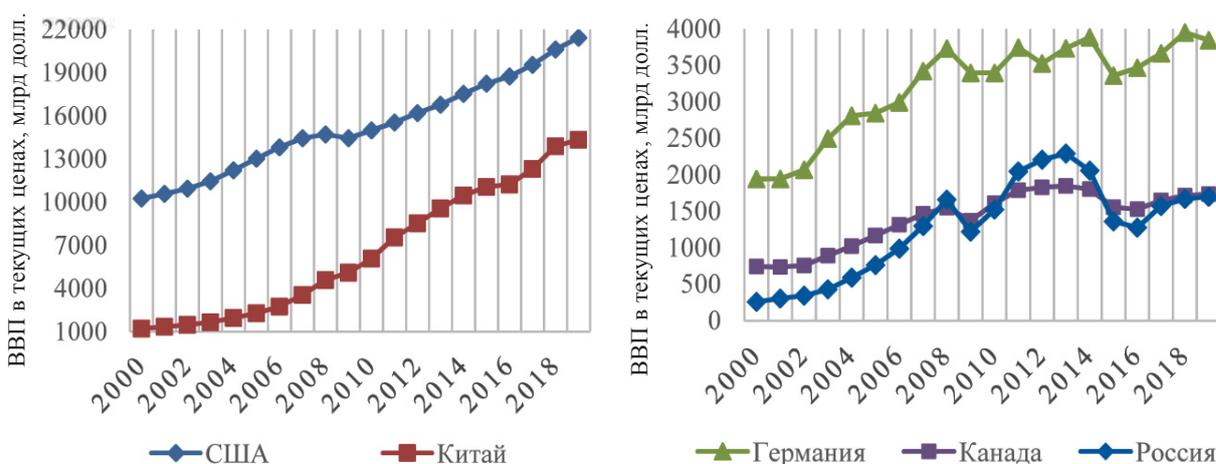

Рис. 2. ВВП США, Китая, Германии, Канады и России в текущих ценах
 Fig. 2. GDP of the USA, China, Germany, Canada and Russia at current prices

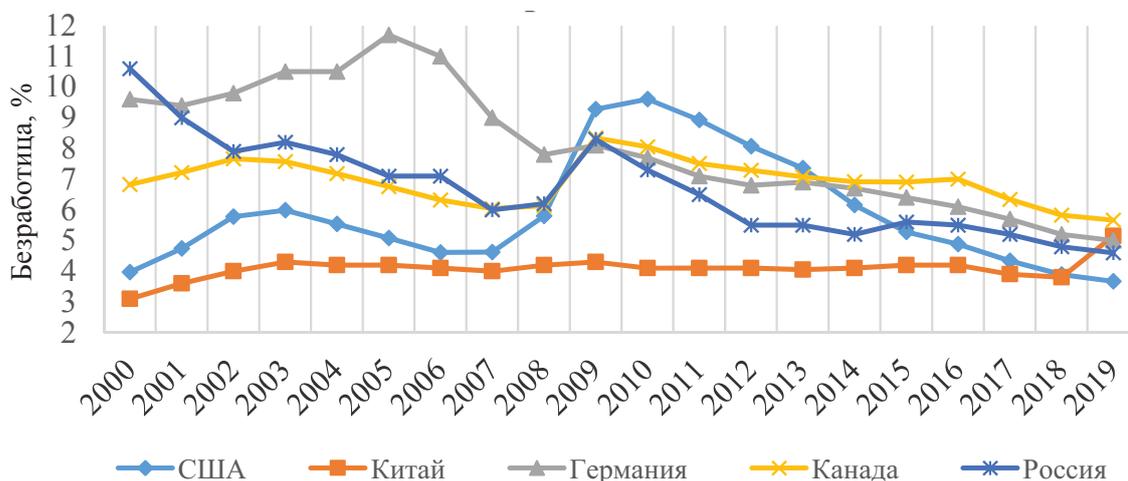

Рис. 3. Уровень безработицы от ЭАН в рассматриваемых странах в 2000–2019 гг.
 Fig. 3. Unemployment rate in the countries under consideration as a percentage of EAP

Во время пандемии все перечисленные страны столкнулись с резким ростом уровня безработицы. На рис. 4 представлена динамика уровня безработицы в период с января 2019 г. по август 2020 г.

С подъемом уровня безработицы раньше всех столкнулся Китай – в течение первых двух месяцев 2020 г. данный показатель увеличился на один процентный пункт. Затем, по мере смягчения мер по борьбе с распространением

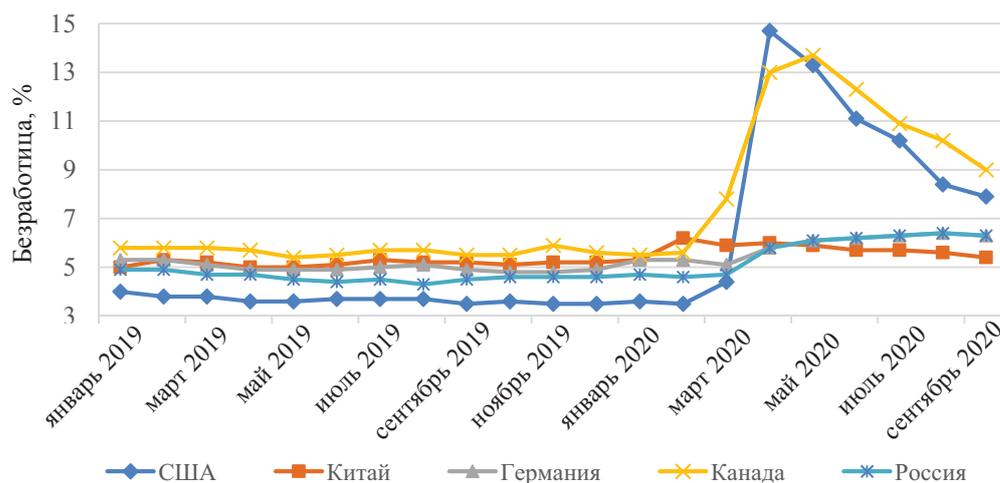

Рис. 4. Уровень безработицы от ЭАН в рассматриваемых странах в период с января 2019 г. по сентябрь 2020 г.

Fig. 4. Unemployment rate from the EAP in the countries under consideration in the period from January 2019 to September 2020

коронавирусной инфекции, ситуация на рынке труда постепенно стабилизировалась.

Наиболее сильно вырос уровень безработицы в США – в апреле 2020 г. показатель составил 14,7% против 3,5% двумя месяцами ранее. Существенный скачок безработицы произошел и в Канаде, где пиковые значения данного показателя превышали «докризисные» более чем в два раза. В то же время в России и Германии рост безработицы оказался более сдержанным за счет предпринятых мер по поддержке занятости населения.

Для изучения влияния на ВВП увеличения уровня безработицы, связанной с пандемией COVID-19, использованы данные по ожидаемому изменению величины потенциального ВВП стран в 2020 г. из обзора перспектив мировой

экономики МВФ от 3 октября 2019 г. [8]. Прогноз организации базировался на сохранении влияния основных экономических и политических факторов и потенциально имел шансы на реализацию при условии отсутствия такого шока, как пандемия новой коронавирусной инфекции.

С учетом данного допущения было рассчитано, на сколько процентов, согласно закону Оукена, должен измениться ВВП каждой из стран по итогам года. Проведено сопоставление полученных результатов с фактическим изменением ВВП за первое полугодие по данным статистических служб Германии, Канады, США, Китая и России. Результаты расчетов, а также статистические данные по каждой из стран представлены в таблице.

Результаты расчетов ожидаемого изменения ВВП по итогам I полугодия 2020 года в сопоставлении с фактическим изменением ВВП и безработицы, %

Table. The results of calculating the expected change in GDP for the first half of 2020 in comparison with the actual change in GDP and unemployment, %

Страна	Средний уровень безработицы		Потенциальное изменение ВВП в 2020 г. (по прогнозу МВФ)	Ожидаемое (расчетное) изменение ВВП в I полугодии 2020 г.	Фактическое изменение ВВП в I полугодии 2020 г.
	2019	I полугодие 2020 г.			
Германия	5,0	5,63	1,2	-0,38	-7,1
Канада	5,66	9,65	1,8	-8,18	-7,1
Китай	5,15	5,83	5,8	4,1	-1,6
Россия	4,6	5,35	1,9	0,02	-3,6
США	3,67	8,43	2,1	-9,8	-4,4

Разница между фактическим и ожидаемым изменением ВВП характеризует влияние иных, помимо безработицы, факторов на реальную ситуацию в экономике страны. Ее величина в значительной мере обоснована особенностями предпринимаемых государствами мер в областях поддержки деловой активности и занятости населения.

Анализ влияния безработицы и специфики протекания кризиса на экономический рост каждой из представленных в таблице стран показывает, что наименьшая разница между расчетным и фактическим изменением ВВП по итогам I полугодия 2020 г. зафиксирована в Канаде. Исходя из данных таблицы, видно, что за полугодие ВВП страны сократился на 7,1% против спрогнозированного МВФ роста данного показателя на 1,8%. Таким образом, вследствие роста безработицы на 3,99 процентных пункта экономический рост в стране оказался на 8,9% ниже потенциального. Следовательно, каждый процент прироста уровня безработицы привел к снижению ВВП на 2,23 процентных пункта, что соответствует описанным в законе Оукена значениям.

В США, несмотря на существенный прирост уровня безработицы, фактическое снижение экономического роста оказалось намного более скромным по сравнению с ожидаемым в соответствии с законом Оукена.

Во многом это связано с оперативным принятием достаточно широкого перечня мер по минимизации экономических последствий пандемии COVID-19. Так, в частности, уже в конце марта 2020 г. началась реализация крупного пакета мер по поддержке экономики «CARES» суммой около 2,3 трлн долл. (более 11% ВВП) [11]. Пакет включил в себя такие меры, как налоговые послабления, продуктовая и материальная помощь наиболее нуждающимся домохозяйствам, выдача кредитов компаниям, трансферы бюджетным системам штатов и предоставление дополнительных средств системе здравоохранения.

Впоследствии были приняты еще несколько пакетов помощи на сумму более триллиона долларов. Помимо этого, ФРС США также предприняли широкий перечень стимулирующих мер в области денежно-кредитной политики, в число которых вошли снижение ставки по федеральным фондам до 0–0,25%, осуществление покупок казначейских и агентских ценных бумаг, а также введение ряда механизмов для поддержки потока кредитов за счет средств, выделенных в рамках закона «CARES» [11]. Эти и другие меры оказались крайне востребованными и действенными, что позволило существенно смягчить падение ВВП страны.

Наиболее существенное различие между ожидаемым и фактическим изменением ВВП зафиксировано в Германии. Также в этой стране отмечен наиболее слабый прирост безработицы – в I полугодии ее уровень возрос всего на 0,63 процентных пункта. Однако, несмотря на это, ВВП снизился на 7,1%. Во многом это связано с достаточно жестким и продолжительным периодом действия ограничительных мер, направленных на сдерживание распространения коронавирусной инфекции.

Столь низкий уровень прироста безработицы связан с тем, что основные мероприятия по поддержке экономики были направлены на мобилизацию системы здравоохранения и максимальное сохранение рабочих мест и доходов рабочих. В частности, пакет стимулов для бизнеса включил в себя временное снижение НДС, беспроцентную отсрочку налогообложения до конца года, гранты для сильно пострадавших малых и средних предприятий, субсидии на выплату заработных плат и поддержку базового дохода для самозанятых лиц [11].

Сочетание длительного локдауна и широкого перечня мер по стимулированию рынка труда привело к достаточно нетипичному с точки зрения экономической теории результату – обвалу ВВП при относительно слабом увеличении уровня безработицы в стране.

В свою очередь, в Китае режим жестких ограничений в связи с распространением COVID-19 был введен в начале января. За счет достаточно ответственного подхода граждан к соблюдению мер предосторожности в середине февраля Китай начал постепенно возвращаться к привычному ритму жизни и ускоренными темпами восстанавливать объемы производства товаров и услуг. Таким образом, если в I квартале ВВП страны сократился на 6,8% по отношению к аналогичному периоду предыдущего года, то уже во II квартале показатель вернулся в положительную зону.

Ключевыми мерами по поддержке национальной экономики стали увеличение расходов на профилактику эпидемии и борьбу с ней, ускоренная выплата страховки по безработице и ее расширение для трудящихся-мигрантов, введение налоговых льгот и отказ от взносов на социальное обеспечение, а также расширение государственных инвестиций. Как и в Германии, в стране были приняты меры по стимулированию рынка труда.

За счет менее продолжительного периода действия ограничений, связанных с пандемией, и более раннего выхода из него Китаю удалось достаточно быстро возобновить экономический

рост. Аналогично Германии, в связи с высокой долей государства в экономике и принятием мер по поддержке рынка труда, падение ВВП оказалось более существенным, чем могло бы быть в соответствии с предпосылками закона Оукена.

В России пандемия коронавируса COVID-19 началась несколько позднее, чем в рассмотренных выше странах. В то время, как в Канаде, Китае и Германии уже началась рецессия, ВВП России за I квартал вырос на 1,6% [4]. Также особенностью прохождения кризиса является более мягкий, относительно других стран, режим ограничений, направленных на сдерживание распространения коронавирусной инфекции. Ключевыми мерами по поддержке экономики выступили: повышение заработных плат медицинским сотрудникам, работающим с пациентами, зараженными COVID-19; выплата пособий наименее социально защищенным группам лиц; отсрочка социальных отчислений и налоговых платежей субъектам МСП, действующим в наиболее пострадавших секторах экономики, а также предоставление кредитов для выплат заработных плат. В течение 2020 г. Центральным Банком страны была существенно снижена процентная ставка – с 6,25 до 4,25%. Помимо этого, с 10 марта 2020 г. ЦБ РФ проводит продажу иностранной валюты с целью поддержать курс рубля.

В целом принятые меры по смягчению последствий кризиса, связанного с распространением новой коронавирусной инфекции, оказали положительное воздействие на экономику страны. Во II квартале падение ВВП России составило 8% против 9,1% в США [9], 11,3% в Германии [10] и 13% в Канаде [2]. Также стоит отметить, что меньшее снижение ВВП в России связано с действием эффекта низкой базы, характерного для многих постсоветских стран, вследствие недавнего завершения процесса восстановления их экономик после кризиса 2014–2015 гг. [12]. Также существенное влияние в данный момент продолжает оказывать и волатильность нефтяных котировок.

Таким образом, можно отметить, что в силу специфики национальных экономик и особенностей распространения коронавирусной инфекции властями разных стран были применены достаточно отличающиеся друг от друга меры по минимизации экономических и социальных последствий кризиса.

Результаты

Рассмотрены специфические особенности протекания экономического кризиса, вызванного пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19 и шоком общественного здравоохра-

нения в ряде стран. Отмечено, что вынужденная приостановка деятельности организаций широкого перечня отраслей послужила причиной резкого замедления экономического роста. Для минимизации последствий данного шока государствами были предприняты беспрецедентные меры по поддержке деловой активности и занятости населения. Глубина и эффективность данных мер стала одним из ключевых факторов, оказавших влияние на состояние рынка труда и изменение величины ВВП в I полугодии 2020 г.

Проведены межстрановые сопоставления экономического роста и характеристик рынка труда России, США, Китая, Канады и Германии с 2000 по 2020 г., включая период пандемии новой коронавирусной инфекции. На основе анализа временных рядов ВВП и уровня безработицы показано, что в зависимости от глубины и эффективности мер государственной поддержки бизнеса в части сохранения занятости населения наблюдаются отклонения фактических значений ВВП от рассчитанных в соответствии с эмпирическим законом Оукена. Наибольшее и наименьшее отклонения изменения реального ВВП от прогнозных в первом полугодии 2020 г. зафиксированы в Германии и Канаде соответственно.

Список литературы

1. *Индустриев М. А.* О перспективах возникновения нового экономического кризиса // Научные исследования студентов Саратовского университета : материалы итоговой конференции. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2019. С. 87–89.
2. The World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/> (дата обращения: 07.09.2020).
3. Portal for investors «Investing.com». URL: <https://investing.com/equities/> (дата обращения: 08.09.2020).
4. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 08.09.2020).
5. *Солодкая Т. И.* Математическое моделирование взаимосвязи характеристик рынка труда и ВВП // Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками : сб. материалов IV Междунар. молод. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1, Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. С. 233–238.
6. *Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д.* Экономика. М. : Бином-КноРус, 1999. 800 с.
7. *Солодкая Т. И., Тали М. М. Т., Индустриев М. А.* Анализ влияния банковского сектора на экономический рост Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 148–154. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-2-148-154
8. International Monetary Fund Research «World Economic Outlook, October 2019 Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers». URL: <https://www.imf.org/en/>

- Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019#Chapter%201 (дата обращения: 16.09.2020).
9. U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA) : [site]. URL: <https://www.bea.gov/data> (дата обращения: 08.09.2020).
 10. Statistisches Bundesamt «Destatis» : [site]. URL: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html (дата обращения: 09.09.2020).
 11. International Monetary Fund Research «Policy Responses to COVID-19». URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: 19.09.2020).
 12. Nosov V., Tsylin A., Halasova S., Zveryaeva S., Shel T., Artemova E. Classification of Post-Soviet Countries by the Level of Socio-Economic Development // Proceedings of the 35th International Business Information Management Association (IBIMA) : Education Excellence and Innovation Management : A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenge. Seville, Spain, 2020. P. 2207–2014.
- References**
1. Industriev M.A. On the prospects for a new economic crisis. In: *Nauchnye issledovaniya studentov Saratovskogo universiteta: materialy itogovoy konferentsii* [Scientific research of Saratov University students: Materials of the final conference]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2019, pp. 87–89 (in Russian).
 2. The World Bank. Available at: <http://databank.worldbank.org/> (accessed 07 September 2020).
 3. Portal for investors «Investing.com». Available at: <https://investing.com/equities/> (accessed 8 September 2020).
 4. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* (The Federal Service of State Statistics. Site). Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 8 September 2020) (in Russian).
 5. Solodkaya T. I. Mathematical modeling of the relationship between the characteristics of the labor market and GDP. *Matematicheskoe modelirovanie v ekonomike, strakhovanii i upravlenii riskami. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 t. T. 1.* [Mathematical modeling in economics, insurance and risk management. Collection of materials of the IV International Youth Scientific and Practical Conference: in 2 vols. Vol. 1]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2015, pp. 233–238 (in Russian).
 6. Samuelson P. A., Nordhaus V. D. *Ekonomika* [Economy]. Moscow, Binom-KnoRus Publ., 1999. 800 p. (in Russian).
 7. Solodkaya T. I., Tali T. M. M., Industriev M. A. Analysis of Banking sector Influence on Economic Growth of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University (New Series). Series: Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 148–154 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-2-148-154
 8. International Monetary Fund Research “World Economic Outlook, October 2019 Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barrier”. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019#Chapter%201> (accessed 16 September 2020).
 9. U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA). Site. Available at: <https://www.bea.gov/data> (accessed 8 September 2020).
 10. Statistisches Bundesamt “Destatis”. Site. Available at: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html (accessed 9 September 2020).
 11. International Monetary Fund Research “Policy Responses to COVID-19”. Available at: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (accessed 19 September 2020).
 12. Nosov V., Tsylin A., Halasova S., Zveryaeva S., Shel T., Artemova E. Classification of Post-Soviet Countries by the Level of Socio-Economic Development. *Proceedings of the 35th International Business Information Management Association (IBIMA): Education Excellence and Innovation Management: A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenge*. Seville, Spain, 2020, pp. 2207–2014.

Поступила в редакцию 20.10.2020, после рецензирования 27.10.2020, принята к публикации 20.11.2020
 Received 20.10.2020, revised 27.10.2020, accepted 20.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 38–47
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 38–47

Научная статья
УДК 339.972(73)
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-38-47>

Государственная информационная политика и динамика федерального финансирования распространения результатов научных исследований и разработок США

В. Н. Минат

Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, Россия, 390044, г. Рязань, ул. Костычева, д. 1

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, minat.valera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8787-4274>

Аннотация. Введение. Традиционно высокий уровень государственного участия в научно-технической, инновационно-внедренческой и внешнеэкономической деятельности США предполагает активный характер федерального финансирования мероприятий и инструментов информационной политики, связанной с распространением результатов американских НИОКР как в национальной экономике, так и на международном рынке. Исследование динамики и структуры распределения ассигнований на распространение специальной научной и технической информации и документации представляется актуальной общественно-экономической проблемой, отражающей уровень научно-технического развития США и инновационной активности передовых отраслей национального хозяйства за длительный промежуток времени. **Теоретический анализ** осуществлен в разрезе организационно-управленческих институтов федерального правительства (специализированных ведомств), наделенных финансовыми полномочиями, соподчиненных с центральным органом, генерирующим единую стратегию информационной политики США по распространению результатов НИОКР. **Эмпирический анализ**, основанный на данных официальной статистики США, позволил оценить особенности финансирования научной и технической информации в сфере НИОКР по видам, категориям и ведомствам внутри страны за 1965–2019 гг., а также рассчитать изменения баланса внешней торговли США научной и технической информацией и документацией в период 2001–2019 гг. **Результаты.** Общий результирующий вывод состоит в том, что любая инновационная информация о результатах НИОКР обеспечивает на определенный период известную монополию, которая дает создавшей и внедрившей ее отрасли, ведомству и стране в целом определенное преимущество в экспорте нового продукта. Поскольку Соединенные Штаты располагают наиболее мощными среди всех государств национальными финансовой и инновационной системами с развитой структурой, они предоставляют своим экономическим резидентам и их контрагентам широкие возможности для ведения фундаментальных и прикладных исследований и разработок и, безусловно, обладают преимуществом в производстве инновационных продуктов, отличающихся высокой конкурентоспособностью как на внутреннем, так и на глобальном рынке, при условии классического соотношения «цена – качество». **Ключевые слова:** государственная информационная политика по результатам НИОКР, федеральное финансирование научной и технической информации в США

Для цитирования: Минат В. Н. Государственная информационная политика и динамика федерального финансирования распространения результатов научных исследований и разработок США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 38–47. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-38-47>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-38-47>

Government information policy and the dynamics of federal funding for the dissemination of US research and development results

Valerij N. Minat, minat.valera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8787-4274>

Ryazan State Agrotechnological University Named after P. A. Kostychev, 1 Kostycheva St., Ryazan 390044, Russia

Abstract. Introduction. The traditionally high level of government participation in scientific and technical, innovation and implementation and foreign trade activities of the United States presupposes the active nature of federal funding for activities and information policy instruments related to the dissemination of the results of American R&D both in the national economy and in the international market. The study of the dynamics and structure of the distribution of allocations for the dissemination of special scientific and technical information and documentation is an urgent socio-economic problem, reflecting the level of scientific and technological development of the United States and the innovative activity of advanced sectors of the national economy for a long period of time. **The theoretical analysis** was carried

out in the context of organizational and administrative institutions of the federal government (specialized departments), endowed with financial powers, subordinate to the central body generating a unified US information policy strategy for the dissemination of R&D results.

An empirical analysis based on US official statistics made it possible to assess the specifics of financing scientific and technical information in the field of R&D by types, categories and departments – domestically for 1965–2019, as well as to calculate changes in the balance of US foreign trade with scientific and technical information and documentation in 2001–2019. **Results.** The general resulting conclusion is that any innovative information on the results of R&D provides a certain monopoly for a certain period, which gives the industry that created and introduced it, the department and the country as a whole, a certain advantage in the export of a new product. Since the United States has the most powerful national financial and innovation system among all states, with a developed structure, it provides its economic residents and their counterparties with ample opportunities for conducting fundamental and applied research and development and, of course, has an advantage in the production of innovative products with high competitiveness both in the domestic and in the global market, subject to the classic price-quality ratio.

Keywords: government information policy based on R&D results, federal funding of scientific and technical information in the United States

For citation: Minat V. N. Government information policy and the dynamics of federal funding for the dissemination of US research and development results. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 38–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-38-47>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Многолетнее лидерство Соединенных Штатов Америки в научно-технической сфере и связанной с ней инновационной деятельности позволяет констатировать тот факт, что быстрые темпы научно-технического прогресса (НТП), информатизации и цифровизации всей общественной деятельности – важная составляющая экономического роста. Проведенные как российскими [1], так и американскими [2–4] специалистами исследования показали, что государственная власть в лице соответствующих федеральных ведомств правительства США, занимающихся поддержкой или проведением соответствующих научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и их внедрением, должна стремиться к тому, чтобы в своей политике учитывать ее экономический эффект, в частности, имея в виду необходимость передавать технологические и иные нововведения (инновации) как в рамках внутриведомственной специализированной отраслевой системы, так и из структур, подчиненных одним ведомствам, к другим, осуществляя информационную научно-техническую связь в системе всей национальной экономики.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении тенденций динамики и структуры федерального финансирования распространения результатов НИОКР, осуществляемого в рамках государственной информационной политики в данной сфере.

Теоретический анализ

Проведенные автором исследования показали, что по мере увеличения финансирования американских НИОКР [5] и усложнения их пространственной организации и регионализации [6], по мере роста численности исследовательских кадров, как за счет внутреннего человече-

ского капитала [7], так и внутренней миграции [8], а также иммиграции в США специалистов высшей квалификации и инженерно-технического персонала [9], диверсификации внешне-торговых научно-производственных связей [10], взаимная информация ученых и распространение информации об открытиях и изобретениях приобретает все более серьезное значение. *Информационная политика* быстро выдвигается на передний план современной национальной и международной политики в области науки. И чем быстрее растет объем информации, чем важнее для развития науки становится ее распространение, тем все труднее выполнить эту задачу. Отдельный человек не в состоянии собственными силами удовлетворить свою потребность в информации, и правительства вынуждены вмешиваться в эту область. Университеты, библиотеки, высокотехнологичные предприятия и административные учреждения должны располагать обширной сетью специализированных институтов, оснащенных дорогостоящим оборудованием, квалифицированным персоналом и придерживающихся единых методов работы.

Американское государство является естественным регулятором этой сети, поскольку оно одно в состоянии нести необходимые издержки, побуждать свои ведомства искать, приобретать и накапливать максимум научно-технической и инновационно-внедренческой информации. Федеральному правительству страны принадлежит инициатива в установлении правил и в разработке методов, которые могут удешевить и облегчить пользование информацией. Оно, естественно, является корреспондентом национальных и международных организаций в области научной, технической и коммерческой информации, связанной с высокими технологиями, а также нововведениями в сфере организации, управления и повышения эффективности результатов инновационной

деятельности различных секторов национальной и транснациональной (в настоящее время глобальной) экономики. По всем этим причинам неудивительно, что правительство США начиная с 1950-х гг. уделяет очень серьезное внимание информационной политике и распространению результатов научных исследований.

Прежде чем анализировать содержание информационной политики, следует уяснить точное значение этого термина применительно к сфере НИОКР. В данном случае под информационной политикой мы понимаем комплекс политико-правовых и организационных мер государства, направленных на своевременное и всестороннее обеспечение научно-технической, разработочно-технологической, инновационно-внедренческой и патентно-коммерческой информацией всех заинтересованных участников НИОКР, являющихся как экономическими резидентами США, так и нерезидентными субъектами, связанными с определенными элементами *национальной инновационной системы страны* [11]. При таком подходе к пониманию сущности государственной информационной политики Соединенных Штатов представленный комплекс мер направлен на целесообразный коммерческий или партнерский обмен двумя основными видами информационных ресурсов НИОКР – *документации* и *информации*, в рамках которых различают конкретные категории. В понятие документации входят аккумуляция максимального количества данных из собственных (национальных) и внешних (зарубежных) источников, связанных с выполнением и внедрением НИОКР. Собственно информация заключается в передаче этих данных потребителям. В зависимости от того, желательно или нет, чтобы потребители использовали переданные им знания, информацию принято делить на *активную* и *пассивную*. Кроме того, она делится на «*вертикальную*» и «*горизонтальную*». «Вертикальной» она называется, когда знания, технологии и другие инновации и инновационные продукты различного уровня технологичности или новизны передаются исключительно специалистам в данной области. А «горизонтальной» – когда знания сообщаются специалистам в других научных и технических сферах, которые, возможно, и не имеют прямого отношения к данному инновационному продукту.

В Соединенных Штатах существует единая государственная информационная политика, финансируемая из соответствующих статей федерального бюджета страны. Начиная с 1960-х гг. и до настоящего времени в системе федерального правительства США существует несколько специализированных информационных служб

в различных ведомствах (в первую очередь министерствах) и центральное ведомство, осуществляющее руководство и координацию, – *Комитет по научной и технической информации*.

Большинство министерств и ведомств федерального правительства учредило информационные службы, которые должны распространять результаты научных исследований, предпринятых под руководством этих министерств и ведомств. В общей сложности девять министерств и двенадцать ведомств имеют такие информационные службы. Здесь мы приведем лишь несколько примеров. Так, при Министерстве обороны функционирует *Центр оборонной документации*, задачей которого является обеспечивать обмен информацией внутри министерства, между ним и другими федеральными ведомствами, между Министерством обороны и научной общественностью – в пределах, допускаемых правилами безопасности. Центр не связан непосредственно с населением, а сообщает имеющуюся в его распоряжении техническую информацию так называемому клиринг-хаусу по федеральной научной и технической информации министерства торговли.

Министерство энергетики (до середины 1970-х гг. – Комиссия по атомной энергии) традиционно осуществляет программу научной и технической информации через свой *Отдел технической информации*. Результаты научных исследований в университетах и лабораториях обычно публикуются в научных журналах, а информация о технологических изысканиях и разработках передается непосредственно через соответствующие службы. Отдел технической информации устанавливает методы электронной и цифровой обработки и выдачи информации. Национальный научный фонд распространяет информацию через один из своих органов – *Управление научно-информационной службы*, которое в своем теперешнем виде было учреждено в 1958 г. Две его задачи – внедрение новых методов использования информации и ее передачи и повышение эффективности существующих информационных систем – решаются с помощью специальных целевых программ.

Многообразие существующих организаций в области информации, естественно, привело федеральное правительство, стремящееся унифицировать свою политику и сделать ее более эффективной, к созданию органа для координации деятельности этих организаций, для стимулирования совершенствования их деятельности и проявления инициативы. Этот орган – Комитет по научной и технической информации при Федеральном совете по науке и технике. Задача

Комитета по научной и технической информации – изучать информационную деятельность министерств и ведомств и по согласованию с ними разрабатывать информационную политику правительства. Его предложения реализуются через Управление по науке и технике и через органы исполнительной власти.

Проблемы, возникшие в связи с информационной политикой США на национальном уровне, легче оценить, рассматривая их не столько с ин-

ституциональной точки зрения, сколько в свете различных задач, стоящих перед федеральным правительством, и мероприятий, проводимых или намеченных для их разрешения.

Эмпирический анализ

Первое представление о правительственной политике в этой области могут дать сведения об объеме средств, выделяемых на научную и техническую информацию (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Динамика федерального финансирования научной и технической информации США по видам в 1965–2019 гг., %

Dynamics of federal funding of scientific and technical information in the United States by type in 1965–2019, %

Вид научной и технической информации	Финансовый год							
	1965	1975	1985	1995	2005	2015	2019	
Публикация и распространение (в печатной и электронной форме)	30,4	34,7	38,2	41,1	33,8	21,6	15,3	
Документация, справочная и информационная литература, специальные информационные центры	45,2	39,5	32,9	23,3	20,5	17,2	14,9	
Обучающие семинары, научно-практические конференции и дистанционные формы коммуникации	14,3	15,0	17,4	22,4	26,8	38,4	43,8	
Исследования и разработки в информационном обеспечении НИОКР	10,1	10,8	11,5	13,2	18,9	22,8	26,0	
В целом по всем видам	млн долл.	224,6	1177,0	3752,0	9211,0	16 312,0	25 659,0	30 294,0
	%	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: [12–16].

Интересно, что за анализируемый более чем полувековой период времени (1965–2019 гг.) федеральное финансирование научной и технической информации в Соединенных Штатах росло огромными темпами, даже с учетом снижения покупательной способности национальной американской валюты. Причем максимальный по объему финансирования скачок наблюдался за десятилетие 1965–1975 гг. – в 5,2 раза. В структурном плане динамика финансирования научной и технической информации отражает разнонаправленные процессы. С одной стороны – постоянное увеличение ассигнований правительственных организаций и фондов на семинары, конференции, а при соответствующем развитии коммуникационных возможностей, дистанционного научного и обучающего взаимодействия между учеными разных районов США, других стран мира, а также на развитие разработок, связанных с информационным обеспечением самих НИОКР. С другой стороны – заметно стойкое снижение государственного финансирования тех видов

научной и технической информации, которые связаны с формированием баз данных и научных публикаций, их библиографической обработкой и т. п. Смещение приоритетов, на наш взгляд, определено самим инновационным характером НТП и сменяющихся технологических укладов экономики, охватывающих все сферы человеческой деятельности, в особенности связанной с развитием науки, техники и технологии. Наряду с увеличением скорости обмена информацией в десятки, сотни, а затем и в тысячи раз пропорционально снижалась и себестоимость информационного обеспечения ее распространения по стране и по миру в целом. На определенных этапах НТП государственная информационная политика в сфере НИОКР последовательно учитывала приоритеты механизации, роботизации, компьютеризации, цифровизации, «голосуя долларом» за развитие того вида научной и технической информации, который наилучшим образом соответствовал конкретному приоритету распространения результатов НИОКР.

Принцип приоритетности федерального финансирования конкретных видов научной и технической информации в сфере НИОКР также нашел свое отражение в динамике правительственных ассигнований на данные цели за тот же временной период (табл. 2) с разбивкой по:

- категориям – «вертикальная» или «горизонтальная» информация;
- ведомствам США – основным заказчикам НИОКР и информационного обеспечения их результирующей документации.

Анализ данных табл. 2 позволяет выделить следующие тенденции динамики структуры федерального финансирования научной и технической информации в США за полувековой период.

Во-первых, наблюдается соответствие между объемом государственного финансирования НИОКР наиболее важными ведомствами правительства США и ассигнованиями на информационное обеспечение их результатов [5]. Хотя в «тройке лидеров» на протяжении всего периода 1965–2019 гг. постоянно удерживаются только

Таблица 2 / Table 2

Динамика федерального финансирования научной и технической информации по категориям и ведомствам США в 1965–2019 гг., %
Dynamics of federal funding for scientific and technical information by categories and US departments in 1965–2019, %

Ведомства правительства США*	Финансовый год													
	1965		1975		1985		1995		2005		2015		2019	
	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г	В	Г
Министерство обороны	38,2		44,9		42,2		35,9		29,7		34,6		35,3	
	33,1	5,1	40,6	4,3	35,7	6,5	27,8	8,1	20,2	9,5	22,2	12,4	23,5	11,8
Министерство здравоохранения и социальных служб**	4,7		4,1		5,3		10,7		16,8		19,3		23,0	
	2,5	2,2	2,0	2,1	2,4	2,9	4,4	6,3	6,8	10,0	7,6	11,7	8,7	14,3
Министерство энергетики	15,3		12,8		11,1		9,3		11,5		14,0		14,4	
	11,9	3,4	10,2	2,6	8,3	2,8	5,5	3,8	5,7	5,8	6,2	7,8	6,0	8,4
Национальное аэрокосмическое агентство (НАСА)	26,3		29,4		27,4		22,1		16,7		10,6		9,4	
	19,8	6,5	22,7	6,7	18,0	9,4	13,8	8,3	8,6	8,1	5,1	5,5	4,5	4,9
Национальный научный фонд (ННФ)	3,3		1,7		2,2		4,3		6,3		7,7		8,2	
	0,8	2,5	0,4	1,3	0,7	1,5	1,3	3,0	2,0	4,3	2,3	5,4	2,2	6,0
Министерство сельского хозяйства	1,8		< 1,0		1,3		1,8		1,8		1,0		0,5	
	1,2	0,6	0,7	0,3	0,9	0,4	1,1	0,7	0,9	0,9	0,4	0,6	0,2	0,3
Министерство торговли	2,0		> 1,0		1,5		2,0		1,8		0,7		0,2	
	1,0	1,0	0,5	0,5	0,6	0,9	1,0	1,0	1,2	1,6	0,4	0,3	0,1	0,1
Остальные ведомства	8,4		5,1		9,0		13,9		15,4		12,1		9,0	
	6,1	2,3	3,7	1,4	5,2	3,8	8,8	5,1	9,2	6,2	6,8	5,3	4,6	4,4

Рассчитано по: [12–16].

Примечание. В – «вертикальная» информация; Г – «горизонтальная» информация; * – названия ведомств приводятся в современных формулировках, не меняя их функционального назначения в структуре правительства США; ** – до 1979 г. Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Министерство обороны и Министерство энергетики. Еще одним ведомством из указанной «тройки» с 1960-х до начала 2000-х гг. являлось НАСА, а в XXI в. – Министерство здравоохранения и социальных служб. Такое перераспределение в структуре лидеров в госфинансировании научной и технической информации результатов НИОКР, соответствующих задачам и профилю деятельности конкретных ведомств федерально-

го правительства, связано, прежде всего, с резко возросшей информатизацией, а затем цифровизацией социально ориентированного сектора экономики США. Обмен научной и технической информацией к началу 2020 г. составил одну из основ инновационного развития общества, что отчетливо проявилось, наряду с заинтересованностью крупного американского бизнеса, и в увеличении федерального финансирования

информационного сопровождения результатов НИОКР США не только в рамках страны, но и во всем мировом сообществе.

Во-вторых, в тесной связи с предыдущей тенденцией в условиях глобализации общественного развития, характеризующегося ускоренной (как во времени, так и в пространстве) сменой технологических укладов, отмечается не только расширение «вертикальных» информационных связей, но и ускоренное развитие «горизонтального» информационного взаимодействия. «Горизонтальная» информация как категория, наиболее подверженная диверсификации инновационных проявлений при создании новых видов продукции и услуг, охватывает американское и мировое научное и техническое информационное пространство на всех уровнях: индивидуумов, творческих групп, некоммерческих организаций, научно-исследовательских подразделений вузов, промышленных компаний и венчурных фирм, исследовательских и научно-технологических парков и целых инновационных комплексов США. Этот тезис подтверждается статистикой, отражающей смещение в структуре федерального финансирования информационного обеспечения результатов НИОКР в пользу категории «горизонтальная» информация.

В-третьих, особое место в динамичном процессе структурных изменений федерального финансирования научной и технической информации в США занимает Национальный научный фонд (ННФ). Если в 1965 г. средства ННФ, расходуемые на выполнение указанных в теоретической части настоящей статьи двух задач, достигли 12,5 млн долл. по финансовым обязательствам, или 5,6% всех ассигнований федерального правительства на научную и техническую информацию, то в 2019 г. доля ННФ составила уже 2484,1 млн долл., или 8,2%. При этом ННФ на протяжении всего периода 1965–2019 гг. посредством использования программ информационных систем, субсидирования публикаций, исследования и изучения общих проблем информации и других, а также создания Центра научной информации при Смитсоновском институте направлял федеральные средства преимущественно на развитие «горизонтального» информационного обеспечения результатов НИОКР.

Федеральное финансирование распространения результатов НИОКР, осуществляемое в рамках государственной информационной политики, проводимой в течение нескольких десятилетий правительством США, нашло свое отражение во *внешнеторговых операциях научной и технической информацией и документацией*. Ба-

ланс платежей за научную и техническую информацию и документацию (как конструкторскую, так и технологическую), в составе которой нас интересуют, прежде всего, *патенты* и различные виды *лицензий*, включает доходы и расходы, связанные с обменом патентами и лицензиями и отчислениями владельцам патентов между одной страной и другими странами, наряду с доходами и расходами, связанными с оказанием технической помощи одними фирмами другим фирмам.

Отметим, что в изучении внешнеторгового контекста госфинансирования информационного обеспечения результатов НИОКР мы вынуждены сузить временной период до 2001–2019 гг., что связано с отсутствием объективных экономико-статистических данных за 1965–2000 гг. Кроме того, платежный баланс отнюдь не представляет собой современный инструмент анализа, но все же обладает известными достоинствами, особенно при отсутствии чего-либо лучшего.

Анализ обмена информацией и документацией в области инноваций, создаваемых в сфере НИОКР, между Соединенными Штатами и остальным миром за почти двадцатилетний период, протекший с начала нынешнего столетия, свидетельствует о растущем положительном сальдо в пользу Соединенных Штатов, увеличившемся с 31,1 млрд долл. в 2001 г. до 109,2 млрд долл. в 2019 г. (табл. 3). Причем отмеченный рост положительного сальдо, достигнутого США в рамках обмена научно-технической информацией и документацией за указанный почти 20-летний период в 3,5 раза, не уникален, поскольку практически такой же показатель роста уже имел место в истории Соединенных Штатов за период времени всего в 10 лет (1956–1965 гг.), а за другое десятилетие (1991–2000 гг.) он составил почти 2,6 раза [16].

Соотношение между платежами и поступлениями составило примерно 7 : 1 в 2001 г. и 9 : 1 в 2019 г. Поступления более чем утроились за почти 20 лет, в то время как платежи увеличились лишь в 2,6 раза.

Если провести различие, как это делают американские статистики, между филиалами американских фирм и иностранными фирмами, не зависимыми от них, обнаруживается, что рост этих доходов тесно связан с тенденцией прямых инвестиций США в остальном мире. Доход независимых фирм за указанный период увеличился менее чем в три раза, в то время как доход филиалов увеличился в четыре раза, составив в 1965 г. 75% всех поступлений.

Противоположное явление наблюдается на платежной стороне баланса. Соединенные Штаты

Таблица 3 / Table 3

Динамика баланса внешней торговли США научной и технической информацией и документацией с остальным миром в 2001–2019 гг., финансируемой федеральным правительством, млн долл.
Dynamics of the balance of US foreign trade in scientific and technical information and documentation with the rest of the world in 2001–2019, funded by the federal government, billion USD

Год	Гонорары и вознаграждения, учтенные в качестве					
	поступлений			платежей		
	от независимых фирм	от прямых вложений капитала за границей	всего	независимым фирмам	филиалам или фирмам, связанным с американскими компаниями	всего
2001	13 324	22 924	36 248	2,3	2,8	5,1
2003	14 058	23 837	37,8	2,2	2,6	4,8
2005	16 835	24 625	41,4	2,5	2,6	5,1
2007	16 628	34 815	51,4	2,8	2,4	5,2
2009	24 731	40 337	65,0	4,0	2,7	6,7
2011	24 849	46 352	71,1	4,6	3,4	8,0
2013	25 742	58 049	83,7	4,3	5,7	10,0
2015	26 727	66 072	92,7	5,0	6,1	11,1
2017	30 108	75 653	105,7	6,0	6,7	12,7
2019	30 136	92 422	122,5	6,6	6,7	13,3

Рассчитано по: [17–21].

ввозят через филиалы американских фирм не больше технической документации, чем через независимые фирмы.

Тенденция баланса торговли научно-технической документацией между Соединенными Штатами и Западной Европой – главным, наряду с Канадой, мировым центром международного сотрудничества США в инновационной сфере,

в том числе обмена научно-технической информацией (от почти 40% до без малого 45%) и интеллектуальными трудовыми ресурсами (22–24%), взятой в целом, свидетельствует об увеличивающихся доходах Соединенных Штатов. За период 2001–2019 гг. поступления увеличились в 3,8 раза, платежи – в 2,3 раза и остаток – в 4,4 раза (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Динамика баланса внешней торговли США научной и технической информацией и документацией со странами Западной Европы в 2001–2019 гг., финансируемой федеральным правительством, млн долл.
Dynamics of the balance of US foreign trade in scientific and technical information and documentation with Western European countries in 2001–2019, funded by the federal government, billion USD

Год	Гонорары и вознаграждения, учтенные в качестве					
	поступлений			платежей		
	от независимых фирм	от прямых вложений капитала за границей	всего	независимым фирмам	филиалам или фирмам, связанным с американскими компаниями	всего
2001	8,2	5,9	14,1	2,1	1,7	3,8
2003	8,4	6,4	14,8	2,1	1,6	3,7
2005	10,0	7,2	17,2	2,3	1,7	4,0
2007	9,6	10,7	20,3	2,6	1,6	4,2
2009	14,0	13,1	27,1	3,6	1,6	5,2
2011	13,5	16,7	30,2	4,2	1,7	6,9
2013	13,4	22,3	35,7	3,8	2,3	6,1
2015	14,3	27,2	41,5	4,6	2,1	6,7
2017	16,2	30,6	46,8	5,5	3,0	8,5
2019	16,2	38,1	54,3	6,1	2,8	8,9

Рассчитано по: [17–21].

Очевидно также, что самый интенсивный обмен научно-технической документацией осуществляется именно с Западной Европой: 42% излишка в пользу Соединенных Штатов образуется из баланса с Западной Европой (45,4 млрд долл. из 109,2 млрд долл. в 2019 г.). Подобным же образом США получили из Западной Европы почти половину своего дохода от обмена технической документацией, и доля дохода от Западной Европы в сравнении с общим доходом в период 2001–2019 гг. несколько возросла (с 33 до 42%).

Этому, на наш взгляд, способствовали следующие причины:

– доход, получаемый из Западной Европы, связан с прямыми инвестициями и представляет существенную часть прироста американских поступлений. За 2001–2019 гг. он увеличился более чем в 6 раз, тогда как поступления от независимых фирм за тот же период удвоились;

– что касается расходов Соединенных Штатов, то они выше для независимых фирм, чем для филиалов компаний США (2,1 млрд долл. по сравнению с 1,7 млрд долл. в 2001 г. и 6,1 млрд долл. против 2,8 млрд долл. в 2019 г.).

Эти цифры, конечно не полностью, отражают потоки интересующей нас информации между Соединенными Штатами и другими странами. Для того чтобы определить, можно ли рассматривать импорт американских сведений инновационного содержания дополняющим или доминирующим в различных отраслях промышленности, необходимы более подробные статистические данные по секторам.

Результаты

1. Государственная информационная политика, направленная на распространение результатов НИОКР, несомненно, на протяжении всего исследуемого периода времени способствовала повышению эффективности осуществления и внедрения исследований и разработок. Положительный эффект достигался посредством совершенствования организации и перераспределения информации внутри ведомств (подчиненных им специальных структур) и между ними, а также с помощью передачи новых знаний, технологий и «созревших» инноваций в отрасли экономики и некоммерческие сектора исследований, способные использовать их. Однако, хотя сам эффект не вызывает сомнений, способа для его точного измерения пока не существует.

2. Результаты анализа динамики федерального финансирования научной и технической информации в сфере НИОКР и внешнеторгового баланса этой информацией и документацией за

последние 50 лет отражают пространственно-временные структурные изменения, посредством которых федеральное правительство оказывает прямое («дирижистское») влияние на повышение конкурентоспособности продуктов с высокой долей затрат на НИОКР как на внутреннем, так и на глобальном рынках.

3. Выполнение разнообразных программ в области федерального финансирования распространения результатов НИОКР в США, безусловно, на протяжении более чем 50 последних лет создавало возможности для организации, усовершенствования и развития автоматизированной и цифровой обработки документации и информации. Этой новой отрасли в будущем, начиная с 2020-х гг., несмотря на надвигающийся кризис, объективно предназначается видная роль, а связанные с ней различные проблемы, которые обрисовываются уже теперь, наверняка поведут к новым открытиям в области совершенствования документации и распространения информации.

Список литературы

1. *Судакова Н. А.* Бюджетная политика США в сфере НИОКР : тенденции и прогнозы // США & Канада : Экономика – Политика – Культура. 2019. Т. 49, № 10. С. 54–77. DOI: 10.31857/S032120680006805-9
2. *Alexandersson G.* Financing the main directions of scientific and technological development of the United States in the context of the global economy // The American Economic Review. 2019. Vol. 109, № 5. P. 1336–1378.
3. *Michel E. P., Bauer G.* Federal government and the development of information policy in the United States. What are the strategic objectives of the exchange of scientific and technical information today? // International Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 11, № 2. P. 789–801.
4. *Perloff H. S., Dunn A. S.* Information policy of the US government in the field of R&D. Main financial and institutional instruments // The American Economic Review. 2018. Vol. 108, № 12. P. 3622–3658.
5. *Минат В. Н.* Федеральное финансирование научных исследований и разработок в США : объем, структура, перспективные направления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право, 2020. Т. 20, вып. 3. С. 256–265. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>
6. *Минат В. Н.* Особенности функционирования региональных инновационных систем в штатах Севера США // Вестник НГУЭУ. 2020. № 3. С. 198–213. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-3-198-213>
7. *Минат В. Н., Ченик А. Г.* Современные особенности распределения, использования и размещения научного персонала в США // Вестник НГУЭУ. 2020. № 2. С. 198–212. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-2-198-212>

8. Минат В. Н. Миграции научных работников высшей квалификации в США // Наука о человеке : гуманитарные исследования. Т. 14, № 3. С. 182–188. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.22
9. Минат В. Н., Чепик А. Г. Иммиграция ученых и инженеров в США за последние 20 лет : основные тенденции поляризации миграционного потока // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). Экономические науки. Вып. 68. С. 162–173. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10216>
10. Минат В. Н., Чепик А. Г. Внешнеторговые отношения и инновационная деятельность США // Международная торговля и торговая политика, 2020. Т. 6, № 2 (22). С. 5–21. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2020-2-5-21>
11. Минат В. Н. Типы территориальных форм национальной инновационной системы США и их концентрация в городских агломерациях // Инновации. 2020. № 5 (259). С. 68–80. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.259.5.010>
12. National Science Foundation. National Science Board. Science and Engineering Indicators, 2020. URL: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb2020> (дата обращения: 27.09.2020).
13. Congressional Budget Justification Department of State. Fiscal year 2021. February 10, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-CBJ-Final> (дата обращения: 29.09.2020).
14. American science in numbers and commentary: Statistical indicators, national and regional studies, forecasts, Wash., 2020. URL: <https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/> (дата обращения: 26.09.2020).
15. The 2020–2021 Long-Term Budget Outlook. Congress of the United States. Congressional Budget Office. June 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/06/budget-fy2020-2021> (дата обращения: 27.09.2020).
16. Historical Trends in Federal R&D. American Association for the Advancement of Science. 2020. URL: <https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy/historical-rd-data> (дата обращения: 29.09.2020).
17. Human Development Indices and Indicators. Statistical Update Briefing note for countries on the 2020. Statistical Update. United States. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/USA.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).
18. International Trade Statistics Yearbook 2020. URL: <https://www.un-ilibrary.org/international-trade-and-finance/international-trade-statistics-yearbook> (дата обращения: 01.10.2020).
19. Research and Development : U.S. Trends and International Comparisons. URL: <https://www.statistics/report/sections/research-and-development-u-s-trends-and-international-comparisons/recent-trends-in-u-s-r-d-performance> (дата обращения: 04.10.2020).
20. Statistical Abstract of the United States, Wash. : U.S. Government Printing Office, 2020. URL: <https://books.google.ru/books?id=YkXjuVR9iN8C&hl=ru> (дата обращения: 03.10.2020).
21. World indicators of scientific research and engineering development : 2020. URL: <https://www.battelle.org/aboutus/rd/2020.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).

References

1. Sudakova N. A. US R&D Budget Policy: Trends and Forecasts. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economy, Politics, Culture], 2019, vol. 49, no. 10, pp. 54–77 (in Russian). DOI: 10.31857/S032120680006805-9
2. Alexandersson G. Financing the main directions of scientific and technological development of the United States in the context of the global economy. *The American Economic Review*, 2019, vol. 109, no. 5, pp. 1336–1378.
3. Michel E. P., Bauer G. Federal government and the development of information policy in the United States. What are the strategic objectives of the exchange of scientific and technical information today? *International Journal of Economic Perspectives*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 789–801.
4. Perloff H. S., Dunn A. S. Information policy of the US government in the field of R&D. Main financial and institutional instruments. *The American Economic Review*, 2018, vol. 108, no. 12, pp. 3622–3658.
5. Minat V. N. Federal funding of research and development in the United States: volume, structure, promising areas. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 256–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>
6. Minat V. N. Features of Regional Innovation Systems Function in the Northern States of the USA. *Vestnik NSUEM*, 2020, no. 3, pp. 198–213. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-3-198-213>
7. Minat V. N., Chepik A. G. Modern Features of Distribution and Usag and Placement of Scientific Staff in the United States. *Vestnik NSUEM*, 2020, no. 2, pp. 198–212 (in Russian). <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2020-2-198-212>
8. Minat V. N. Migration of highly qualified scientists in the USA. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Human Science: Humanities Studies], 2020, vol. 14, no. 3, pp. 182–188 (in Russian). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.22
9. Minat V. N., Chepik A. G. Immigration of Scientists and Engineers to the United States Over the Past 20 Years: Main Trends Polarizations of the Migration Flow. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2020, no. 2 (436). *Economic Sciences*, iss. 68, pp. 162–173 (in Russian). DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10216
10. Minat V. N., Chepik A. G. Foreign Trade Relations and Innovation in the United States. *International Trade and Trade Policy*, 2020, vol. 6, no. 2 (22), pp. 5–21 (in Russian). <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2020-2-5-21>
11. Minat V. N. Types of territorial forms of the US national innovation system and their concentration in urban ag-

- glomerations. *Innovatsii* [Innovation], 2020, no. 5 (259), pp. 68–80 (in Russian). <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.259.5.010>
12. National Science Foundation. National Science Board. Science and Engineering Indicators, 2020. Available at: <https://nces.nsf.gov/pubs/nsb2020> (accessed 27 September 2020).
 13. Congressional Budget Justification Department of State. Fiscal year 2021. February 10, 2020. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FY-2021-CBJ-Final> (accessed 29 September 2020).
 14. American science in numbers and commentary: Statistical indicators, national and regional studies, forecasts, Wash., 2020. Available at: <https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/> (accessed 26 September 2020).
 15. The 2020–2021 Long-Term Budget Outlook. Congress of the United States. Congressional Budget Office. June 2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/06/budget-fy2020-2021> (accessed 27 September 2020).
 16. Historical Trends in Federal R&D. American Association for the Advancement of Science. 2020. Available at: <https://www.aaas.org/programs/r-d-budget-and-policy/historical-rd-data> (accessed 29 September 2020).
 17. Human Development Indices and Indicators. Statistical Update Briefing note for countries on the 2020. Statistical Update. United States. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/USA.pdf> (accessed 1 October 2020).
 18. International Trade Statistics Yearbook 2020. Available at: <https://www.un-ilibrary.org/international-trade-and-finance/international-trade-statistics-yearbook> (accessed 1 October 2020).
 19. Research and Development: U.S. Trends and International Comparisons. Available at: <https://www.statistics/report/sections/research-and-development-u-s-trends-and-international-comparisons/recent-trends-in-u-s-r-d-performance> (accessed 4 October 2020).
 20. Statistical Abstract of the United States, Wash.: U.S. Government Printing Office, 2020. Available at: <https://books.google.ru/books?id=YkXjuVR9iN8C&hl=ru> (accessed 3 October 2020).
 21. World indicators of scientific research and engineering development: 2020. Available at: <https://www.battelle.org/aboutus/rd/2020.pdf> (accessed 4 October 2020).

Поступила в редакцию 14.10.2020, после рецензирования 25.10.2020, принята к публикации 13.11.2020
Received 14.10.2020, revised 25.10.2020, accepted 13.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–54
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–54

Научная статья

УДК 338.1+338.001.36

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-48-54>

Влияние COVID-19 на креативные индустрии

Ю. О. Глушкова¹✉, А. В. Васина²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Глушкова Юлия Олеговна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, balomasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-2441>

Васина Анастасия Владимировна, кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономической безопасности и управления инновациями, nasty530@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3340-2554>

Аннотация. Введение. Данное исследование посвящено анализу влияния новой коронавирусной инфекции COVID-19 на сферу креативных индустрий в РФ, а также поиску решений для поддержки данной сферы в условиях пандемии. **Теоретический анализ.** Так как новейшие императивы течения мировых процессов диктуют необходимость структурных изменений в экономической деятельности государства, актуальным принципом организации экономической деятельности можно назвать развитие концепции креативных индустрий, в число которых входят: отрасли, связанные с созданием некоего культурного или творческого продукта, IT-сфера, мода и дизайн, рекламные и маркетинговые продукты, а также народное творчество и ремесло. В связи с актуальностью развития креативных индустрий в современных исследованиях теории развития креативной экономики уделяется огромное внимание изучению специфики данной деятельности и путей ее совершенствования. В статье проведен теоретический анализ кризиса в сфере креативных индустрий, а также подробно рассмотрены возможности и угрозы кризиса. **Эмпирический анализ.** На основе анализа деятельности компаний креативных индустрий авторами статьи выделены возможности развития компаний креативной сферы с точки зрения экономической и социальной эффективности. Рассмотрены новые тенденции трансформации бизнес-процессов в различных сферах (театр, киноиндустрия, музыка, выставочная и музейная деятельность). **Результаты.** На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что актуальными задачами в ситуации вынужденных карантинных мер являются своевременная трансформация креативных отраслей с использованием информационных технологий, переход в онлайн-сферы взаимодействия с потребителями, а также государственная поддержка креативных индустрий, наиболее подверженных влиянию кризиса.

Ключевые слова: креативная экономика, креативные индустрии, пандемия, коронавирус, COVID-19

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-3574.2019.6).

Для цитирования: Глушкова Ю. О., Васина А. В. Влияние COVID-19 на креативные индустрии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-48-54>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-48-54>

Influence of COVID-19 on creative industries

Yulia O. Glushkova¹✉, balomasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-2441>

Anastasia V. Vasina², nasty530@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3340-2554>

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Abstract. Introduction. This study analyzes the impact of the new COVID-19 coronavirus infection on the creative industries in the Russian Federation, as well as finding solutions to support this area in the context of the pandemic. **Theoretical analysis.** Since the latest imperatives of the current world processes dictate the need for structural changes in the state economic activity, the actual principle of the economic activity organization can be called the creative industries concept development, which include industries related to the creation of a certain cultural or creative product, IT-sphere, fashion and design, advertising and marketing products, as well as folk art and craft. Due to the relevance of the creative industries development, modern research on the theory of creative economy development pays great attention to the study of the specifics of this activity and ways to improve it. The article provides a theoretical analysis of the crisis in the creative industries, as well as a detailed analysis of the opportunities and threats of the crisis. **Empirical analysis.** Based on the analysis of the activities of

companies in the creative industries, the authors of the article identify opportunities for the development of companies in the creative sphere in terms of economic and social efficiency. New trends in the transformation of business processes in various fields (theatre, film industry, music, exhibition and Museum activities) are considered. **Results.** Based on the analysis, it is concluded that the urgent tasks in the situation of forced quarantine measures are the timely transformation of creative industries with the use of information technologies, the transition to online areas of interaction with consumers, as well as state support for creative industries most affected by the crisis.

Keywords: creative economy, creative industries, pandemic, coronavirus, COVID-19

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation (project No. МК-3574.2019.6).

For citation: Glushkova Yu. O., Vasina A. V. Influence of COVID-19 on creative industries. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-48-54>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

На 15 декабря 2020 г. в мире официально зафиксировано 72 874 305 заболевших коронавирусом COVID-19 в 187 стране. В активной фазе коронавирусной инфекцией болеют 29 976 062 чел. Общее количество смертей от коронавируса составляет 1 621 699 чел.; уровень летальности

в среднем составляет 2,23%, что оценивается экспертами как невысокий, однако стремительные темпы распространения данной инфекции достаточно пугающи. Подтвержденных случаев полного выздоровления от коронавируса в мире – 50 506 678 [1]. Распространение COVID-19 в разных странах представлено в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Топ стран по количеству заболевших коронавирусом
TOP countries by number of cases of coronavirus

Страна	Количество заболевших коронавирусом, чел.	Количество выздоровевших, чел.	Количество смертей, чел.	Уровень смертности, %
США	16 942 980	9 871 915	308 091	1,82
Индия	9 906 507	9 422 636	143 746	1,46
Бразилия	6 929 409	6 016 085	181 945	2,63
Россия	2 707 945	2 149 610	47 972	1,46
Франция	2 379 915	177 647	58 282	2,45
Великобритания	1 869 666	205 321	64 402	3,45
Турция	1 866 345	1 631 944	16 646	0,9
Италия	1 855 737	1 115 617	65 011	3,51
Испания	1 762 036	150 376	48 013	2,73
Аргентина	1 503 222	1 340 120	41 041	2,74

Таким образом, мы наблюдаем достаточно большое количество случаев заражения коронавирусной инфекцией. Безусловно, стоит отметить существенную разницу в количестве населения данных стран (так, самые частые случаи заражения зафиксированы в странах с достаточно большой численностью населения). Однако прослеживается явная аберрация между количеством населения и количеством заболевших. Эксперты связывают это с тем, что результаты статистических данных достаточно зависимы от уровня здравоохранения страны: к примеру, США является рекордсменом по тестированию населения на COVID-19, что и стало одной из причин высоких показателей заболеваемости.

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 повлекло за собой серьез-

ные последствия для мировых экономических систем, которые, по прогнозам ведущих экспертов-экономистов РФ, спровоцируют значительные финансовые проблемы также и в нашем государстве. В связи со сложившейся ситуацией ожидается серьезное падение уровня ВВП России, который под воздействием пандемии и введенных ограничений может существенно снизиться. Прогноз данного снижения обусловлен не только общей рецессией множества бизнес-процессов, но и общим уровнем цен на продукцию топливно-энергетического комплекса на мировых рынках сбыта, что является достаточно значительным «ударом» для бюджета РФ, поскольку продукция нефтяной и газовой промышленности – основная из российских товаров экспорта [2, 3].

По прогнозам Международного валютного фонда, ожидается резкое ухудшение показателей мировой экономики, а именно спад на 4,9%. При этом падение ВВП Еврзоны превысит 10%, а экономика США снизится на 8%. Многие страны испытывают колоссальный спад своих экономических показателей. К примеру, Индию ждет снижение на 4,5%, в то время как Мексика и Бразилия могут потерять до 9,1 и 10,5% соответственно. Кроме этого, пострадали страны, экономика которых завязана на продаже сырья: так, Россию ждет рецессия до 6,6%, а Саудовскую Аравию – на 6,8%. Необходимо отметить, что предыдущие расчеты прогнозировали умеренный рост в российской экономике (1,6% на 2020 год) [2].

Неблагополучная эпидемиологическая ситуация оказала влияние на многие сферы жизни и поведение общества. Так, к примеру, кардинально изменилось потребительское поведение: вырос спрос на онлайн-услуги, в то время как офлайн-услуги стремительно теряют свою актуальность. Данные изменения коснулись почти всех сфер бизнеса торговли и предоставления услуг. Среди наиболее пострадавших сфер можно выделить такую, как креативные индустрии, включающую в себя деятельность, связанную с кино, концертными выступлениями, музейными пространствами, выставочными залами, дизайном, IT, архитектурой, рекламой, СМИ. Компаниям, работающим в данных направлениях, необходимо было переформатировать свой бизнес для поиска оптимальной нейтрализации последствий сложившейся ситуации. Однако в современных бизнес-реалиях предприниматели рассматривают любой вызов со стороны внешней среды как необходимость в модификации различных процессов внутри компании, и многие уже выстроили свою деятельность согласно императивам нового времени [4].

По креативным индустриям пандемия ударила наиболее сильно. На фоне распространения пандемии рассмотрим, какие из них развиваются лучше, а какие испытывают большие трудности.

Целью статьи является анализ состояния и трансформации отрасли креативных индустрий в Российской Федерации в условиях развития пандемии, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции.

Теоретический анализ

31 декабря 2019 г. власти Китая проинформировали о вспышке неизвестной болезни, перетекающей в сложную форму пневмонии, Всемирную организацию здравоохранения. Несмотря на то, что с 22 января 2020 г. были введены карантинные меры в г. Ухань (Китай), инфекция

распространилась по разным странам. Пандемия и карантинные меры больше всего затронули событийные индустрии и индустрии развлечений, многие мероприятия были отменены или перенесены на неопределенное время. Российское правительство в связи с этим предлагает ряд мер по поддержанию данных отраслей в современной кризисной ситуации. В некоторых регионах выделялись финансовые субсидии для поддержки сферы креативных индустрий. Однако сами бизнес-сообщества активно перепрофилируют свою деятельность под современные нужды, к примеру, многие фэшн-бренды открыли деятельность по производству защитных масок. Многим компаниям из числа креативных индустрий пришлось подвергнуть свой бизнес значительным изменениям: к примеру, музейное пространство и концертная деятельность перевели свои мероприятия в цифровой формат; киноиндустрия также переориентировалась с премьер в кинотеатрах на показ фильмов онлайн на платной основе. Многие работы, связанные с рекламой и дизайном, требующие личного присутствия, перешли в формат видеоконференций во избежание всевозможных контактов.

В условиях самоизоляции людьми, работающими в креативной сфере, запускаются онлайн-проекты, делается контент (осваиваются новые технологии), ищется возможность заработать (краудфандинг, фандрайзинг, монетизация digital-контента), многие изучают новую реальность (исследовательские проекты и творческие конкурсы), пытаются самоорганизоваться.

Отсюда вытекает логичный вопрос: «Почему те или иные сектора креативных индустрий сильны в конкретных регионах и что требуется, чтобы поддерживать их развитие?». Разработка эффективного инструментария для развития сферы креативной экономики в современных условиях требует понимания некоего дуализма входящих в него компонентов. Так, с одной стороны, необходимо совершенствование ключевых компетенций человеческого капитала, а с другой – применение тех моделей и механизмов, которые позволят реализовывать имеющийся потенциал на практике и в условиях нового времени [5]. Иначе неизбежно возникновение проблемы «некапитализированного» человеческого потенциала – индивидов, обладающих комплексом практически полезных навыков, не вовлеченных в полной мере в актуальные экономические процессы [6]. Данная проблема чревата несбалансированностью структуры современного рынка труда, а также ростом безработицы [7]. Безусловно, необходимо отметить, что ситуация мировой пандемии полностью изменит показатели креативных индустрий (рисунок).

Возможности и угрозы кризиса в сфере креативных индустрий
Fig. Opportunities and threats of the crisis in the creative industries

Эмпирический анализ

Безусловно, необходимо отметить, что и до пандемии 2020 г. наблюдалась динамика изменения существующих технологий, информационных ресурсов, потока капитала, а также организационного взаимодействия, что является последствием реструктуризации капитализма в концепте креативных индустрий [8]. Последствием данных изменений можно назвать расширение возможностей киноиндустрии, телевидения, звукозаписывающих компаний и интернет-ресурсов [9, 10]. Кроме этого, существенное влияние на креативные индустрии продолжает оказывать цифровая трансформация экономики [11]. К примеру, М. Кастельс обозначил роль цифровых (digital) отраслей в общей классификации креативных индустрий, когда «источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации» [12, с. 342].

Можно сказать, что вынужденное использование цифровых технологий послужило неким акселератором [13] для выявления новых возможностей креативного бизнеса, как с экономического, так и с социального аспекта [14]. К экономическим возможностям и преимуществам для организаций можно отнести:

- увеличение рынков сбыта;
- расширение межотраслевых связей;
- развитие междисциплинарных проектов;
- интеграцию продукции или услуг во многие сферы жизни населения;

- распространение партнерских и аутсорсинговых отношений за пределы региона или даже государства;
- создание антикризисного штаба (сокращение издержек);
- смена ОКВЭД;
- использование новых банковских инструментов для бизнеса;
- экономию материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

С точки зрения социальной эффективности для населения необходимо отметить:

- повышение образовательной грамотности (много онлайн-семинаров);
- расширение возможностей для людей с ограниченными способностями;
- повышение культурного уровня населения;
- снижение стоимости креативных услуг;
- экономию временных ресурсов на потребление культурных благ.

В результате анализа можно сделать вывод о влиянии пандемии коронавируса на сферу креативных индустрий, данная отрасль экономики переживает существенные трансформации (табл. 2).

Таким образом, возрастает необходимость использования информационных технологий как акселератора укрепления стратегических позиций для развития в сфере креативных индустрий [15]. Кроме этого, следует помнить, что по мере возможности одни виды индустрии могут поддерживать другие виды, взаимодействуя друг с другом [16–18].

Таблица 2 / Table 2

Трансформации в основных сферах креативных индустрий вследствие пандемии коронавируса
Transformations in the main areas of creative industries due to the coronavirus pandemic

Наименование сферы креативных индустрий	Трансформации
Театральная индустрия	Проведение онлайн репетиций; онлайн-трансляции спектаклей; применение новых форм в digital
Литература/издательства	Изменение площадок книжной торговли на онлайн; популяризация аудиокниг в цифровом пространстве и различных подкастов; проведение мероприятий в формате видеоконференций (презентации, поэтические чтения); издание литературы только в цифровом формате без использования печатной продукции
Индустрия музыки	Проведение онлайн-репетиций; организация онлайн-концертов и концертных площадок; изменение записи формата видеоклипов
Киноиндустрия	Повышение спроса на онлайн-трансляции фильмов и сериалов; запуск новых платформ для просмотра кино в домашней атмосфере; сериалы в Instagram TV и других veb-форматах; организация кинофестивалей в онлайн
Галереи, арт-кластеры и музеи	Организация выставок на цифровых платформах; развитие онлайн-медиапроектов; организация Open call-ов

Резюмируя все вышенаписанное, можно сделать вывод, что на первый план актуальных задач развития и поддержки креативных индустрий выходит применение новых цифровых технологий и платформ как вынужденная мера реагирования на турбулентные изменения, происходящие во внешней среде [19]. Важно отметить, что при этом возрастает необходимость распознавания смены и отслеживание появления новейших технологий для того, чтобы ни допустить насыщения рынка и снижения продуктивности от их применения [13].

Результаты

Безусловно, пандемия 2020 г. существенно повлияла на организацию и ведение бизнеса в области креативного предпринимательства, принесла с собой как существенные проблемы, так и новые решения и возможности. Конечно, стоит отметить, что многие компании терпели значительные убытки в условиях пандемии, провоцирующие их сокращение, несмотря на поддержку государства. Однако некоторые компании смогли привлечь новую целевую аудиторию и даже повысить спрос на свою продукцию и услуги.

В результате всего вышеизложенного можно сделать вывод, что нестандартные кризисные ситуации во многих компаниях активизируют поиск новых решений и изменение структуры бизнеса

на время кризиса, что в результате может быть рассмотрено как дополнительные возможности для них в стратегической перспективе. Исходя из того, что сфера креативных индустрий направлена на преследование определенных коммерческих целей посредством предоставления конкретных социально-культурных продуктов и услуг для населения, актуальными для поддержки их деятельности в условиях пандемии являются совершенствование действующих процессов, своевременная трансформация креативных отраслей с использованием информационных технологий, переход в онлайн-сферы взаимодействия с потребителями, развитие деятельности стекхолдеров креативного класса (малые и микропредприятия креативной сферы, самозанятые), государственная поддержка креативных индустрий, наиболее подверженных влиянию кризиса.

Список литературы

1. Коронавирус. Онлайн карта распространения коронавируса. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (дата обращения: 15.12.2020).
2. Прогноз о рынке после глобального карантина и пандемии. URL: <https://www.vedomosti.ru/salesdepartment/2020/04/15/prognoz-o-rynke-posle-globalnogo-karantina-i-pandemii> (дата обращения: 02.05.2020).

3. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВладДар, 1993. 310 с.
4. План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/plan_pervoocherednyh_meropriyatiy_po_obespecheniyu_ustoychivogo_razvitiya_ekonomiki_v_usloviyah_uhudsheniya_situatsii_v_svyazi_s_rasprostraneniem_novoy_koronavirusnoy_infekcii.html (дата обращения: 02.05.2020).
5. Сердюкова Л. О. Модель формирования, развития и использования интеллектуального капитала в региональной инновационной системе // Научное обозрение. 2012. № 2. С. 646–652.
6. Боровинская Д. Н. Креативность и культурный продукт индустрии туризма : Актуальные зарубежные исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 13 (409). Философские науки. Вып. 46. С. 82–86.
7. Васина А. В., Глушкова Ю. О. Механизм стратегического управления параметрами креативных проектов в сфере культурных индустрий // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 1 (25). С. 29–37.
8. Глушкова Ю. О. Подходы к оценке эффективности экономико-управленческой стратегии развития и государственной поддержки креативных индустрий // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 12. С. 2387–2396. DOI: 10.18334/ce.13.12.41477
9. Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее : пер. с англ. М. : Издательский дом «Классика-XXI», 2005. 421 с.
10. Мостовая Е. Б., Афанасьева Ю. А., Шумилова С. И. Модернизация экономики и креативный класс // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 4. С. 179–189. DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-4-179-189
11. Ismagilova L. A., Gileva T. A., Galimova M. P., Sitnikova L. V., Gilev G. A. The digital transformation trajectory of industrial enterprises // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019. Granada, Spain, 2019. P. 2033–2045.
12. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М. : Изд-во «ГУ ВШЭ», 2000. 600 с.
13. Nambisan S., Lyytinen K., Majchrzak A., Song M. Digital Innovation Management : Reinventing Innovation Management Research in a Digital World // Mis Quarterly. 2017. Vol. 41, № 1. P. 223–238. DOI: 10.25300/MISQ/2017/41:1.03
14. Зотова Л. П. Креативный город : творческие индустрии и развитие городов // Креативная экономика. 2015. Т. 9, № 11. С. 1465–1490. DOI: 10.18334/ce.9.11.2085
15. Качераускас Т. Креативность и концепция креативного общества в социологии // Социологические исследования. 2017. № 10 (402). С. 26–35. DOI: 10.7868/S0132162517100038
16. Михайлова А. В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 1. С. 29–42. DOI: 10.18334/ce.12.1.38783
17. Tao J., Ho CY, Luo Sh., Sheng Y. Agglomeration economies in creative industries // Regional Science and Urban Economics. 2019. № 77. P. 141–154. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2019.04.002
18. Махалин В. Н. Управление креативным классом: зарубежный и отечественный опыт // Вестник университета. 2015. № 1. С. 146–150.
19. Cunnigham S. Trojan horse or Rorschach blot? Creative industries discourse around the world // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 15, iss. 4. P. 375–386. <https://doi.org/10.1080/10286630902977501>

References

1. *Koronavirus. Onlain karta rasprostraneniya koronavirusa* (Coronavirus. Online map of the spread of coronavirus). Available at: <https://coronavirus-monitor.ru/> (accessed 15 December 2020) (in Russian).
2. *Prognoz o rynke posle global'nogo karantina i pandemii* (Forecast of the market after the global quarantine and pandemic). Available at: <https://www.vedomosti.ru/salesdepartment/2020/04/15/prognoz-o-rynke-posle-globalnogo-karantina-i-pandemii> (accessed 2 May 2020) (in Russian).
3. Glazyev S. Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow, VladDar Publ., 1993. 310 p. (in Russian).
4. *Plan pervoocherednykh meropriyatiy po obespecheniyu ustoychivogo razvitiya ekonomiki v usloviyakh uhudsheniya situatsii v svyazi s rasprostraneniem novoi koronavirusnoi infektsii* (Plan of priority measures to ensure sustainable economic development in the context of the deterioration of the situation due to the spread of a new coronavirus infection). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/plan_pervoocherednyh_meropriyatiy_po_obespecheniyu_ustoychivogo_razvitiya_ekonomiki_v_usloviyah_uhudsheniya_situatsii_v_svyazi_s_rasprostraneniem_novoy_koronavirusnoy_infekcii.html (accessed 2 May 2020) (in Russian).
5. Serdyukova L. O. Model of formation, development and use of intellectual capital in the regional innovation system. *Nauchnoe obozrenie* [Scientific review], 2012, no. 2, pp. 646–652 (in Russian).
6. Borovinskaya D. N. Creativity and cultural product of the tourism industry: Actual foreign research. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2017, no. 13 (409). Philosophy Sciences. Iss. 46, pp. 82–86 (in Russian).
7. Vasina A.V., Glushkova Yu. O. Mechanism of parameters strategic management of creative projects in the field of cultural industries. *Actual Problems of Economics and Management*, 2020, no. 1 (25), pp. 29–37 (in Russian).
8. Glushkova Yu. O. Approaches to evaluating the effectiveness of the economic and management strategy for the development and state support of creative industries. *Creative Economy*, 2019, vol. 13, no. 12, pp. 2387–2396 (in Russian). DOI: 10.18334/ce.13.12.41477

9. Florida R. *Kreativnyi klass: liudi, kotorye meniyut budushee* [Creative class: People who change the future]. Moscow, Publishing house "Classic-XXI", 2005. 421 p. (in Russian).
10. Mostovaya E. B., Afanasyeva Yu. A., Shumilova S. I. Modernization of the economy and the creative class. *World of Economics and Management*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 179–189 (in Russian). DOI: 10.25205/2542-0429-2017-17-4-179-189
11. Ismagilova L. A., Gileva T. A., Galimova M. P., Sitnikova L. V., Gilev G. A. The digital transformation of industrial enterprises. *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019*. Granada, Spain, 2019, pp. 2033–2045.
12. Castels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Moscow, Publishing house "Higher School of Economics", 2000. 600 p. (in Russian).
13. Nambisan S., Lyytinen K., Majchrzak A., Song M. Digital Innovation Management: Reinventing innovation management research in a digital world. *Mis Quarterly*, 2017, vol. 41, no. 1, pp. 223–238. DOI: 10.25300/MISQ/2017/41:1.03
14. Zotova L. R. The creative city: Creative industries and urban development. *Kreativnaya ekonomika*, 2015, vol. 9, no. 11, pp. 1465–1490 (in Russian). DOI: 10.18334/ce.9.11.2085
15. Kacerauskas T. Creativity and the concept of creative society in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2017, no. 10 (402), pp. 26–35 (in Russian). DOI: 10.7868/S0132162517100038
16. Mikhailova A. V. Digital and creative economy in the modern space. *Kreativnaya ekonomika*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 29–42 (in Russian). DOI: 10.18334/ce.12.1.38783
17. Tao J., Ho CY., Luo Sh., Sheng Y. Agglomeration economies in creative industries. *Regional Science and Urban Economics*, 2019, no. 77, pp. 141–154. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2019.04.002
18. Makhalin V. N. Management of the creative class: Foreign and domestic experience. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], 2015, no. 1, pp. 146–150 (in Russian).
19. Cunnigham, S. Trojan horse or Rorschach blot? Creative industries discourse around the world. *International Journal of Cultural Policy*, 2009, vol. 15, iss. 4, pp. 375–386. <https://doi.org/10.1080/10286630902977501>

Поступила в редакцию 06.09.2020, после рецензирования 16.12.2020, принята к публикации 27.12.2020

Received 06.09.2020, revised 16.12.2020, accepted 27.12.2020

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 55–62
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 55–62

Научная статья
УДК 341.22
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-55-62>

Международно-правовые проблемы возмещения вреда, не имеющего конкретного причинителя

А. П. Анисимов

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский просп., д. 100

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается проблема возмещения вреда в условиях отсутствия его конкретного причинителя на примере двух проблем международного права, связанных с образованием космического мусора и загрязнением Мирового океана. **Теоретический анализ.** Исследуются акты международного права и реальная ситуация с увеличением количества космического мусора и уровня загрязнения Мирового океана, высказываются предложения по уменьшению угроз космическим полетам и морским биоресурсам. **Результаты.** В статье делается вывод о том, что единого и универсального решения поставленных проблем не существует, несмотря на выявленное сходство рассмотренных случаев (неочевидность субъекта – причинителя вреда). Такие решения должны иметь не только правовой аспект (разработка новых международных конвенций), но и экономический (создание специальных экологических фондов) и организационный (расширение компетенции международных органов). Отдельно в статье подчеркивается, что решение этих проблем потребует повышения уровня эколого-правовой культуры органов публичной власти, бизнеса и населения.

Ключевые слова: вред, космический мусор, отходы, мировой океан, спутник, договор, биосфера

Для цитирования: Анисимов А. П. Международно-правовые проблемы возмещения вреда, не имеющего конкретного причинителя // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 55–62. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-55-62>

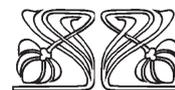
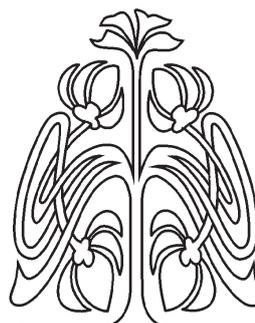
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-55-62>

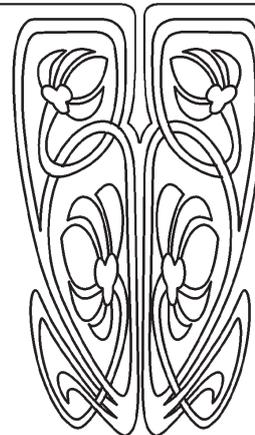
International legal problems of compensation for harm that does not have a specific injurer

Alexey P. Anisimov, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>
Volograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Abstract. Introduction. The article deals with the problem of compensation for damage in the absence of a specific injurer through investigating two problems of international law related

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

to the formation of space debris and pollution of the World Ocean. **Theoretical analysis.** Acts of international law and the actual increase in the amount of space debris and the level of pollution of the World Ocean are studied, and proposals to reduce threats to space flights and marine bioresources are made. **Results.** The article concludes that there is no single and universal solution to the problems, despite the revealed similarity of the considered cases (the lack of evidence of the harm-causing subject). Such decisions should have not only a legal aspect (the development of new international conventions), but also an economic aspect (the creation of special environmental funds) and an organizational aspect (the expansion of the competence of international bodies). Separately, the article emphasizes that solving these problems will require increasing level of environmental and legal culture of public authorities, businesses and the population.

Keywords: harm, space debris, waste, World Ocean, satellite, treaty, biosphere

For citation: Anisimov A. P. International legal problems of compensation for harm that does not have a specific injurer. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 55–62 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-55-62>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

В научной литературе и практике международного права достаточно хорошо изучены и постоянно применяются правовые нормы, направленные на возмещение вреда, причиненного конкретным государством, физическим или юридическим лицом (например, загрязнение моря нефтью в результате аварии танкера). Между тем с каждым годом растет число случаев причинения вреда, когда конкретного виновного невозможно установить, а потому невозможно и возместить причиненный вред. К числу случаев, когда вред охраняемым законом благам (окружающей среде, здоровью и имуществу) очевиден, однако ни одно государство или юридическое лицо не несет за это ответственности, относится, например, столкновение спутников с космическим мусором, а также загрязнение Мирового океана пластиковым мусором, балластными водами и брошенными сетями. Как будет показано далее, четких обязательств по возмещению такого вреда государствами не предусмотрено, механизм установления виновного в причинении такого вреда отсутствует, а система доказательств является весьма сложной.

Теоретический анализ

Освоение космических пространств имеет, кроме несомненных плюсов, и ряд отрицательных последствий, носящих технический, экологический либо гражданско-правовой характер. В последнем смысле речь идет о случаях, когда расположенный на орбите космический мусор причиняет вред спутникам связи и иным летательным аппаратам, причем конкретного причинителя вреда установить невозможно. «Космический мусор» является общим термином, используемым для описания всех искусственных материалов во Вселенной, которые не используются человеком для ведения научных исследований или в иных целях. Данные отходы включают остатки орбитальных ступеней или другие детали космических аппаратов, которые

больше не служат полезным целям, но из которых происходит утечка топлива и охлаждающей жидкости, различных красителей, наконечников лопастей и иного мусора, оставленного космическими экспедициями.

Ожидаемая продолжительность жизни космического мусора зависит от его положения: на низкой околоземной орбите есть большая вероятность сжигания его большей части в атмосфере, так что она составляет около 25 лет. К настоящему моменту уже зафиксировано множество случаев столкновения спутников и иных аппаратов с космическим мусором, наиболее известным из которых является столкновение 10 февраля 2009 г. выведенного из эксплуатации (т.е. находящегося в статусе космического мусора) российского спутника «Космос-2251» и американского спутника телефонной компании «Iridium-33». Их общая масса составляла 1500 кг, и они разлетелись на 2000 обломков, часть из которых вошла в атмосферу Земли и сгорела [1].

По имеющимся данным, всего на орбите Земли сейчас вращается около 750 000 объектов размером более 1 см. При средней скорости движения в 40 000 км/ч их столкновение с космическими аппаратами дает примерно такие же последствия, как взрыв ручной гранаты. Около 18 000 таких обломков имеют достаточно большой размер, чтобы регулярно контролироваться земными системами наблюдения. Полученные данные космические агентства используют для предотвращения столкновений. С увеличением количества объектов в космосе эксперты полагают, что столкновения между этими объектами, некоторые из которых уже произошли, могут стать первичным источником появления новых фрагментов на орбите (эффект Кесслера) [2].

Кроме того, космические организации уже сталкиваются со все новыми трудностями при осуществлении дистанционного зондирования Земли и в ходе исследований космоса. Интенсивное освоение космоса порождает и другие вредные последствия, которые проявят себя спустя

определенное время. Дело в том, что запуск ракет в космос с космодрома любой страны вызывает проблемы со здоровьем у людей, живущих от него в непосредственной близости. Космический корабль загрязняет атмосферу и может создать угрозу радиоактивного загрязнения, например, при аварии на старте или последующем столкновении с космическим мусором, что породит уже радиоактивный космический мусор и излучение. В случае такого столкновения загрязненные объекты могут упасть на поверхность Земли (как однажды в 1978 г. на территорию Канады упал советский спутник), представляя тем самым серьезную угрозу для здоровья людей [3, с. 545].

Образование мелких частиц космического мусора, число которых растет, нарушает сложившийся за миллионы лет свето- и теплообмен между Землей и внешней средой, наносит экологический ущерб и разрушает озоновый слой Земли [4, с. 80], снижается уровень гарантий защиты жизни на Земле от ультрафиолетового излучения, происходит выработка парниковых газов, негативно влияющих на климат Земли [5, с. 371]. В то же время нельзя сказать, что данную проблему международное сообщество полностью игнорирует. В настоящий момент представителями технических наук ведутся исследования по созданию специальных космических аппаратов, способных совершать маневры и собирать отдельные фрагменты космического мусора. Потом космический мусор должен попасть в атмосферу Земли и там сгореть [6, с. 7]. Предлагается также устанавливать на космических аппаратах специальные конструкции, способные защитить их в случае столкновения с фрагментами космического мусора. Исследуется повышение эффективности космического мониторинга и точных прогнозов возможных столкновений с мусором [7, с. 80–83; 8, с. 469]. Считается, что наибольший вклад в формирование космического мусора внесли три страны – Китай, США и Россия (93% объема космического мусора, у остальных стран 7%) [9, с. 287]. Поэтому без их добровольного участия данная проблема не имеет решения.

В международном публичном праве ряд мер по борьбе с космическим мусором уже заложен в международных договорах, принятых в последние десятилетия. Так, ряд статей Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1966), устанавливает международную ответственность государств за национальную деятельность в космосе, в том числе ответственность за ущерб, причиненный такими объектами. Согласно ст. 9 Договора, государства-участники

осуществляют исследование космического пространства таким образом, чтобы избежать его вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества. Однако проблема космического мусора не получила в нем решения. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1971) предусматривает в ст. 3 ответственность за ущерб, причиненный космическим объектом, принадлежащим одному государству, другому объекту, только при наличии вины.

Такая постановка вопроса исключает возможность распространения действия конвенции на возмещение вреда, причиненного космическому аппарату космическим мусором. В настоящее время создан Межагентский координационный комитет по космическому мусору, куда входят органы исполнительной власти 13 государств (их космические агентства), разработаны Руководящие принципы по предупреждению образования космического мусора 2003 г. [10, с. 67]. Приняты Руководящие принципы предупреждения образования космического мусора 2007 г. (одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН), Европейский кодекс поведения по снижению засоренности и защите от космического мусора 2004 г. Одним из последних документов, направленных на уменьшение космического мусора, является Справочник стандартов по предупреждению, образованию и ослаблению воздействия космического мусора, принятый государствами и международными организациями 26 января 2018 г. Однако правовой статус данного справочника носит рекомендательный характер. Между тем Руководящие принципы не охватывают все аспекты проблемы космического мусора, они не затрагивают вопросы удаления существующего космического мусора, вопросы столкновения с космическим мусором космических объектов с ядерными источниками энергии на борту [11]. В национальное законодательство ряда стран мира (Финляндия, Бельгия, Австрия) включены нормы о предотвращении образования космического мусора, хотя в других странах таких законодательных норм нет, либо (как в России) они сконцентрированы лишь в технических подзаконных актах. В результате все чаще возникает вопрос: что следует предпринять государствам мира, чтобы решить (смягчить) остроту проблемы космического мусора, уменьшить его количество и возместить вред частным компаниям и государствам, чьи космические аппараты пострадали от столкновения с ним. Представляется, что возможно обсуждение следующей программы действий.

1. Необходимо определиться с тем, какой именно международный документ должен быть посвящен проблеме обращения с космическим мусором. Эксперты обсуждают три варианта: разработка единого международного документа по ликвидации космического мусора либо развитие системы двусторонних договоров. Вполне возможна и подготовка дополнительного протокола к Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1971). Представляется, что разработка отдельной конвенции об обращении с космическим мусором является наиболее перспективным вариантом, учитывая специфику проблемы.

2. В данном международном акте необходимо определиться с терминологией, а также способами обращения с космическим мусором. Думается, что космический мусор является уникальной разновидностью родовой категории «отходы», и при решении многих правовых вопросов можно использовать международные и внутригосударственные разработки, касающиеся «земных отходов». В частности, следует закрепить право собственности на отходы за лицом, которое их произвело. Многие крупные фрагменты космического мусора представляют материальную ценность и при развитии технологий могут быть возвращены на Землю. В случае отказа государств от прав на них они будут уничтожены. Учитывая, что большая часть космического мусора не подлежит идентификации на предмет принадлежности отдельному государству, в предлагаемой международной конвенции можно использовать конструкцию общей собственности на космический мусор стран, осуществляющих запуски спутников и иных космических аппаратов. Именно они как собственники должны нести бремя расходов по ликвидации данных отходов.

3. При ООН необходимо создание отдельного органа (либо расширение функций Комитета по космосу), который мог бы получать определенные взносы от государств (непосредственно либо через специальные фонды), участвующих в космических полетах, и расходовать их на принятие (посредством грантов на научные исследования) мер по борьбе с космическим мусором, осуществлять координацию запусков космических аппаратов, собирающих такой мусор, координировать и развивать систему мониторинга космического пространства, вести единый реестр не только всех запущенных космических аппаратов, но и крупных фрагментов космического мусора и т.д. Отдельного обсуждения заслуживает универсальный пакет мер по стимулированию страховых компаний,

которые могут улучшить страхование рисков столкновения космических аппаратов с космическим мусором.

4. В научной литературе предложено создание международного фонда, куда страны, ведущие ракетно-космическую деятельность, могли бы перечислять деньги, расходуемые на меры по уменьшению количества космического мусора. Из него могут выплачиваться и компенсации странам и частным компаниям, пострадавшим от космического мусора [12]. Это позволит реализовать один из фундаментальных принципов международного экологического права – «загрязнитель платит». При этом можно использовать потенциал Глобального экологического фонда, участвующего в решении международных экологических проблем в тесном контакте с ООН.

5. В идеале решение любой «мусорной проблемы» предполагает уменьшение количества образуемого мусора. Для этого необходимо возложение дополнительных обязанностей (влекущих дополнительные расходы) на государства и частные компании, осуществляющие запуск космических аппаратов, в части планирования утилизации спутников, отработавших свой ресурс. И хотя сопротивление частного бизнеса новым правилам будет неизбежно, это единственная возможность уменьшить объемы самого мусора, а не бороться с его последствиями. Применительно к земным отходам данный вариант успешно реализуется рядом стран в рамках концепции циркулярной экономики [13], основные положения которой применимы и к космосу [14, с. 878]. Кроме принятия международно-правовых норм по снижению нового засорения околоземного космического пространства, необходимо на международном уровне разработать и процедуры ликвидации имеющихся объектов космического мусора [15, с. 268]. Только тогда можно говорить о комплексном подходе к решению данной проблемы.

6. Воздействие космического мусора причиняет не только экономический, но и экологический вред. Считается распространенным мнение, что сгорание фрагментов космического мусора в атмосфере и их падение в Мировой океан безвредно, хотя данная позиция вызывает большие сомнения.

Наряду с проблемой космического мусора, другим не менее ярким примером причинения вреда, виновника которого установить невозможно, является загрязнение Мирового океана. Мировой океан играет важную роль в поддержании теплового баланса планеты, поглощает углекислый газ, является одним из важнейших компонентов биосферы Земли. Однако в результате антропогенного воздействия, включая из-

менение климата, происходит повышение уровня атмосферного углекислого газа (CO₂), растет температура океана, тают льды Северного и Южного полюсов, повышается кислотность вод. Увеличение температуры океана создает угрозу для жизни миллионов морских организмов, которые не успевают адаптироваться к происходящим изменениям и вымирают. Разрушаются коралловые рифы, гибнут морские водоросли, страдают от загрязнения прибрежные экосистемы [16, с. 12]. В последние годы все чаще говорят об акустическом загрязнении океана, связанном с антропогенным шумом от сейсморазведки, бурения, судоходства, эхолокации [17, с. 89]. Большой вред водным биоресурсам причиняют брошенные сети (тралы), попав в которые гибнут миллионы особей рыб, птиц и черепах [18, с. 187]. Кроме того, по данным ООН, в моря ежегодно выбрасывается около 6,4 млн тонн мусора, в результате чего рыболовство, например, Шотландии теряет около 10 млн фунтов стерлингов в год. Косвенный вред от морского мусора заключается в том, что туристы не будут посещать пляжи, где море выбросило мусор [19, с. 60–61]. Остается открытым и вопрос о том, кто должен возмещать вред природе и здоровью человека, если террористы взорвут нефтяной танкер или подводный нефтепровод в нейтральных водах, вне юрисдикции конкретного государства?

Уже обсуждается вопрос о том, что добыча нефти в море провоцирует землетрясения, и такие случаи уже известны в районе Майкопа и в Средней Азии [20, с. 105]. Продолжает сохранять актуальность и проблема сброса балластных вод, в результате которой, например, завезенный в Черное море из Атлантического океана хищный желеобразный гребневик дал в 1989 г. грандиозный прирост численности и нанес огромный ущерб рыбному промыслу, что повлекло серьезные экономические потери [21, с. 546]. Подобных примеров достаточно много. В ближайшем будущем перечень угроз причинения вреда морям в условиях отсутствия конкретного лица, виновного в этом, будет только расти. Уже сейчас в научной литературе обсуждаются варианты действий государств Балтийского моря по ликвидации последствий для здоровья граждан и водных биоресурсов от загрязнения морей в результате затопления в конце 1940-х гг. победителями во Второй мировой войне в Балтийском и Северном морях трофейного химического оружия [22, с. 4]. Точные места его затопления неизвестны, и потенциальный объем вреда для водных экосистем спрогнозировать сложно.

Перечень указанных случаев причинения вреда Мировому океану можно продолжать и

далее. Их общей чертой является отсутствие конкретного причинителя вреда, с которого можно было бы взыскать вред, причиненный морским водам и биоресурсам (экологический вред), а также вред, причиненный рыбной перерабатывающей промышленностью, туризму и т.д. (экономический вред). Остается открытым и вопрос о том, кто должен платить за сбор и захоронение (переработку) пластикового и иного мусора, выброшенного на берег конкретного государства, а также очистку пляжей от нефтяного и иного загрязнения, что стоит сотни тысяч долларов [23, с. 592–593]. Поскольку собственник такого пластикового и иного мусора не известен, расходы ложатся на прибрежное государство и его предпринимателей, хотя это нарушает один из основополагающих принципов международного экологического права – «загрязнитель платит». Наряду с экономическими потерями, связанными с загрязнением морской окружающей среды, есть культурные и эстетические издержки, которые трудно измерить.

При этом нельзя сказать, что международное сообщество игнорирует проблему защиты Мирового океана. За последние десятилетия было принято несколько десятков конвенций, посвященных различным аспектам охраны морских вод от загрязнения (Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. и т.д.). Положения этих конвенций были неоднократно применены на практике, например, в случаях аварий отдельных танкеров¹ или на нефтяных платформах². Запрещены испытания ядерного оружия в водах Мирового океана, достаточно эффективно ведется борьба с международным браконьерством³. Однако во всех этих международных документах вопрос о возмещении вреда, причинитель которого неизвестен (и установить которого невозмож-

¹ Так, в марте 1989 г. у берегов Аляски произошла авария танкера «Эксон Валдиз», более 10 млн галлонов нефти вылилось в море, образовав нефтяное пятно 28 000 кв. км. Погибло много рыбы, морских животных и птиц. С компании Еххоп было взыскано более 500 млн долл. штрафа, плюс расходы, понесенные ею непосредственно по очистке вод.

² В результате аварии на нефтяной платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе в 2010 г. произошла утечка более 5 млн баррелей нефти, а размер нефтяного пятна составил 75 000 кв. км. В итоге компанией BP был возмещен вред в размере 7,8 млрд долл.

³ Например, для решения этой проблемы ФАО (Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН) создан Глобальный реестр рыболовных судов, который позволяет эффективно бороться с незаконным выловом водных биологических ресурсов, создаются и специальные частные сервисы, предоставляющие информацию о незаконном рыболовстве.

но), надлежащим образом не решен. В связи с этим требуется как доктринальное обсуждение сложившейся ситуации, так и ее последующее решение средствами международного права. Доктринальным обоснованием необходимости нового подхода может стать дополнение концепции общего достояния (наследия) человечества, распространяемой на Мировой океан, Луну и иные небесные тела. Представляется, что возможность пользоваться таким достоянием (благо) должна иметь и другую сторону (бремя), связанную с необходимостью расходования денежных средств на защиту экологических систем Мирового океана как объекта общего наследия человечества в интересах как настоящего, так и будущего поколений людей.

Такая концепция «всеобщего возмещения вреда Мировому океану» (ее можно закрепить посредством внесения дополнений в Конвенцию ООН по морскому праву) должна закреплять принцип солидарной ответственности государств, использующих морские ресурсы, за состояние Мирового океана. Профилактика такого вреда и его возмещение (например, прибрежным территориям государств) потребуют создания специального экологического фонда (или расширения полномочий действующего Глобального экологического фонда) для восстановления морских экосистем, развития научно-технических исследований, мониторинга состояния морских вод. Применительно к случаям, когда конкретный причинитель вреда морским водам известен, такой опыт уже есть, поскольку много лет действует Международный фонд для компенсации ущерба от загрязнения нефтью 1992 г.

За счет средств нового фонда станет возможным финансирование морских экспедиций для ликвидации «островов пластикового мусора» в океане, его очистки от рыболовных сетей и другого опасного мусора, угрожающего состоянию морских и прибрежных биоресурсов. Наряду с этим должны быть сохранены и традиционные способы защиты Мирового океана, связанные с контролем за добычей и перевозкой нефти, переработкой пластика, за использованием пестицидов в сельском хозяйстве и недопущением попадания удобрений в реки, ограничения на добычу водных биоресурсов и т.д. При этом такие меры будут неэффективны, если граждане продолжают бросать в море пластиковые бутылки и пакеты, а представители бизнеса и их работники равнодушно относятся к природоохранным обязательствам при добыче нефти на шельфе и эксплуатации нефтяных танкеров.

Комплексное решение данной проблемы потребует изменения экологического правосо-

знания как мировой политической элиты, так и представителей бизнеса и обычных граждан. В настоящий момент таких изменений не наблюдается, в связи с чем необходим комплекс образовательных и просветительских мероприятий, которые могла бы координировать Организация Объединенных Наций в лице ее специализированных органов.

Результаты

В настоящей статье предпринята одна из первых попыток исследовать проблему причинения вреда, когда как такового правонарушения либо нет, либо его виновный не очевиден и не может быть установлен в рамках имеющихся международных процедур (что наиболее ярко видно на примере космического мусора и загрязнения Мирового океана). При этом следует заметить, что перечень исследованных случаев причинения вреда не является исчерпывающим и неизбежно будет расширяться в будущем. В частности, в мае 2020 г. США потребовали 9 трлн долл. от Китая в счет возмещения вреда, причиненного населению Земли и мировой экономике коронавирусом, родиной которого является Китай [24] (хотя очевидно, что китайское правительство не совершало никаких правонарушений и совершенно не виновно в появлении коронавируса). Учитывая существующий со времен римского права принцип полного и обязательного возмещения причиненного вреда, научное юридическое сообщество должно продолжить поиски процедур и механизмов его возмещения на международном уровне.

Из проведенного исследования можно сделать вывод о том, что единого и универсального решения поставленных проблем не существует, несмотря на выявленное сходство обоих рассмотренных выше случаев (неочевидность субъекта – причинителя вреда). Решения, которые требуется принять мировому сообществу, должны иметь не только правовой аспект (разработка новых международных конвенций), но также носить экономический (создание специальных экологических фондов) и организационный (расширение компетенции международных органов) характер. Отдельно стоит сказать, что решение этих проблем потребует повышения уровня эколого-правовой культуры органов публичной власти, бизнеса и населения.

Список литературы

1. 10 малоизвестных космических аварий, которые привели к столкновению спутников. URL: <https://novate.ru/blogs/140515/31249/> (дата обращения: 02.09.2020).

2. European conference on space debris risks and mitigation. URL: http://www.esa.int/Safety_Security/Space_Debris/European_conference_on_space_debris_risks_and_mitigation (дата обращения: 02.09.2020).
3. *Button M.* Cleaning Up Space : The Madrid Protocol to the Antarctic Treaty as a Model for Regulating Orbital Debris // *William and Mary Environmental Law and Policy Review*. 2013. Vol. 37, iss. 2. P. 539–568.
4. *Адушкин В. В., Аксёнов О. Ю., Вениаминов С. С., Козлов С. И.* Об оценке опасности мелкого космического мусора для космической деятельности и экологии Земли // *Воздушно-космическая сфера*. 2019. № 3. С. 72–81. DOI: 10.30981/2587-7992-2019-100-3-72-81
5. *Davis A. G.* Space Commercialization : The Need to Immediately Renegotiate Treaties Implicating International Environmental Law // *San Diego Journal of Climate & Energy Law*. 2012. Vol. 3. P. 363–392.
6. *Дронь Н. М., Хорольский П. Г., Дубовик Л. Г.* К выбору маневра мусорособирающего космического аппарата на этапе очистки околоземного пространства от мелкого космического мусора // *Вестник двигателестроения*. 2013. № 1. С. 7–13.
7. *Казаков Р. Р., Мингалиев Э. Р.* Анализ влияния космического мусора на безопасность космических полетов (Обзор) // *Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России*. 2015. № 3. С. 77–87.
8. *Морозов И. Д.* Правовая сторона проблемы космического мусора // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2015. Т. 2, № 11. С. 468–470.
9. *Грачева М. А.* Вопросы юридического определения космического мусора // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2013. Т. 2, № 9. С. 286–288.
10. *Черных И. А.* Международно-правовые аспекты обеспечения устойчивости космической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 257 с.
11. *Мохаммад С. А.* Международно-правовые аспекты борьбы с негативными экологическими последствиями космической деятельности // *Евразийский юридический журнал*. 2010. № 7 (26). С. 115–119.
12. *Валеев Д. А.* К вопросу об ответственности за вред, причиненный космическим мусором // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 4. С. 119–122.
13. *Webster K.* What might we say about a circular economy? Some temptations to avoid if possible // *World Futures*. 2013. Vol. 69. P. 542–554.
14. *Mottier C.* One Giant Heap for Mankind : The Need for National Legislation or Agency Action to Regulate Private Sector Contributions to Orbital Debris // *Pace Environmental Law Review*. 2014. Vol. 31, iss. 3. P. 857–881.
15. *Данилова Л. В., Бабаева А. А.* Ответственность за засорение околоземного космического пространства // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. 2014. Т. 2, № 10. С. 267–268.
16. *Doney S. C.* Climate Change Impacts on Marine Ecosystems // *Annual Review of Marine Science*. 2012. Vol. 4. P. 11–37.
17. *Патин С. А.* Антропогенное воздействие на морские экосистемы и биоресурсы : источники, последствия, проблемы // *Труды ВНИРО*. 2015. Т. 154. С. 85–104.
18. *Майсс А. А., Блиновская Я. Ю., Высоцкая М. В.* Потерянные орудия лова : оценка, экологические последствия и пути решения // *Успехи современного естествознания*. 2018. № 11. С. 185–190.
19. *Кориенко Е. А., Гаффорова Е. Б., Кориенко А. И.* Развитие экологического предпринимательства в области использования морских отходов // *Национальные интересы : приоритеты и безопасность*. 2016. Т. 12, № 3. С. 59–66.
20. *Багрова Л. А., Пасынков А. А., Позаченюк Е. А., Швец А. Б.* Черное море в эпоху глобальных вызовов // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2013. Т. 9, № 2-1. С. 102–114.
21. *Валиуллина К. Б.* Международно-правовое регулирование и контроль в сфере внедрения чужеродных водных организмов и патогенов в результате сброса судовой балластной воды // *Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки*. 2016. Т. 158, № 2. С. 545–553.
22. *Ежова Т. Г.* Международно-правовая защита Балтийского моря от загрязнения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 32 с.
23. *Tharpes Y. L.* International Environmental Law : Turning the Tide on Marine Pollution // *University of Miami Inter-American Law Review*. 1989. Vol. 20. P. 579–614.
24. США потребовали от Китая оплатить ущерб от коронавируса всему миру. URL: <https://news.mail.ru/politics/41863255/?frommail=1> (дата обращения: 02.09.2020).

References

1. *10 maloizvestnykh kosmicheskikh avariy, kotorye priveli k stolknoveniyu sputnikov* (10 little-known space accidents that led to satellite collisions). Available at: <https://novate.ru/blogs/140515/31249/> (accessed 2 September 2020) (in Russian).
2. European conference on space debris risks and mitigation. Available at: http://www.esa.int/Safety_Security/Space_Debris/European_conference_on_space_debris_risks_and_mitigation (accessed 2 September 2020) (in Germany).
3. *Button M.* Cleaning Up Space: The Madrid Protocol to the Antarctic Treaty as a Model for Regulating Orbital Debris. *William and Mary Environmental Law and Policy Review*, 2013, vol. 37, iss. 2, pp. 539–568.
4. *Adushkin V. V., Aksenov O. Y., Veniaminov S. S., Kozlov S. I.* The estimate of the small space debris danger for space activities and near-earth ecology. *Vozdushno-kosmicheskaja sfera* [Aerospace Sphere Journal], 2019, no. 3, pp. 72–81 (in Russian). DOI: 10.30981/2587-7992-2019-100-3-72-81
5. *Davis A. G.* Space Commercialization: The Need to Immediately Renegotiate Treaties Implicating International Environmental Law. *San Diego Journal of Climate & Energy Law*, 2012, vol. 3, pp. 363–392.
6. *Dron N. M., Horolsky P. G., Dubovik L. G.* Selection of maneuver of debris scavenging space vehicle at the stage of clearing near-earth space from small space debris. *Vestnik dvigatelestroeniya* [Bulletin of Engine Construction], 2013, no. 1, pp. 7–13 (in Russian).

7. Kazakov R. R., Mingaliev E. R. Analysis of the Impact of Space Debris on the Safety of Space Flights (Review). *Oboronnyi kompleks – nauchno-tehnicheskomu progressu Rossii* [Defense industry achievements – Russian scientific and technical progress], 2015, no. 3, pp. 77–87 (in Russian).
8. Morozov I. D. The legal side of space debris. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2015, vol. 2, no. 11, pp. 468–470 (in Russian).
9. Gracheva M. A. Issues of legal definition of space debris. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2013, vol. 2, no. 9, pp. 286–288 (in Russian).
10. Chernykh I. A. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespecheniya ustoychivosti kosmicheskoi deiatel'nosti* [International legal aspects of ensuring the stability of space activities]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2018, 257 p. (in Russian).
11. Mohammad S. A. International legal aspects of combating the negative environmental consequences of outer space activities. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2010, no. 7 (26), pp. 115–119 (in Russian).
12. Valeev D. A. Liability for Damage Caused by Space Debris. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2018, no. 4, pp. 119–122 (in Russian).
13. Webster K. What might we say about a circular economy? Some temptations to avoid if possible. *World Futures*, 2013, vol. 69, pp. 542–554.
14. Mottier C. One Giant Heap for Mankind: The Need for National Legislation or Agency Action to Regulate Private Sector Contributions to Orbital Debris. *Pace Environmental Law Review*, 2014, vol. 31, iss. 3, pp. 857–881.
15. Danilova L. V., Babayeva A. A. Responsibility for clogging near-earth space. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2014, vol. 2, no. 10, pp. 267–268 (in Russian).
16. Doney S. C. Climate Change Impacts on Marine Ecosystems. *Annual Review of Marine Science*, 2012, vol. 4, pp. 11–37.
17. Patin S. A. Anthropogenic Impact on Marine Ecosystems and Living Resources: Sources, Effects, Problems. *Trudy VNIRO* [Proceedings of VNIRO], 2015, vol. 154, pp. 85–104 (in Russian).
18. Mayss A. A., Blinovskaya Ya. Yu., Vysotskaya M. V. The Lost Fishing Gears: Assessment, Ecological Consequences and Solutions. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [Advances in current natural science], 2018, no. 11, pp. 185–190 (in Russian).
19. Korshenko E. A., Gafforova E. B., Korshenko A. I. Development of environmental entrepreneurship in the use of marine waste. *National Interests: Priorities and Security*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 59–66 (in Russian).
20. Bagrova L. A., Pasynkov A. A., Pozachenjuk E. A., Shvets A. B. The Black Sea in the Epoch of Global Challenges. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], 2013, vol. 9, no. 2–1, pp. 102–114 (in Russian).
21. Valiullina K. B. International Legal Regulation and Control in the Sphere of Introduction of Alien Aquatic Organisms and Pathogens as a Result of Discharge of Ship's Ballast Water. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2016, vol. 158, no. 2, pp. 545–553 (in Russian).
22. Ezhova T. G. *Mezhdunarodno-pravovaia zashchita Baltijskogo moija ot zagijazneniya* [International legal protection of the Baltic sea from pollution]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2014. 32 p. (in Russian).
23. Tharpes Y. L. International Environmental Law: Turning the Tide on Marine Pollution. *University of Miami Inter-American Law Review*, 1989, vol. 20, pp. 579–614.
24. *SShA potrebovali ot Kitaia oplatit' usherb ot koronavirusa vsemu miru* (The US demanded that China pay for damage from the coronavirus around the world). Available at: <https://news.mail.ru/politics/41863255/?frommail=1> (accessed 2 September 2020) (in Russian).

Поступила в редакцию 09.09.2020, после рецензирования 16.09.2020, принята к публикации 21.09.2020
Received 09.09.2020, revised 16.09.2020, accepted 21.09.2020

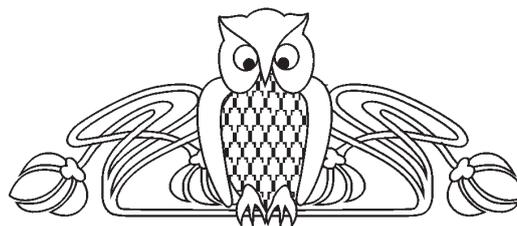
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 63–72
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 63–72

Научная статья

УДК 342.4

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-63-72>

«Хрущевская конституция»: путь нового конституционализма

А. Г. Гатауллин¹, Д. Р. Зайнутдинов²✉

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

²Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Россия, 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

Гатауллин Анас Газизович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, anas6140@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1678-5327>

Зайнутдинов Динар Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, knight_1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0836-8769>

Аннотация. Введение. Научные исследования, посвященные процессу подготовки и разработки проекта Конституции СССР 1964 года, стали появляться только в постсоветский период. В советское же время данная тематика была под запретом, а сам проект, находясь в архиве, был недоступен для исследования. Изучение «Хрущевской конституции» началось только в постсоветский период. Так как проведенные в последнее десятилетие конституционные реформы (2008, 2014, 2020 гг.) вызвали бурную дискуссию в научной среде, то исследование проекта Конституции СССР 1964 г. приобретает новую актуальность, позволяя взглянуть на процесс развития отечественного конституционализма всеобъемлюще. **Теоретический анализ.** Изучение исторического пути развития российского конституционализма дает возможность получения нового теоретического материала для его применения в дальнейшей практике государственного строительства. Целью публикации является обобщение опыта конституционного проектирования периода «оттепели». Задачами исследования были следующие: выявление причины, вызвавшей необходимость разработки нового Основного закона; определение отношения советского общества к институту президентства; анализ содержания проекта Конституции СССР 1964 г. **Эмпирический анализ.** Завершение эпохи сталинизма и начало периода «оттепели» требовали концептуального пересмотра основ конституционного строя Советского государства. В период правления Н. С. Хрущева обозначились четкие тенденции к децентрализации управления экономикой и государственного управления, стал актуальным возврат к идее «социалистической законности». Для решения этих задач требовалось создание соответствующей законодательной базы, которая должна была исходить из Основного закона страны. Однако существовавшая Конституция СССР 1936 г. не могла стать опорой для проведения широкой либерализации государственно-партийной системы. В результате запросов новой эпохи возникла идея принятия нового Основного закона, получившего название «Хрущевская конституция». **Результаты.** Рассмотрение в настоящей статье развития советского конституционализма в период правления Н. С. Хрущева позволило сделать вывод о значительном вкладе проекта Конституции СССР 1964 г. в формирование конституционного облика Советского государства вплоть до его развала. Также содержание «Хрущевской конституции» позволяет подчеркнуть ее намного больший демократический потенциал в отличие от Конституций СССР 1936 и 1977 г.

Ключевые слова: проект Конституции СССР 1964 г., Н. С. Хрущев, президентализм, сильная власть, система сдержек и противовесов

Для цитирования: Гатауллин А. Г., Зайнутдинов Д. Р. «Хрущевская конституция»: путь нового конституционализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 63–72. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-63-72>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-63-72>

“Khrushchev Constitution”: The path of a new constitutionalism

Anas G. Gataullin¹, anas6140@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1678-5327>

Dinar R. Zaynutdinov²✉, knight_1988@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0836-8769>

¹Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

²Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), 42 Moskovskaya St., Kazan 420111, Russia

Abstract. Introduction. Scientific research on the process of preparing and developing the draft Constitution of the USSR in 1964 began to appear only in the post-Soviet period. In Soviet times, this topic was banned, and the project itself, being in the archive, was not available for research. The study of the “Khrushchev Constitution” only started in the post-Soviet period. Since the constitutional reforms carried out

in the last decade (2008, 2014, 2020) caused a heated discussion in the scientific community, the study of the draft Constitution of the USSR in 1964 is gaining new relevance, allowing us to look at the process of development of domestic constitutionalism more comprehensively.

Theoretical analysis. The study on the development of Russian constitutionalism results in new theoretical material that can be used in Russian state building. The purpose of the publication is to summarize the experience of constitutional design of the Khrushchev Thaw period. The tasks of the research: finding the reasons for the emergence of a new need to develop the Basic Law; defining the attitude of Soviet society to the institution of the presidency; analyzing the content of the draft Constitution of the USSR in 1964. **Empirical analysis.** The end of the era of Stalinism and the beginning of the Khrushchev Thaw period required a conceptual revision of the foundations of the constitutional order in the Soviet state. During the reign of N. S. Khrushchev, there were clear trends towards decentralizing economic management and public administration, and a return to the idea of "socialist legality" became relevant. To solve these problems, the creation of an appropriate legislative base was required, which was supposed to proceed from the Basic Law of the country. However, the existing Constitution of the USSR in 1936 could not provide support for a broad liberalization of the state-party system. As a result of the challenges of the new era, the idea of adopting a new Basic law, called the "Khrushchev Constitution", arose. **Results.** This article examines the development of Soviet constitutionalism during the reign of N. S. Khrushchev and concludes that the draft Constitution of the USSR of 1964 made a significant contribution to the formation of the constitutional image of the Soviet state until its collapse. In addition, the content of the "Khrushchev Constitution" allows us to emphasize its much greater democratic potential, in contrast to the USSR Constitutions of 1936 and 1977.

Keywords: draft Constitution of the USSR of 1964, N. S. Khrushchev, presidentialism, strong power, checks and balances

For citation: Gataullin A. G., Zaynutdinov D. R. "Khrushchev Constitution": The path of a new constitutionalism. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 63–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-63-72>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. знаменовала новый этап борьбы за власть в партийных кругах, хотя этот этап был весьма скоротечен и прошел практически бескровно. В этот же день Председателем Совета Министров СССР был назначен Г. М. Маленков (1902–1988 гг.), а 7 сентября 1953 г. Н. С. Хрущев (1894–1971 гг.) был избран Первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. На ключевых постах Советского государства оказались два крупных лидера, имевшие определенные различия в воззрениях на дальнейшее развитие СССР. Так, фактически в КПСС стало формироваться два лагеря: консервативный (сталинисты) и либеральный.

На XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.) Н. С. Хрущевым был прочитан «секретный доклад», посвященный анализу такого феномена, как «культ личности» [1]. В своем «секретном докладе» Н. С. Хрущев проанализировал основные черты предшествующего политического периода, подверг осуждению массовые репрессии 1930–1940-х гг. и культ личности И. В. Сталина, наметил пути для оздоровления политической системы, демократизации партии и советского общества. Таким образом, обозначились четкие тенденции к децентрализации управления экономикой и государственного управления, стал актуальным возврат к идее «социалистической законности», обозначилась практика реабилитации и др. Все эти тенденции нашли отражение в решениях XX съезда КПСС. 30 июня 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» [2].

Произошедшие события в разных регионах страны, а также в странах-союзниках, связанные с разоблачением культа личности, привели к усилению консервативных (сталинистских) групп в руководстве СССР. С. С. Згоржельская пишет: «К осени 1956 г. произошла поляризация общества. Политическое расслоение общества затронуло все его слои. С одной стороны, определились сторонники демократизации политического строя, поддерживающие проведение в жизнь нового курса, объявленного Н. С. Хрущевым на XX съезде. ... С другой стороны, им противостояли противники преобразований. В большинстве своем они связывали проведение в жизнь любых демократических инициатив с оскорблением памяти и авторитета покойного И. В. Сталина, создавшего определенную политику. Участники этого блока придерживались весьма консервативных взглядов относительно самой возможности демократических преобразований общественно-политических отношений» [3, с. 41–42]. В результате в июне 1957 г. в ходе продолжавшегося четыре дня заседания Президиума ЦК КПСС было принято решение об освобождении Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС. Однако Н. С. Хрущеву при поддержке Г. К. Жукова и ряда других деятелей удалось передать обсуждение этого вопроса на июньский пленум ЦК КПСС (22–29 июня 1957 г.), на котором представители консервативно-либерального лагеря (В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, Д. Т. Шепилов) были заклеены как «антипартийная группа» и выведены из состава ЦК КПСС.

27 марта 1958 г. Н. С. Хрущев, являясь Первым секретарем ЦК КПСС, одновременно занял

должность Председателя Совета Министров СССР. Началась полноценная хрущевская эпоха, которая нуждалась в юридическом оформлении.

Теоретический анализ

Нельзя не заметить, что в учебной литературе послесталинского периода (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) описание Конституции Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. дается вскользь, и в основном говорится о внесенных в нее изменениях. Например, в учебном пособии «Основы советского государственного строительства и права» Конституции СССР 1936 г. уделено меньше двух страниц [4, с. 119]. Однако Конституция СССР 1936 г., при всех вносимых в нее изменениях, все же являлась «Сталинской конституцией» и ничем другим. Начать либерализацию советской общественно-политической системы по такой конституции было невозможно. Прежде всего, требовалось на законодательном уровне отгородиться от эпохи сталинизма. Поэтому единственно верным решением было начать подготовку нового Основного закона страны.

Для правления каждого советского «вождя» было характерно наличие «собственной» конституции, отражающей выстроенную им модель управления. Для В. И. Ленина – это Конституция РСФСР 1918 г., для И. В. Сталина – Конституция СССР 1936 г. Н. С. Хрущев тоже очень хотел иметь «свою» конституцию. «Персональная конституция» всегда закрепляет победу конкретного лидера, юридически оформляет его видение «сильной власти». Как ни парадоксально, в Советской России Основной закон играл роль не высшего юридического акта, гарантирующего права и свободы граждан, а политико-идеологического документа, узаконивавшего власть того или иного вождя, его команды и «нового» курса. Отсюда и названия самих конституций – «Ленинская», «Ленинско-Сталинская», «Сталинская», «Брежневская». Так, «вопрос о разработке и принятии новой Конституции СССР впервые был поставлен Н. С. Хрущевым на внеочередном XXI съезде КПСС. Затем в материалах XXII съезда партии (1961 г.) этому было дано более полное обоснование» [5, с. 469].

Эмпирический анализ

25 апреля 1962 г. на первой сессии Верховного Совета СССР (23–25 апреля) Н. С. Хрущев выступил с речью о необходимости разработки новой Конституции, сообщив: «Существо изменений, которые произошли в Советском Союзе со времени принятия нынешней Конституции, заключается в том, что социализм одержал в

нашей стране полную и окончательную победу, Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунизма. ... новая Конституция должна быть Конституцией общенародного социалистического государства, Конституцией строящегося коммунизма» [6, с. 131]. Этой же датой Верховный Совет СССР принял постановление «О выработке проекта новой Конституции СССР» и утвердил состав Конституционной комиссии в количестве 97 членов [7].

В состав Конституционной комиссии были включены знаменитые советские правоведы: П. С. Ромашкин, С. Н. Братусь, А. И. Денисов, С. С. Кравчук, А. И. Лепешкин, Н. П. Фарберов, Ф. И. Калинычев, В. Ф. Коток, Б. П. Кравцов, А. А. Лазарев, Н. Г. Старовойтов. Также к разработке Основного закона были привлечены и «неюристы», а именно академики А. А. Арзуманян, Г. П. Францов, главный редактор журнала «Коммунист» В. П. Степанов, профессор МГУ Д. И. Чесноков. «Привлекались и другие специалисты. В таком составе группа проработала до 1964 года. Профессиональный и творческий уровень этих людей был весьма высок. Что касается настроений и намерений, то в составе группы были разные люди: и резко радикального толка, и консерваторы» [8, с. 94]. Хронологический перечень мероприятий, связанный с разработкой и принятием будущей Конституции СССР 1977 г., помесечно расписал А. И. Лукьянов [9]. В этом перечне представлена и деятельность хрущевской Конституционной комиссии.

26 апреля 1962 г. речь Н. С. Хрущева и состав Конституционной комиссии были растиражированы в главном средстве массовой информации СССР – газете «Правда» [10]. Созданный к осени 1964 г. проект Основного закона [11] получил неофициальное название «Хрущевская конституция». Научные исследования, посвященные рождению идеи, подготовке и разработке «Хрущевской конституции», стали появляться только в постсоветский период [12–15]. В советское же время данная тематика была под запретом, а сам проект недоступен для изучения. Наиболее масштабное, комплексное исследование, посвященное проекту Конституции СССР 1964 г., провела С. С. Згоржельская только 2006 г. [3].

«Хрущевская конституция» оставила яркий след в истории российского конституционализма. Во-первых, она показала наличие либеральных кругов в Коммунистической партии и их стремление к переосмыслению и интеграции буржуазных институтов в советское государство и право (таких как президентализм). Во-вторых, с появлением этого документа стало очевидно, что существующий советский режим не соот-

ветствует ленинским идеалам коммунизма по причине их деформации в период тоталитарного режима. В-третьих, сложившаяся советская правовая модель явно была ниже общемировых демократических стандартов, что весьма сильно било по репутации СССР, претендовавшего на «мировое звание» самого гуманного, справедливого и народного государства. Эти моменты Н. С. Хрущев сформулировал в основных задачах, которые призвана была решить будущая конституция [6, с. 131].

Помимо общих задач либерализации советской политической системы, Н. С. Хрущев фактически поставил перед Конституционной комиссией цель поиска (или даже создания) новой модели государственного управления. Несомненно, в этой «новой» модели в должности главы государства должна была быть воплощена и идея сильной власти. При подготовке проекта нового Основного закона в первую очередь встал вопрос о его пригодности для Н. С. Хрущева. В рамках провозглашенного курса на либерализацию советской политической системы Н. С. Хрущев не желал ассоциировать себя с тираном и палачом советского народа. Позже в своих мемуарах он напишет: «Сталин был деспотом, и его воля определяла всю государственную политику» [16, с. 500]. Н. С. Хрущеву хотелось реализовать новую модель государственного управления, отличную от той, которая строилась на страхе, обслуживая тоталитаризм. При этом в данной модели главу государства следовало наделить властью, достаточной для управления государственным механизмом и преобразования политической системы в целом. Так, во второй раз в советской истории возникла идея об интеграции института президентства в систему власти СССР. Следует отметить, что мысль о необходимости трансформации формы правления в СССР у Н. С. Хрущева уже проскользнула в его речи 25 апреля 1962 г. на первой сессии Верховного Совета СССР: «Создавая новую Конституцию, советский народ выступает как первооткрыватель новых форм государственного и общественного устройства, соответствующих периоду развернутого строительства коммунизма» [6, с. 132]. А. В. Пыжиков указывает: «Н. С. Хрущев связывал будущее госстроительства с утверждением модели общенародного государства, в чем он видел преодоление сталинского наследия и возвращение к ленинским истокам» [11, с. 119].

Институт президентства (президентализм) советской правовой доктриной не признавался в качестве демократичной и эффективной модели отправления власти на протяжении семи

десятилетий. Природу этого института советские правоведы определяли как буржуазную, а потому чуждую социалистическому государству. Содержание президентской республики абсолютно подавляющим большинством советских теоретиков права толковалось в отрицательном ключе. Добавление приставки «буржуазный» само за себя говорило об отношении советской юридической науки к президентской республике. Например, в учебном издании 1961 г. указывалось: «Современные буржуазные республики подразделяются на парламентарные (Италия) и президентские (США)» [4, с. 19]. Признать президентализм эффективным инструментом в строительстве демократического режима советские юристы никак не решались. Во многом это связано с тем фактом, что в президентской республике, в сравнении с любыми другими видами и подвидами форм правления, происходит наиболее жесткое разделение властей. Система сдержек и противовесов (*checks and balances*) в президентской республике наилучшим образом обеспечивает баланс власти, взаимное ограничение одной ветвью власти других. «Правительство, министры подчинены только президенту и не несут ответственности перед парламентом, но и президент не может распустить парламент» [17, с. 838]. Тем самым президент в такой республике является не только главой государства, но и главой исполнительной власти, он играет ключевую роль в управлении государством.

Для периода «оттепели» президентализм был весьма привлекателен. Это обуславливалось не только личным стремлением Н. С. Хрущева выделить должность главы государства в системе власти, но и усилением некоторого «западничества», которому придавали динамику мероприятия по либерализации политической системы, частичным признанием общедемократических мировых стандартов в сфере прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности. «Западничество» все чаще отражалось в жизни Советского государства.

Институт президентства также присутствовал в конституциях таких стран с народно-демократической формой правления (по советской классификации), как Чехословацкая Республика, Демократическая Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика [3, с. 74]. Однако в указанных странах должность президента была сильно персонифицирована. Вследствие этого идея сильной власти воплощалась исключительно в полномочиях президента, тогда как остальные высшие государственные органы были подконтрольны и зависели от него. Здесь стоит вспомнить президентов социалистических стран

– Антонина Новотного (Чехословакия) и Хо Ши Мина (Вьетнам), которые являлись главным источником поддержания авторитарных режимов.

В таких условиях интеграция института президентства в советскую систему государственной власти становилась актуальной. Советское научно-юридическое сообщество заново обратилось к идее учреждения поста Президента СССР. С. С. Згоржельская отмечает следующее: «В письмах граждан выдвигались многочисленные предложения об учреждении должности главы государства – Президента СССР. Проект Главы Конституции по данному вопросу был разработан в качестве варианта» [3, с. 141–142]. Тем не менее в процессе длительных дебатов и обсуждений по вопросу соотношения института президентства с советской формой правления (республика советов) вновь возобладала точка зрения об их несоотнесимости. Этим было указано на недопустимость сильного увлечения «западничеством», порождением которого и являлся президентализм. Поэтому постепенно вопрос об учреждении поста Президента СССР сдвигался в сторону его номинальности. В итоге перед разработчиками проекта Конституции СССР 1964 г. не ставилась цель «создания президентской или парламентской республики. Они намеревались ввести в СССР пост Президента, не наделенного особыми полномочиями» [3, с. 142].

Важно отметить, что в значительной части процесс разработки «Хрущевской конституции» строился на идее интеграции или неинтеграции в систему высших органов государственной власти должности Президента СССР и, соответственно, на объеме его полномочий или, иначе говоря, реализации в нем сильной власти. Это обстоятельство обусловило появление двух вариантов проекта Конституции СССР 1964 г. – «летнего» и «осеннего». Главным отличием этих вариантов как раз и является то, что в первом (точнее, в объяснительной записке к «летнему» варианту) присутствует должность Президента СССР, а во втором уже нет. Примечательно, что резко возникнувший в 1961 г. интерес к президентализму постепенно угасал, и к 1964 г. он уже полностью потерял актуальность. В «летнем» варианте Основного закона присутствовала должность «слабого» Президента СССР. То есть уже к лету 1964 г. Н. С. Хрущев и Конституционная комиссия отказались от реализации в должности Президента СССР сильной власти. «Конституционный проект не содержит процедуры смещения Президента СССР с должности. Поскольку сама должность в структуре государственной власти была вторичной и прямые выборы Президента не производились, то для смещения его требо-

вались те же причины, что и для отрешения от должности главы Верховного Народного Совета СССР. <...> Президент был прямо зависим от Верховного Народного Совета. Формально это доказывает, что ... должность Президента являлась номинальной и реальной властью он не обладал» [3, с. 145]. В кругах советских правоведов возобладала позиция о непригодности президентализма для СССР, самой совершенной в социалистической классификации форм правления. По этой причине ни в самом «осеннем» варианте проекта Конституции СССР 1964 г., ни в объяснительной записке к нему «Президент СССР» не упоминается [14, с. 139].

Противоречивое отношение к институту президентства отчасти можно объяснить присутствием хрущевскому правлению волонтаризмом. Поиск новой модели государственного управления, в которой можно было бы сосредоточить сильную единоличную власть, растянулся на несколько лет (1962–1964 гг.). По сути, отказ от президентализма автоматически сделал невозможным реализацию в будущем принципа разделения властей. Должность Президента СССР, при одновременном продолжении либерализации общественно-политической системы, оставляла надежду на то, что в перспективе в советском государстве все же могла начать выстраиваться система «сдержек и противовесов». С. С. Згоржельская указывает следующее: «Фактически перед авторами проекта стояла дилемма: с одной стороны, “в новой Конституции необходимо было провозгласить, что власть в СССР принадлежит народу, и подчеркнуть народный суверенитет”, а с другой – “следовало бы более подробно и ярче определить ... в Конституции роль и особенности Коммунистической партии”. <...> В процессе работы над проектом этот вопрос дискутировался в рамках проблемы расширения прав Советов и придания им новой, равнозначной с партией роли в управлении делами государства» [3, с. 150]. Если бы инициатива Н. С. Хрущева прошла в проект Конституции СССР 1964 г. и проект был бы принят, то нельзя исключать возможности зарождения многопартийности в СССР (возможно, двухпартийная система).

Исследователи солидарны в отношении того, что по проекту Конституции СССР 1964 г. предполагалось повысить роль всех звеньев представительных органов (советов) и суда. Другим словами, авторы «Хрущевской конституции» стремились к созданию некоего баланса между органами законодательной, исполнительной и судебной власти, т. е. выковать собственную систему «сдержек и противовесов». С. С. Згоржельская указывала, что «проект не

закреплял принцип разделения властей, характеризуя Верховный Народный Совет как законодательный, распорядительный и контрольный [орган], однако компетенция высших органов государственной власти сформулирована таким образом, что позволяет достаточно точно определить их статус как исполнительных или законодательных» [3, с. 152]. Аналогичную точку зрения выдвигал и А. В. Пыжиков [11]. На увеличение роли общества в управлении государством были направлены такие институты, как выборы и референдум. Например, с внедрением института референдума общество должно было стать важным субъектом правотворческого процесса. Сам референдум, согласно ст. 140 «Хрущевской конституции», определялся как «всенародное голосование по проектам важнейших законов». Механизм проведения референдума в «Хрущевской конституции» был сформулирован до мелочей (ст. 144–145 проекта Конституции). В соответствии со ст. 166 проекта Конституции СССР 1964 г. при отсутствии согласного решения палат (Совета Союза и Совета Национальностей) по конкретному вопросу Верховный Народный Совет СССР должен был выносить решение данного вопроса на референдум. Более того, как указывает А. Л. Земцов, «Хрущев считал необходимым оформить принятие новой Конституции через всенародный референдум, не ограничиваясь ее одобрением Верховным Советом СССР» [18, с. 40].

Процессу либерализации была подвергнута и судебная система. В проекте Конституции СССР 1964 г., в целях усиления защиты граждан от беззакония, предполагалось укрепить независимость судей. В ст. 240 проекта сразу подчеркивалось, что правосудие в СССР осуществляется исключительно судами. Устанавливалось, что никто не может вмешиваться в деятельность судов при разрешении ими судебных дел (ст. 244). В ст. 245 проекта провозглашался принцип открытости судебного разбирательства. Более того, согласно ст. 243 проекта, дела во всех судах должны были рассматриваться коллегиально, с участием народных заседателей. Особое значение «Хрущевская конституция» отводила принципу выборности судей. В соответствии со ст. 248 проекта все суды в СССР образовывались на началах выборности судей и народных заседателей и их отчетности перед народными собраниями или Народными Советами, их избравшими. Также Народные собрания и соответствующие Народные Советы были наделены правом досрочный отзыв судей и народных заседателей. Непосредственно Верховный Суд СССР избирался Верховным Народным Советом СССР

сроком на четыре года (ст. 249 проекта). «Ряд новых конституционных норм демонстрировали стремление укрепить в существующем политическом режиме начала законности, предотвратить возможность массового произвола и унижения личности» [15, с. 114]. В одном из вариантов проекта Конституции СССР 1964 г. предполагалось создание Конституционного суда, в состав которого должны были входить Председатель Верховного Народного Совета Союза ССР и председатели Верховных Народных Советов всех республик [3, с. 158]. И. Л. Данилевская справедливо отмечает, что значение проекта Конституции СССР 1964 г. достаточно велико в той части, что при его разработке был дан импульс для формирования института конституционного контроля [15, с. 114]. Дальнейшие хрущевские реформы во многом способствовали более самостоятельному развитию судебной системы.

Основная идея проекта Конституции СССР 1964 г. была проста, она, как считает Г. Л. Смирнов, шла от самого Хрущева и заключалась в том, чтобы «создать прочные гарантии от злоупотребления властью, закрепить нормы, препятствующие проявлению культа личности, нарушению демократических принципов и законов. В частности, имелось в виду конституционно ограничить сроки пребывания на должностях руководителей высокого ранга» [8, с. 96]. Сменяемость власти была отличительной особенностью периода «оттепели», а потому ее конституционное закрепление должно было сыграть важную роль в развитии Советского государства.

В целом стремление Н. С. Хрущева реализовать идею сильной власти в трех ветвях, несмотря на отрицание принципа разделения властей советской правовой наукой, вызвало резкую реакцию со стороны партийной номенклатуры – сталинистов и «тихих» консерваторов [8, с. 99].

Весьма интересна оценка в одной из научных статей 1962 г., которая давалась инициативе принятия нового Основного закона СССР: «Новая Конституция общенародного государства отразит, таким образом, одну из особенностей его развития, которая состоит в том, что главным направлением в развитии социалистической государственности в период строительства коммунизма является всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, активное участие всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью» [19, с. 10]. Конституция СССР 1964 г. должна была

вобрать в себя максимальное количество социалистических идей, появившихся в период работы Конституционной комиссии. Однако в итоге это стало недостатком проекта. «Хрущевская конституция» была перегружена «теоретической схоластикой и декларативными положениями, имеющими, скорее, пропагандистское, нежели юридическое значение» [18, с. 40].

В отношении создателей проекта Конституции СССР 1964 г. С. А. Байбаков пишет: «Составители руководствовались романтическими и утопическими программными установками, неизжитыми теоретическими и идеологическими догмами, с одной стороны, а с другой – стремлением к трезвой реалистической оценке сложившейся в СССР ситуации и искренним желанием улучшить советскую политическую систему, чтобы полностью реализовать, как было принято в то время считать, имманентно присущий ей демократизм» [14, с. 129]. Однако при отсутствии реального опыта функционирования институтов демократии многие попытки либерализации политической системы и стремления вовлечь советское общество в управление делами государства приводили к использованию методов волюнтаризма, которые только подрывали авторитет реформаторов и усиливали консервативные круги.

В дальнейшем Н. С. Хрущев понял, что в нынешних условиях интеграция института президентства в республику советов невозможна, так как возникает столкновение двух форм правления. Общество не готово было принять модель демократического государственного управления вследствие того, что после трех десятилетий тоталитаризма оно просто не понимало, для чего необходимо участие в делах государства, когда существуют «вождь» и партия. По этому поводу в своих мемуарах Н. С. Хрущев указывал: «Только рабам, которые не могут подняться с колен и взглянуть дальше головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал бы за них, все организовывал за них, на кого можно свалить в случае несчастья вину и кому можно приписать при удаче успехи. Это рабская психология» [16, с. 236–237]. Поэтому и отдаленные перспективы создания президентской республики обществом воспринимались настороженно. Общество в период «оттепели» «было незрелым, далеко не преодолевшим наследие самой зверской фазы сталинизма – страха, нерассуждающей веры, деморализации, пассивности. Шок от прозвучавших разоблачений был сильным, но кратковременным» [20, с. 44]. Более узнаваемым для советского общества был вождизм, где лидер партии обладал реальной государственной властью, всей ее полнотой. В итоге реформаторы

1960-х гг. во главе с Н. С. Хрущевым вынуждены были выбрать иную модель государственного управления, в большей степени отвечающей форме правления СССР и мировоззрению советских граждан, в которой отсутствует разделение властей, партийный аппарат сросен с государственной властью, а лидер КПСС, являясь реальным главой государства, всецело воплощает в себе сильную власть.

«Осенний» вариант проекта Конституции СССР 1964 г. – это последний, окончательный образ «Хрущевской конституции». В «осеннем» варианте проекта Основного закона идея сильной власти воплощается в Председателе Президиума Верховного Народного Совета. Центр власти был перемещен из условно исполнительного (Совета Министров СССР) в условно законодательный орган власти (Президиум Верховного Народного Совета). В результате Н. С. Хрущев должен был совмещать пост Первого секретаря ЦК КПСС с должностью Председателя Президиума Верховного Народного Совета (ранее он совмещал ее с должностью Председателя Совета Министров СССР). Иначе говоря, персонифицированная сильная власть автоматически перемещалась вместе с Н. С. Хрущевым в законодательный орган власти. Согласно ст. 185 проекта Конституции СССР 1964 г., Председатель Президиума Верховного Народного Совета СССР имел широкие полномочия.

Несмотря на то что полномочия Председателя Президиума Верховного Народного Совета СССР были изложены весьма сжато, тем не менее, как отмечает С. С. Згоржельская, «в проекте Конституции СССР 1964 г. впервые изложены полномочия Председателя Президиума Верховного Народного Совета, которые он выполняет единолично» [3, с. 141]. До этого в Конституции СССР 1936 г. полномочия Председателя Президиума Верховного Совета СССР не расписывались, а сами лица, занимавшие эту должность, играли роль второстепенных государственных деятелей. В «Хрущевской конституции» роль Председателя Президиума изменилась. Он призван был выполнять функции главы государства, а потому в этой должности и должна была воплощаться идея сильной власти. Эта идея в полной мере переключалась в Конституцию СССР 1977 г., в соответствии с которой Л. И. Брежнев занял должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР (1977–1982 гг.).

Тем не менее выбранная Н. С. Хрущевым модель управления выводила реального главу государства за конституционные скобки. Возглавляя Президиум Верховного Народного Совета СССР, Н. С. Хрущев параллельно оста-

вался лидером партии – Первым секретарем ЦК КПСС. Осталась неизменной модель совмещения высшего партийного поста и должности главы государства. В своих воспоминаниях Н. С. Хрущев писал: «Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, не угодных с точки зрения руководства. ... Опасались, что руководство не сумеет справиться со своими функциями и направлять процесс изменений по такому руслу, чтобы оно оставалось советским» [16, с. 507]. В то же время совмещение партийного поста и государственной должности обеспечивало контроль за развитием идеологического курса СССР, который должен был строго следовать «дорогой к коммунизму». С учетом социалистического романтизма, присущего воззрениям Н. С. Хрущева, идеологическим основам в проекте Конституции СССР 1964 г. придавалось весьма существенное значение. Так, А. Н. Медушевский отмечает: «В целом структура Конституции 1964 года отражает приоритет идеологии (Третья Программа КПСС) над правом, стремление представить коммунизм как юридическую реальность, конституционно зафиксировать его основные параметры на переходный период» [21, с. 147]. Чрезмерно идеологизированный характер «Хрущевской конституции» подтверждает весьма объемная преамбула. Нельзя не согласиться и с тем, что «главная особенность несостоявшейся Конституции 1964 года заключается в стремлении юридически оформить и кодифицировать идеологические изменения периода “оттепели”» [21, с. 152]. Идеология существенно подрывала заложенные в «Хрущевской конституции» демократические начала, и в особенности концептуально ценностные идеи о «свободной воле народа» и о «народе как единственном источнике власти». Также никак не увязывалась с демократизмом и заранее определенная цель «построения коммунизма».

Результаты

Процесс либерализации политической системы требовал достаточно длительного времени. Для его проведения нужно было блокировать сторонников сталинизма и ослабить консервативные круги. Н.С. Хрущев не стал делать этого по той причине, что подобные действия были возможны только путем жестких репрессий, что было для него неприемлемо. «Дальнейшее развитие – продолжение реформ или откат от них – зависит от множества обстоятельств, но первые импульсы должны прийти с верхушки властной пирамиды, точнее, учитывая величайшую концентрацию власти в этой системе, – от лидера. Хрущев был если не единственной, то

безусловно главной моторной силой начавшихся перемен» [20, с. 41]. Поэтому с отстранением Н. С. Хрущева от власти процесс либерализации советского государства резко оборвался.

Конечно, политика Н. С. Хрущева оказалась далеко не идеальной, вследствие чего было совершено немало ошибок. «Непоследовательность, колебания, недостаточную осведомленность, да и просто недостаток образования Хрущева умело использовали консервативные круги в партийном и государственном аппарате» [22, с. 219]. К 1964 г. реальная власть Н. С. Хрущева существенно ослабла, поэтому говорить о том, что «сильная власть» в завершающий период «оттепели» приобрела ярко выраженный жесткий персонифицированный характер, никак нельзя. Принятие нового Основного закона вряд ли изменило бы ситуацию. Усиливая либеральную динамику, Н. С. Хрущев настроил против себя не только партийно-бюрократическую элиту, но и общество в целом. Стремясь скачками преодолеть отставание СССР по целому ряду параметров от западных стран, интегрируя институты прямой демократии и прочие общепризнанные правовые ценности, он часто игнорировал тот аспект, что само общество еще не отвыкло от вождизма и не готово было самостоятельно управлять государством.

Смещение Н. С. Хрущева 14 октября 1964 г. знаменовало конец «оттепели» и начало эпохи «развитого социализма». Новый период означал глобальных государственно-правовых и общественно-политических преобразований. «Хрущевский волюнтаризм» был сменен «брежневской стабильностью», и курс правовой политики был изменен в сторону усиления консервативных начал. «Под видом борьбы с волюнтаризмом началось сворачивание либеральных подходов прежнего руководства. Постепенно и исподволь в литературе, публицистике, кинематографе вновь стала набирать позиции “выдающаяся роль” Сталина в социалистическом строительстве и Великой Отечественной войне. После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. в средствах массовой информации постепенно перестали звучать темы попрания законности в период культа личности, лагерей и жертв репрессий» [23, с. 40]. С возвращением восхваления сталинизма восстанавливались прежние механизмы и методы управления: централизация государственной власти, рост милитаризма, бюрократизм и несменяемость кадров, увеличение роли органов внутренней безопасности, использование психиатрии в репрессивных целях. Также вернулась и идея воплощения «сильной власти» в новом вожде – Л. И. Брежнев.

Однако, несмотря на смещение Н. С. Хрущева, подготовка новой Конституции СССР не остановилась, хотя и значительно сбавила активность. «В ходе подготовки проекта рассматриваемого документа были периоды всплесков деятельности его творцов – в 1962–1964, 1968–1972, 1973–1974 и в марте–мае 1977 гг. Имели место и длительные перерывы в их работе – с осени 1964 до лета 1968 г., с апреля 1974 до 1977 гг. Они неравномерно отражены в доступных в настоящее время источниках: лучше всего представлен первый из них, хуже – второй и совсем слабо – третий и четвертый этапы» [14, с. 130]. Работа Конституционной комиссии в период Н. С. Хрущева имела более четкие ориентиры, чем при Л. И. Брежневем. Нельзя сказать, что длительный период разработки Конституции СССР 1977 г. сделал ее неким совершенным, качественным документом. Основной закон был рожден в противоречиях – правящие круги, с одной стороны, прекрасно понимали необходимость демократизировать государственную и общественно-политическую систему, с другой – хотели сохранить в неприкосновенности идеологическую основу и вертикаль власти. Идея сильной власти в Конституции СССР 1977 г. была в значительно большей степени сконцентрирована в личной власти самого Л. И. Брежнева, чем в хрущевском персонифицизме. В целом же общий анализ «Хрущевской конституции» позволяет сделать вывод о том, что она отличалась намного большим демократизмом как от «Сталинской», так и от «Брежневской» конституций.

Список литературы

1. Диктатура КПСС. Режим политических провокаторов и массовых убийц. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС (Сокращенный текст). Берлин : Издание Центрального Объединения Политических Эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1958. 52 с.
2. Постановление Центрального Комитета КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года // Правда коммунизма. 1956. 4 июля.
3. Згоржельская С. С. Концепция общенародного государства в проекте Конституции СССР 1964 г. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 211 с.
4. Основы советского государственного строительства и права : учеб. пособие. М. : Изд-во ВПШ и АНО при ЦК КПСС, 1961. 542 с.
5. История государства и права России : учебник / под ред. Ю. П. Титова. М. : ООО «ТК Велби», 2003. 544 с.
6. Речь Н. С. Хрущева «О выработке проекта новой Конституции СССР» // Заседания Верховного Совета СССР 6-го созыва, первая сессия (23–25 апреля 1962 г.) : стенографический отчет. М. : Изд-е ВС СССР, 1962. С. 130–132.
7. Постановление Верховного Совета СССР «О выработке проекта новой Конституции СССР» // Заседания Верховного Совета СССР 6-го созыва, первая сессия (23–25 апреля 1962 г.) : стенографический отчет. М. : Изд-е ВС СССР, 1962. С. 166–167.
8. Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М. : РОССПЭН, 1997. 303 с.
9. Лукьянов А. И. Хронологический перечень мероприятий, связанных с разработкой и принятием Конституции СССР 1977 года. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Правда. 1962. 26 апр.
11. Проект Конституции СССР 1964 года // Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель» : 1953–1944. М. : Олма-Пресс, 2002. С. 398–458.
12. Пыжиков А. В. Неосуществленный конституционный проект // Чиновник. 1999. № 3 (6). С. 43–54.
13. Смирнова К. С. Статус местных Советов по проекту «Хрущевской» конституции СССР 1964 года // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 24–26.
14. Байбаков С. А. Современные представления о разработке проекта третьей Конституции СССР (1977 г.) : по новым архивным материалам // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. 2012. № 5. С. 128–149.
15. Данилевская И. Л. О статусе судебных органов (по проекту Конституции СССР 1964 г.) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 111–116. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.111-116
16. Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М. : Вагриус, 1997. 511 с.
17. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юристь, 2001. 1272 с.
18. Земцов А. Л. Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 22 (104). С. 38–45. DOI: 10.20861/2304-2338-2017-104-003
19. Важный этап в развитии социалистической демократии // Советское государство и право. 1962. № 6. С. 3–14.
20. Шейнис В. Л. XX съезд КПСС и перестройка : две попытки преобразования советского общества // Горбачевские чтения. Вып. 4 : XX съезд и доклад Н. С. Хрущева «о культе личности» в российской истории : к 50-летию XX съезда КПСС. От Фултона до Мальты : как началась и закончилась холодная война. М. : Горбачев-Фонд, 2006. С. 35–48.
21. Медушевский А. Н. Коммунизм как социальная утопия и юридическая фикция : проект конституции периода «оттепели» (1961–1964) // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94). С. 144–154.
22. Медведев Р. А. Хрущев. Политическая биография. М. : Книга, 1990. 286 с.
23. Лушин А. И. Консерватизм в государственной политике и эволюция правозащитного движения в СССР в середине 1960-х гг. // Управленческое консультирование. 2012. № 2 (46). С. 39–47.

References

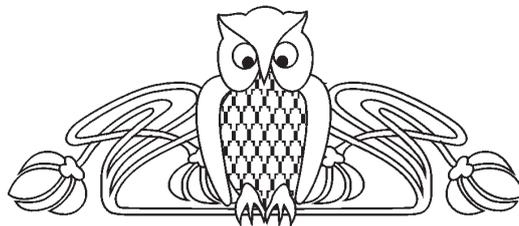
1. *Diktatura KPSS. Rezhim politicheskikh provokatorov i massovykh ubiyts. Doklad Khrushcheva na zakrytom zasedanii XX s#ezda KPSS (Sokraschennyi tekst)* [The dictatorship of the CPSU. The regime of political provocateurs and mass murderers. Khrushchev's report at a closed session of the XX Congress of the CPSU (Abridged text)]. Berlin, Izdanie Tsentral'nogo Ob#edineniya Politicheskikh Emigrantov iz SSSR (TsOPE), 1958. 52 p. (in Russian).
2. Resolution of the Central Committee of the CPSU "On overcoming the personality cult and its consequences" of June 30, 1956. *Pravda kommunizma* [The Truth of Communism], 1956, 4 July (in Russian).
3. *Zgorzhel'skaja S. S. Kontsepsiya obschenarodnogo gosudarstva v proekte Konstitutsii SSSR 1964 g.* [The Concept of a State of the Whole People in the Draft Constitution of the USSR in 1964]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2006. 211 p. (in Russian).
4. *Osnovy sovetskogo gosudarstvennogo stroitel'stva i prava* [Fundamentals of Soviet State Building and Law]. Moscow, Izd-vo VPSH i ANO pri CK KPSS, 1961. 542 p. (in Russian).
5. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii*. Pod red. Yu. P. Titova [Yu. P. Titov (ed.) History of the State and Law of Russia]. Moscow, Velbi Publ., 2003. 544 p. (in Russian).
6. N. S. Khrushchev "On the development of a draft of the new Constitution of the USSR". In: *Zasedaniya Verhovnogo Soveta SSSR 6-go sozyva, pervaya sessiya (23–25 aprelya 1962 g.): stenograficheskiy otchet* [Sessions of the Supreme Soviet of the USSR of the 6th convocation, first session (23–25 April 1962): verbatim record]. Moscow, Izdanie VS SSSR, 1962, pp. 130–132 (in Russian).
7. Resolution of the Supreme Soviet of the USSR "On drafting a new Constitution of the USSR". In: *Zasedaniya Verhovnogo Soveta SSSR 6-go sozyva, pervaya sessiya (23–25 apreya 1962 g.): stenograficheskiy otchet* [Sessions of the Supreme Soviet of the USSR of the 6th convocation, first session (23–25 April 1962): verbatim record]. Moscow, Izdanie VS SSSR, 1962, pp. 166–167 (in Russian).
8. Smirnov G. L. *Uroki minuvshogo* [Lessons from the past]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediya Publ., 1997. 303 p. (in Russian).
9. Luk'janov A. I. *Khronologicheskii perechen' meropriyatii, svyazannykh s razrabotkoy i prinyatiem Konstitutsii SSSR 1977 goda* (Chronological list of activities related to the development and adoption of the 1977 USSR Constitution). ATP «Garant» [electronic resource].
10. *Gazeta «Pravda»* [«Pravda» newspaper], 1962, 26 April (in Russian).
11. Draft Constitution of the USSR 1964. In: Pyzhikov A. V. *Hrushevskaya "otpepel'": 1953–1964* [Khrushchev Thaw: 1953–1964]. Moscow, Olma-Press, 2002, pp. 398–458 (in Russian).
12. Pyzhikov A. V. Unimplemented constitutional project. *Chinovnik* [Official], 1999, no. 3 (6), pp. 43–54 (in Russian).
13. Smirnova K. S. The status of local councils on the draft "Khrushchev" constitution of the USSR in 1964. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA], 2008, no. 1, pp. 24–26 (in Russian).
14. Bajbakov S. A. Modern ideas about the development of the draft of the third Constitution of the USSR (1977): Based on new archival materials. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija* [Moscow University Bulletin. Series 8. History], 2012, no. 5, pp. 128–149 (in Russian).
15. Danilevskaya I. L. Court of Justice Status (On the Constitution of the Ussr in 1964 Project). *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2018, no. 8 (48), pp. 111–116 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2018.48.8.111-116
16. Khrushchev N. S. *Vospominaniya. Izbrannye fragmenty* [Memories. Selected fragments]. Moscow, Vagrius Publ., 1997. 511 p. (in Russian).
17. *Yuridicheskaiia entsiklopediya*. Otв. red. B. N. Topornin [B. N. Topornin (ans. ed.) Legal Encyclopedia]. Moscow, Jurist Publ., 2001. 1272 p. (in Russian).
18. Zemtsov A. L. Constitution of the USSR in 1977. *Problems of Modern Science and Education*, 2017, no. 22 (104), pp. 38–45 (in Russian). DOI: 10.20861/2304-2338-2017-104-003
19. An important stage in the development of socialist democracy. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1962, no. 6, pp. 3–14 (in Russian).
20. Shejnis V. L. XX Congress of the CPSU and Perestroika: Two Attempts to Transform Soviet Society. *Gorbachevskie chteniya. Vyp. 4: XX s#ezd i doklad N. S. Khrushcheva "o kul'te lichnosti" v rossiiskoi istorii: k 50-letiju XX s#ezda KPSS. Ot Fultona do Mal'ty: kak nachalas' i zakonchilas' kholodnaia voina* [Gorbachev's Readings. Issue 4: XX Congress and report by N. S. Khrushchev "on the cult of personality" in Russian history: to the 50th anniversary of the XX Congress of the CPSU. From Fulton to Malta: How the Cold War began and ended]. Moscow, Gorbachev-Fond, 2006, pp. 35–48 (in Russian).
21. Medushevskij A. N. Communism as Social Utopia and Legal Fiction: The Constitutional Project of the Thaw Period (1961–1964). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2013, no. 3 (94), pp. 144–154 (in Russian).
22. Medvedev R. A. *Khrushchev. Politicheskaiia biografiya* [Khrushchev. Political Biography]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 286 p. (in Russian).
23. Lushin A. I. Conservatism in the public policy and evolution of the human rights movement in USSR in 1960th. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2012, no. 2 (46), pp. 39–47 (in Russian).

Поступила в редакцию 17.10.2020, после рецензирования 28.10.2020, принята к публикации 04.11.2020
Received 17.10.2020, revised 28.10.2020, accepted 04.11.2020

Научная статья
УДК 342.727
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-73-82>

Социальные медиа в конституционно-правовом пространстве России и Германии

М. А. Липчанская^{1,2✉}, С. А. Привалов³

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Государственный университет управления, Россия, 109542, Москва, Рязанский просп., д. 99

³Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Липчанская Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права, lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Привалов Сергей Александрович, преподаватель кафедры конституционного права, priwalow18@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6894-7722>

Аннотация. Введение. Статья посвящена конституционно-правовому регулированию социальных медиа в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии. Установлена высокая роль социальных медиа в процессе формирования общественного мнения в условиях создания и развития демократического государства и гражданского общества. Авторами осуществлен комплексный анализ российского и немецкого законодательства в исследуемой сфере; выделены специфические черты правового регулирования социальных медиа в России и Германии. **Теоретический анализ.** Социальные медиа являются одним из ключевых субъектов, оказывающих влияние на формирование общественного мнения. Однако современное законодательство Российской Федерации весьма поверхностно регулирует правовой статус данного медийного института. В свою очередь, Федеративная Республика Германия имеет большой опыт правового регулирования социальных медиа. Основываясь на определенной близости государственно-правовых механизмов России и Германии, а также высоком уровне развития демократических институтов последней, авторами проведен анализ статуса социальных медиа в конституционно-правовом пространстве данных стран в целях изучения возможности адаптации немецкого опыта для совершенствования российского законодательства. **Эмпирический анализ.** Высокая степень влияния социальных медиа на общественное мнение обусловлена рядом характерных специфик их создания и функционирования: стихийный характер создания контента, высокая скорость распространения информации, минимальный уровень внешнего воздействия, легкоусвояемый характер сведений. В совокупности указанные характеристики данного института существенно осложняют осуществление в отношении них правового регулирования, действенного и эффективного на практике, что также обуславливает проведение исследования. **Результаты.** Изучены общие и специфические черты законодательного регулирования социальных медиа в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии; на основе полученного опыта, с учетом действующего в России конституционно-правового регулирования выдвинуты предложения по совершенствованию российской законодательной системы в сфере социальных медиа. На основе анализа сложившейся системы законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германии, регулирующей отношения в сфере производства и распространения массовой информации, сделан вывод о наличии существенных проблем правового регулирования по данному вопросу. Установлено, что российское законодательство о средствах массовой информации в принципе исключает социальные медиа из предмета своего регулирования, если они не были зарегистрированы в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации. Установлено, что законодательство ФРГ о социальных медиа также имеет определенные недостатки, однако оно более совершенно, чем российское. На основе проведенного исследования предлагается принятие в России федерального закона о социальных медиа с адаптацией немецкого опыта к российской системе. В частности, предлагается осуществление администрацией социальных медиа совместного мониторинга с государством за созданием и распространением массовой информации.

Ключевые слова: социальные медиа, свобода массовой информации, средства массовой информации

Для цитирования: Липчанская М. А., Привалов С. А. Социальные медиа в конституционно-правовом пространстве России и Германии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 73–82. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-73-82>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-73-82>

Social media in the context of Russian and German Constitutional Law

Maria A. Lipchanskaya^{1,2} ✉, lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Sergej A. Privalov³, priwalow18@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6894-7722>

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²State University of Management, 99 Ryazan Ave., Moscow 109542, Russia

³Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Abstract. Introduction. The role of social media is objectively increasing in modern digital information space. They are much involved in shaping public opinion while democracy and civil society are being built and developed. Social media also contribute to the freedom of speech guaranteed by the Constitution. In the context of globalization, the development of state legal regulation often turns to the implementation of the rules which have already been tested in other countries. The fast development of relations in the field of social media and piecemeal legal regulation of this field in Russia make the foreign experience highly demanded. **Theoretical analysis.** Social media is one of the key actors in shaping public opinion. However, the current legislation of the Russian Federation very superficially regulates the legal status of this media institution. In turn, the Federal Republic of Germany has more experience in the legal regulation of social media. Based on a certain proximity of the state and legal mechanisms of Russia and Germany, as well as the high level of development of democratic institutions of the latter, the authors analyzed the status of social media in the constitutional and legal space of these countries in order to study the possibility of adapting the German experience to improve Russian legislation. **Empirical analysis.** The high degree of influence of social media on public opinion is due to a number of specific characteristics of their creation and functioning: the spontaneous nature of content creation, the high speed of information dissemination, the minimum level of external influence, the easily perceived nature of information. Taken together, these characteristics of the institution significantly complicate the implementation of legal regulation in relation to them, effective and efficient in practice, which also determines the conduct of the study. **Results.** We have studied common and individual features of the legal regulation of social media in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. Based on our conclusions, we are coming up with several proposals for the improvement of the Russian legislation on social media. Russia has significant weaknesses and conflicts of laws in the sphere of media production and information dissemination. Russian legislation in no way covers the social media not registered as mass media in the manner prescribed by law. In our opinion, the German legislation on social media also has certain deficiencies. However, some rules may be adapted to Russian legislation. Based on our research, we propose to draft a federal law on social media, which would partially reflect German experience.

Keywords: constitutional rights and freedoms, social media, freedom of media, mass communication

For citation: Lipchanskaya M. A., Privalov S. A. Social media in the context of Russian and German Constitutional Law. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 73–82 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-73-82>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Вторая половина XX – начало XXI вв. ознаменовали очередной виток развития науки и техники в сфере создания, обработки, хранения и распространения информации. Изобретение персонального компьютера и дальнейшее развитие компьютерных технологий, создание Интернета, изобретение мобильных устройств с доступом к Интернету, имеющих в комплектации фото- и видеокамеры, вывели процесс создания и распространения информации, ориентированной на широкие массы, на качественно новый уровень. Как отмечает С. А. Куликова: «С развитием информационных технологий и телекоммуникационных сетей увеличивается количество производимой и распространяемой информации, повышается ее наглядность и доступность, растет скорость ее доставки потребителю, многократно усиливаются про-

цессы воздействия массовой информации на общество, значительно расширяется количество участников, занятых ее производством, распространением и потреблением» [1, с 28].

Таким образом, перечисленные выше технологические новации детерминировали социализацию деятельности по созданию и распространению массовой информации. Иными словами, произошла глубокая интеграция рядовых индивидов в процессы циркуляции массовой информации. Электронные технологии, используемые теперь для обеспечения непосредственного участия граждан в создании и распространении массовой информации, стали именоваться социальными медиа.

Теоретический анализ

Сегодня в науке существует множество определений термина «социальные медиа»,

основными авторами которых являются американские и британские социологи и журналисты. Как отмечает английский ученый Д. Мерти: «В широком смысле социальные медиа означают множество относительно недорогих и широкодоступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми» [2, р. 7–8]. Наиболее теоретически глубоким и, как следствие, предпочтительным представляется определение, данное профессорами Высшей школы коммерции (ESCP Europe) А. М. Капланом и М. Хенлейном: «...социальные медиа – это группа интернет-приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Web 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им» [3, р. 61].

Под Web 2.0 понимается тенденция развития интернет-сайтов, в основе которых лежит нацеленность на социализацию проектов и сервисов, их улучшение самими пользователями [4, с. 15]. Иными словами, согласно данной концепции, рядовые граждане, которые являются пользователями интернет-сайтов, получают возможность быть также и их редакторами. Человек, который работает с сайтами, применяющими Web 2.0, выступает не только в качестве пользователя данных электронных СМИ и «потребителя» создаваемой ими информации, но и в определенной степени становится независимым редактором для них.

Концепция Web 2.0 органически дополняется и выводится на новый уровень в социальных медиа применением идеи пользовательского контента. В англоязычной литературе пользовательский контент чаще всего именуется термином UGC (user generated content), что дословно переводится как «контент, который генерируют пользователи» [4, с. 15].

Таким образом, главная черта социальных медиа, исходя из применения идей Web 2.0 и пользовательского контента, состоит в значительно более глубокой интеграции граждан в процесс создания и распространения информации. В отличие от традиционных средств массовой информации, социальные медиа позволяют рядовому индивиду проявить себя не только как пользователя СМИ, но также и как распространителя, редактора и создателя массовой информации.

Помимо этого, социальные медиа отличаются от традиционных СМИ более тесной связью с информационными технологиями. Метафорично социальные медиа можно обозначить как особую

разновидность виртуальных СМИ. Данная специфика наделяет их определенными преимуществами в процессе создания, хранения и особенно распространения массовой информации в сравнении с прессой, радиовещанием и телевидением. Виртуальная природа социальных медиа делает их в значительно большей степени мобильными в осуществлении собственных функций. С одной стороны, для получения доступа к ним достаточно иметь гаджет, способный «выйти» в Интернет. С другой стороны, с помощью социальных медиа можно распространять и передавать колоссальные массивы информации, предназначенные для неопределенного круга лиц, на неограниченно большие расстояния. Объемы такой информации будут значительно больше, чем у традиционных СМИ, ограниченных либо объемом номера/выпуска печатного издания (для прессы), либо временным интервалом конкретных передач (для радио и телевидения). Социальные медиа, являющиеся сайтами, не измеряются подобными единицами и обладают огромным количеством виртуальной памяти. При этом скорость распространения даже в таких условиях будет несравнимо выше, чем у традиционных СМИ. Высокая скорость распространения информации посредством социальных медиа обуславливается тем, что, в отличие от традиционных средств массовой информации, в которых процесс производства новой информации из-за способа ее оформления занимает большое количество времени, интернет-сайт наполняется информацией постоянно, 24 часа в сутки [5, с. 186].

Таким образом, применение концепций Web 2.0 и пользовательского контента в совокупности с виртуальной природой социальных медиа наделяет процесс создания и распространения ими информации рядом специфических характеристик. Во-первых, отсутствие четкого разграничения роли «потребитель – производитель» массовой информации. Один и тот же субъект общества может одновременно либо последовательно в крайне короткие сроки выступать в качестве производителя информации и ее «потребителя». Во-вторых, непосредственное участие рядовых граждан в производстве, передаче и распространении социальными медиа массовой информации, отсутствие адекватного механизма цензурированного контроля зачастую наделяют данные процессы стихийным характером. В-третьих, высокая степень доступности создаваемой информации. В-четвертых, высокая скорость производства и распространения существенных массивов информации на значительные расстояния.

Стоит отметить, что, как и традиционные СМИ, социальные медиа являются важным институтом гражданского общества. В целом, масс-медиа в настоящее время органически вплетены в жизнь социума; они оказывают на человека моральное и эстетическое воздействие, формируют характер его чувств, систему человеческих установок, взывают к человеческой совести, во многом управляют общественным сознанием [6, с. 3]. Иными словами, СМИ имеют большое значение в вопросе формирования мнения как конкретного индивида, так и общества в целом, посредством чего проявляется их потенциал как института гражданского общества. В то же время обозначенные специфические черты, характерные для производства и распространения массовой информации социальными медиа, сказываются на их положении среди СМИ. Непосредственное участие граждан в создании и редактировании информации, скорость, объем и охватываемая площадь ее распространения, а также большая степень доступности социальных медиа многократно повышают их влияние на формирование общественного мнения и мнения отдельных лиц. Следовательно, социальные медиа имеют больший потенциал как институт гражданского общества в сравнении с традиционными СМИ. Однако в то же время данное положение социальных медиа резко увеличивает возможность оказания ими деструктивного воздействия на социум.

Указанная роль социальных медиа в современном обществе определяет необходимость обеспечения эффективного правового регулирования их деятельности. На современном этапе государственно-правового развития России решение данного вопроса оставляет желать лучшего. В связи с этим представляется актуальным заимствование соответствующего опыта у развитых зарубежных стран. В качестве образца для сравнения и потенциального субъекта рецепции опыта предлагается использовать Федеративную Республику Германию. Данный выбор определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, Россия и Германия имеют ряд общих государственно-правовых черт: обе страны относятся к романо-германской правовой семье, имеют федеративное устройство (при этом применяют одну модель федерализма – кооперативный (германский)), используют одинаковую – австрийскую – модель конституционного контроля. Во-вторых, Россия из всех стран Западной Европы исторически имеет наиболее тесные культурные, политические, экономические и правовые связи именно с Германией. В-третьих,

сегодня Германия является одной из стран с наиболее развитым демократическим режимом, а также правовыми средствами его обеспечения как в Европе, так и в мире в целом.

Эмпирический анализ

По своей сущности социальные медиа являются специфической разновидностью СМИ. Из этого следует, что основа их правового регулирования такая же, как и для всех масс-медиа. Фундаментальным правовым принципом деятельности всех СМИ в современном мире является свобода массовой информации. Правовое закрепление данного правового принцип получил в Конституции Российской Федерации и Основном законе (Grundgesetz) Федеративной Республики Германии. Так, согласно ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, в России гарантируется свобода массовой информации [7]. Аналогичное правило закреплено в аб. 1 ст. 5 Основного закона Германии: «...каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение посредством устных и письменных слов и изображений, а также беспрепятственно черпать знания из общедоступных источников» [8].

Важным правилом является также конституционный запрет цензуры, закрепленный в нормах и Конституции РФ, и Основного закона ФРГ.

Однако стоит отметить, что обозначенные конституционные нормы регулируют именно метафизическую конструкцию свободы массовой информации, задавая лишь общее направление регулирования деятельности масс-медиа. Детальное регламентирование правового статуса СМИ осуществляется нижестоящим законодательством. При этом в России и Германии используются разные подходы законодательного регулирования деятельности СМИ, и в особенности социальных медиа.

Так, центральным актом, регулирующим создание и порядок функционирования масс-медиа в России, является Закон РФ «О средствах массовой информации». В соответствии со ст. 5 данного Закона, законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации состоит из указанного закона, а также издаваемых в соответствии с ним иных нормативных правовых актов Российской Федерации [9]. Аналогичным образом Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», являющийся правовой базой информационных отношений в общем, в ст. 4 закрепляет, что законодательство об информации, информационных технологиях и защите информации состоит из федеральных законов, подтверждая правовую формулу закона о СМИ

[10]. Иными словами, правовое регулирование деятельности всех видов СМИ в России, а также информационных отношений в целом относится к исключительному ведению Федерации, полностью исключая правотворческую деятельность субъектов РФ в указанной сфере.

Иная ситуация сложилась в Федеративной Республике Германии. Особенности правового регулирования деятельности средств массовой информации в Германии заложены и конкретизированы в абз. 1 ст. 5 Основного закона: «Гарантируется свобода печати и свобода выражения мнений посредством радио и кино» [8]. Таким образом, в немецком конституционном праве происходит дифференциация комплексной свободы массовой информации на элементы-свободы: свободу печати, свободу вещания, свободу кино и т. д. Законодательная конструкция, гарантирующая свободу массовой информации, дробя ее на отдельные элементы-свободы, создала основу для развития разветвленной законодательной системы о средствах массовой информации. В немецком законодательстве о СМИ каждый отдельный вид медиа регулируется собственным, узконаправленным актом либо группой таких актов. Таким образом, в Германии, в отличие от России, система актов, регламентирующих средства массовой информации, разделена по горизонтальному принципу, исходя из способа создания и распространения массовой информации.

В то же время данная система актов разделена и по вертикали. Так, деятельность прессы – печатных СМИ – в ФРГ регулируется преимущественно на уровне федеральных земель. Изначально, в соответствии с Основным законом ФРГ 1949 г., федерация должна была издать так называемый Рамочный закон о прессе (Presserechtsrahmengesetz), однако по ряду причин эта законодательная возможность так и не была реализована, и после федеративной реформы 2006 г. рамочная законодательная компетенция была полностью устранена [11].

Сложная система правового регулирования сложилась и в отношении сферы вещания. Центральным актом регулирования данной сферы стал Государственный договор о радио и теле-медиа (Staatsvertrag für Rundfunk und Telemedia) [12]. По своей сущности, данный акт представляет несколько государственных договоров, заключенных между всеми федеральными землями Германии. Он имеет сложное положение в системе федеративного устройства. Принятый федеральными землями, Государственный договор распространяет свою юридическую силу на территорию всей федерации.

Таким образом, в России и Германии сложились разные системы законодательного регулирования общих правил создания и функционирования средств массовой информации, которые обуславливают специфику регулирования социальных медиа.

Так, Закон РФ «О средствах массовой информации» в ст. 2 содержит определение «сетевое издание», которое применяется для обозначения медиа, создаваемых и функционирующих на платформе интернет-сайтов. Согласно данной статье, сетевое издание – это сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в установленном порядке [9]. При этом, исходя из положений ст. 8, сайт, который не был зарегистрирован в качестве сетевого издания, не является средством массовой информации. Из этого следует, что сайт, осуществляющий деятельность и являющийся по факту социальными медиа, при отсутствии регистрации не наделяется законодательством соответствующим статусом и не признается таковым на легальном уровне. Соответственно, положения российского законодательства о средствах массовой информации не распространяются на незарегистрированные органом государственной власти социальные медиа. Такую ситуацию нельзя признать оправданной, поскольку она представляет собой определенный правовой пробел.

Одной из важнейших гарантий свободы массовой информации, являющейся правовой основой существования социальных медиа, выступает запрет цензуры, закрепленный в ч. 5 ст. 29 Конституции России [7]. Однако Конституция РФ не содержит понятия цензуры. Оно закреплено в ст. 3 Закона РФ «О средствах массовой информации» и включает два вида цензуры – предварительная и последующая. Предварительная цензура представляет собой требование со стороны внешних по отношению к СМИ субъектов предварительно согласовывать сообщения и материалы. Под последующей цензурой понимается наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей [9]. Следовательно, защита от цензуры в рамках социальных медиа возможна только посредством применения аналогии закона, что свидетельствует о несовершенстве сложившейся отечественной законодательной системы.

Таким образом, правовое регулирование социальных медиа в России осуществляется посредством общих правовых норм об информации. Стоит отметить, что во многом правовое регулирование социальных медиа осложняется их характеристиками, обозначенными ранее: отсут-

ствие четкого разграничения ролей «производитель – потребитель» информации, стихийность и высокая скорость ее создания и распространения. Тем не менее, в России уже предпринималась попытка урегулирования правового статуса социальных медиа. Так, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» была внесена ст. 10.2 – «Особенности распространения блогером общедоступной информации» [13]. Она установила правовой статус такого субъекта в сфере социальных медиа, как блогер. Под блогером понимался владелец определенной категории социальных медиа. Следовательно, регулирование его правового статуса косвенно обеспечивало регулирование и самих социальных медиа. При этом, согласно ст. 10.2 Федерального закона «Об информации, информационной деятельности и защите информации», на блогера распространялись те же правила регулирования его деятельности, что и на средства массовой информации. Однако Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» признал утратившими силу положения ст. 10.2 Федерального закона «Об информации, информационной деятельности и защите информации» [14].

Таким образом, сегодня в Российской Федерации отсутствуют правовые нормы, которые бы регулировали отношения, складывающиеся по поводу функционирования социальных медиа. В том числе отсутствуют специальные нормы, направленные на противодействие созданию и распространению посредством социальных медиа противоправного контента.

Регулирование в Германии деятельности СМИ в Интернете осуществляется специальными нормативно-правовыми актами, имеющими иной основной предмет регулирования. Подобная ситуация распространяется в том числе и на социальные медиа. Так, например, Государственный договор о защите человеческого достоинства и защите молодежи в радиовещании и теле-медиа (Staatsvertrag über den Schutz der Menschenwürde und den Jugendschutz in Rundfunk und Telemedien) имеет своей основной сферой регулирования защиту молодежи от деструктивной информации, распространяемой посредством электронных медиа, в том числе теле-медиа и интернет-ресурсов [15]. Данные акты не содержат кон-

кретных механизмов, целенаправленных на регламентирование статуса социальных медиа.

Однако относительно недавно в ФРГ были предприняты первые определенные шаги в данном направлении. Так, 1 сентября 2017 г. в Германии был принят Закон о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях (Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken). Данный Закон обязует социальные сети блокировать явно противоправный контент в течение 24 суток, по общему правилу, а в отношении иного, неявно противоправного контента – в течение семи суток, если иное не предусмотрено законом, с момента поступления жалобы [16]. В случае невыполнения данных требований Закон предусматривает наложение штрафных санкций на соответствующие социальные медиа. Этот Закон был воспринят в немецком обществе с существенной критикой. Против него в той или иной степени выступили все малые немецкие партии: либералы, «зеленые», Левая партия, «Альтернатива для Германии» (АдГ), многие журналистские объединения и юристы и сами социальные сети [17]. Стоит согласиться с тем, что механизм по борьбе с противоправным контентом, устанавливаемый данным Законом, несовершенен. Так, представляется, что перекладывание обязанности по борьбе с распространением противоправной информации на социальную сеть, обеспеченное к тому же возможностью применения санкций к последним за ненадлежащее исполнение данной деятельности, с большой долей вероятности приведет к ужесточению внутренней цензуры в социальных медиа. На подобную опасность указывала, к примеру, правозащитная организация Human Rights Watch, которая в качестве аргумента привела предположение того, что администраторы соцсетей в условиях ограниченности времени на принятие решения предпочтут удалять контент, а не кропотливо заниматься его квалификацией [18].

В свою очередь, в России 18 марта 2019 г. вступил в силу Федеральный закон № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», также направленный на борьбу с противоправным контентом в Интернете. Так, в соответствии с принятыми изменениями, при обнаружении недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда ряду охраняемых законом интересов, Роскомнадзор уведомляет редакцию сетевого издания о необ-

ходимости удаления указанной информации, а в случае если издание проигнорировало данное требование – обращается к оператору связи с требованием ограничить доступ к данному медиа [19]. Данный Закон преследует цели, близкие к целям немецкого Закона о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях. Однако устанавливаемые в нем требования адресованы исключительно сетевым изданиям. Следовательно, социальные медиа, не зарегистрированные в установленном законом порядке в качестве СМИ, исключены из сферы его правового регулирования.

Таким образом, следует констатировать несовершенство законодательной системы о социальных медиа в РФ и ФРГ на современном этапе.

Однако некоторые идеи, заложенные в немецком Законе о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях, в частности, регулирование социальных медиа как самостоятельных субъектов, применение к ним мер ответственности (при условии совершенствования механизма обнаружения правонарушений), могут быть адаптированы к российским реалиям.

Возможность использования социальных медиа для достижения деструктивных целей свидетельствует о необходимости создания и развития соответствующей правовой базы. Наибольшему уровню негативного воздействия посредством социальных медиа подвергается молодежь. Пользуясь популярностью социальных сетей в современном обществе, размещаются видеоролики, иллюстрации экстремистского содержания; создается бесчисленное количество персональных страниц виртуальных личностей; организуются тематические виртуальные сообщества на темы, затрагивающие интересы молодежи [20].

На существование подобной проблемы указывается и в Германии. Специальная комиссия немецкого Бундестага, целью которой является исследование роли Интернета и цифровизации в развитии общества и государства, отмечает высокую степень распространения, в особенности среди молодежи, посредством интернет-площадок так называемого «Hate Speech», под которым понимают лингвистические высказывания, носящие оскорбительный характер для определенно лица или групп лиц и, в радикальном случае, призывающие к насилию [21]. Для борьбы с «Hate Speech» в Федеративной Республике Германии создана Центральная служба федеральных земель по информационной защите молодежи в Интернете (Zentralstelle der Bundesländer für Jugendmedienschutz im Internet).

Однако только создание указанных институтов противодействия распространению противоправной информации в Интернете, в том числе в социальных медиа, без развития соответствующей нормативной системы представляется половинчатой мерой.

Результаты

Следует констатировать, что сегодня правовое регулирование социальных медиа как в России, так и в Германии находится на начальных этапах. Однако немецкое законодательство более совершенно в данной сфере. Так, немецкий Закон о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях рассматривает социальные медиа как самостоятельный субъект правовых отношений. В свою очередь, российское законодательство напрямую регулировало социальные медиа непродолжительный промежуток времени (с 2014 по 2017 г.), пока действовало положение ФЗ «Об информации, информационной безопасности и защите информации» о блогах. На данный момент правовой статус социальных медиа в России устанавливается общими положениями информационного законодательства. Решение конкретных проблем возможно лишь с использованием закона по аналогии.

Высокая степень воздействия социальных медиа на формирование общественного мнения обуславливает их серьезную значимость в качестве института современного демократического государства и гражданского общества.

Вместе с тем отсутствие необходимого правового регулирования социальных медиа позволяет использовать их потенциал как субъекта, оказывающего воздействие на социум, в противоправных целях.

Предпринятая в Германии попытка урегулировать деятельность социальных медиа, устранив создание и распространение ими противоправного контента, представляется однобокой и крайне радикальной, ставящей под угрозу конституционную свободу массовой информации. Однако в определенной степени предложенные в Законе о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях меры с учетом их адаптации могут быть использованы в Российской Федерации.

Так, предлагается перенять правовые положения, установленные Законом о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях, о штрафных санкции для администраций социальных медиа, за неправомерный и необоснованный отказ или уклонение от блокирования контента, противоправность

которого была установлена в законном порядке [16]. Однако мониторинг за создаваемым и распространяемым посредством социальных медиа контентом должен будет осуществляться уполномоченным на то органом государственной власти совместно с администрациями социальных медиа.

Данное правило следует отобразить в предлагаемом к принятию федеральном законе о социальных медиа. Помимо введения ответственности в отношении администрации социальных медиа, закон должен закрепить определение данного института и установить в отношении него базовые правовые принципы: принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, в том числе конституционного права неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, права на защиту своей чести и доброго имени; принцип свободы массовой информации и запрета цензуры в Интернете; принцип достоверности распространяемой посредством социальных медиа информации; принцип недопустимости злоупотребления свободой массовой информации; принцип добросовестности администраций социальных медиа. Кроме того, представляется целесообразным предусмотреть в законе ответственность за цензуру в отношении социальных медиа.

Список литературы

1. Куликова С. А. Перспективы совершенствования правового регулирования деятельности СМИ и других источников массовой информации // Информационное право. 2017. № 3. С. 27–33.
2. Murthy D. Twitter : Social Communication in the Twitter Age. Cambridge : Polity Press, 2013. 195 p.
3. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons. 2010. Vol. 53, iss 1. P. 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>
4. Лободенко Л. К., Шестеркина Л. П. Социальные медиа как новое пространство развития коммуникаций // Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик / под ред. Л. П. Шестеркиной. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2017. С. 13–27
5. Сундюков Н. К. Интернет-СМИ и особенности их функционирования // Управленческое консультирование. 2014. № 12. С. 180–191.
6. Стариков А. Г. Масс-медиа современной России. Ростов н/Д : Феникс, 2013. 250 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland : vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347). URL: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01-245122 (дата обращения: 17.09.2019).
9. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 9, ст. 1134.
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006, no. 31 (pt. I), art. 3448 ; 2020. № 24, ст. 3751.
11. Антропов Р. В., Антропова Н. А. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования деятельности печатной прессы в Германии // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 3–6.
12. Staatsvertrag für Rundfunk und Telemedien (Rundfunkstaatsvertrag – RStV) vom 31. August 1991, in der Fassung des Zweiundzwanzigsten Staatsvertrages zur Änderung rundfunkrechtlicher Staatsverträge : in Kraft seit 1. Mai 2019. URL: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/RFunkStVertr> (дата обращения: 05.06.2020).
13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : федер. закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 19, ст. 2302.
14. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. 1), ст. 4825.
15. Jugendmedienschutz-Staatsvertrag (JMStV) vom 13. September 2002 (GVBl. 2003 S. 147, BayRS 02-21-S), der zuletzt durch Art. 5 des Abkommens vom 3. Dezember 2015 (GVBl. 2016 S. 52) geändert worden ist. URL: <http://www.landesrecht-bw.de/jportal/?quelle=jlink&query=JMedienSchStVtrG+BW&psml=bsbawueprod.psml&max=true&aiz=true> (дата обращения: 07.06.2020).
16. Netzwerkdurchsetzungsgesetz vom 1. September 2017 (BGBl. I S. 3352). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html> (дата обращения: 07.06.2020).
17. Бушувев М. В борьбе с фейками и клеветой Германия положила на Facebook // DW : [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B2-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B5-%D1%81-%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8-%D0%B8-%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D0>

- %B2%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B9-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%8C-%D0%BD%D0%B0-facebook/a-42121155 (дата обращения: 01.06.2020).
18. Федоров В. К., Афонюшкина Н. В. Современное законодательство против «фейковых новостей» // Проблемы и вызовы цифрового общества : тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17–18 октября 2019 г.) / под ред. Н. Н. Ковалевой. Саратов : Изд-во СГЮА, 2019 С. 179–181.
 19. О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 18.03.2019 № 30-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 12, ст. 1220.
 20. Колосович Е. А. Профилактика распространения противоправного контента в сети Интернет // Обзор НЦПТИ. 2016. Вып. 8. С. 44–55.
 21. Dreizehnter Zwischenbericht der Enquete-Kommission „Internet und digitale Gesellschaft“ // Deutscher Bundestag. 2013. S. 165. URL: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/125/1712550.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
- References**
1. Kulikova S. A. Prospects for improving the legal regulation of the media and other sources of mass media. *Informatsionnoe pravo* [Information Law], 2017, no. 3, pp. 27–33 (in Russian).
 2. Murthy D. *Twitter: Social Communication in the Twitter Age*. Cambridge, Polity Press, 2013. 195 p.
 3. Kaplan A. M., Haenlein M. Users of the world unite! The challenges and opportunities of Social Media. *Business Horizons*, 2010, vol. 53, iss 1, pp. 59–68. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2009.09.003>
 4. Lobodenko L. K., Shesterkina L. P. Social Media as a New Space for Communication Development. In: *Sotsial'nye media kak resurs integrirovannykh kommunikativnykh praktik*. Ed. L. P. Shesterkina [L. P. Shestyerkina (ed.) Social media as a resource for integrated communication practices]. Chelyabinsk, Izd. tsentr Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, pp. 13–27 (in Russian).
 5. Syundyukov N. K. Internet Mass-media and Features of Their Functioning. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management Consulting], 2014, no. 12, pp. 180–191 (in Russian).
 6. Starikov A. G. *Mass-media sovremennoi Rossii* [Mass media of modern Russia]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2013. 250 p. (in Russian).
 7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
 8. Basic Law for the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 (BGBl. P. 1), last amended by Article 1 of the Law of 13 July 2017 (BGBl. I p. 2347). Available at: https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/gg_01-245122 (accessed 17 September 2019) (in German).
 9. On the media. Law of the RF 2124-1 of 27.12.1991 (an edition of 01.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 9, art. 1134 (in Russian).
 10. On Information, Informational Technologies and the Protection of Information. Federal Law 149-FZ of 27.07.2006 (an edition of 08.06.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 31 (pt. I), art. 3448; 2020, no. 24, art. 3751 (in Russian).
 11. Antropov R. V., Antropova N. A. Some Aspects of Statutory Regulation of Print Media Activity in Germany. *Grazhdanskoe obschestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2017, no. 2, pp. 3–6 (in Russian).
 12. State Treaty on Broadcasting and Telemedia (Rundfunkstaatsvertrag – RStV) of August 31, 1991, in the version of the twenty-second state treaty amending international broadcasting treaties: in force since May 1, 2019. Available at: <https://www.gesetze-bayern.de/Content/Document/RFunkStVertr> (accessed 5 June 2020) (in German).
 13. On Amendments to the Law of the Russian Federation “On Information, Informational Technologies and the Protection of Information” and to Several Russian Acts on Information Exchange Through Telecommunication Networks. Federal Law 97-FZ of 05.05.2014. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 19, art. 2302 (in Russian).
 14. On Amendments to the Law of the Russian Federation “On Information, Informational Technologies and the Protection of Information”. Federal Law 276-FZ of 29.07.2017. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 31 (pt. I), art. 4825 (in Russian).
 15. Youth Media Protection State Treaty (JMStV) of September 13, 2002 (GVBl. 2003 p. 147, BayRS 02-21-S), which was last amended by Art. 5 of the agreement of December 3, 2015 (GVBl. 2016 p. 52). Available at: <http://www.landesrecht-bw.de/jportal/?quelle=jlink&query=JMedienSchStVtrG+BW&psml=bsbawueprod.psml&max=true&aiz=true> (accessed 7 June 2020) (in German).
 16. Network Enforcement Act of September 1, 2017 (Federal Law Gazette I p. 3352). Available at: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html> (accessed 7 June 2020) (in German).
 17. Bushuev M. Germany relies on Facebook to fight fakes and slander. *DW*. Site. Available at: <https://www.dw.com/>

- ru/%D0%B2-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B5-%D1%81-%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8-%D0%B8-%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B9-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%8C-%D0%BD%D0%B0-facebook/a-42121155 (accessed 1 June 2020) (in Russian).
18. Fedorov V. K., Afonyushkina N. V. Up-to-Date Legislation on Fake News. *Problemy i vyzovy tsifrovogo obschestva: tendentsii razvitiya pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh transformatsiy* [Problems and challenges of the digital society: Trends in the development of legal regulation of digital transformations. Collection of scientific papers based on the materials of the 1st Int. sci.-pract. conf. (Saratov, October 17–18, 2019). Ed. by N. N. Kovaleva]. Saratov, Izd-vo Saratovskoi gosudarstvennoi uiridicheskoi akademii, 2019, pp. 179–181 (in Russian).
19. On Amendments to the Law of the Russian Federation “On Information, Informational Technologies and the Protection of Information”. Federal Law 30-FZ of 18.03.2019. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2019. no. 12, art. 1220 (in Russian).
20. Kolosovich E. A. Prevent the spread of illegal content on the Internet. *Obzor NTSPIT* [Review NTSPIT], 2016, iss. 8, pp. 44–55 (in Russian).
21. Thirteenth interim report of the “Internet and digital society” study commission. *German Bundestag*. 2013. P. 165. Available at: <https://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/125/1712550.pdf> (accessed 1 June 2020) (in German).

Поступила в редакцию 17.10.2020, после рецензирования 27.10.2020, принята к публикации 04.11.2020
Received 17.10.2020, revised 27.10.2020, accepted 04.11.2020

Научная статья

УДК 342.76

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91>

Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

А. А. Подмарев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Подмарев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, podmarev2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3518-2521>

Аннотация. Введение. Конституция РФ 1993 г. допускает возможность ограничения прав и свобод личности и устанавливает императивные условия (принципы) введения и действия этих ограничений. Одним из таких конституционных принципов является принцип соразмерности: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо для достижения указанных в части 3 статьи 55 целей. **Теоретический анализ.** Принцип соразмерности ограничений определенным целям в настоящее время декларируется конституциями многих государств, а также является частью международно-правовых критериев ограничений прав человека. Некоторые концептуальные вопросы содержания конституционного принципа соразмерности разрешены Конституционным Судом России. В самом общем виде принцип соразмерности означает, что: применяемые для ограничения прав и свобод меры (средства) должны быть обусловлены конституционными целями; ограничительные меры (средства) не должны быть большими, чем это необходимо; ограничительные меры (средства) не должны приводить к несоразмерным, чрезмерным, избыточным ограничениям. **Эмпирический анализ.** Анализ решений Конституционного Суда России показывает, что в каждом конкретном случае Суд определяет необходимую меру в ограничении того или иного права (свободы), сопоставляя, взвешивая конституционно признаваемые ценности (с одной стороны – права определенного человека, с другой – права иных лиц, интересы государства, интересы общества), а также оценивая адекватность правовых средств, применяемых для достижения какой-либо конституционно установленной цели (целей) ограничения. Выводы, к которым пришел Суд относительно соразмерности или несоразмерности (чрезмерности) ограничения того или иного права, обязательны не только для законодателя, но и в некоторых случаях для правоприменителя. **Результаты.** Делается вывод о том, что реализация конституционного принципа соразмерности ограничений в законотворчестве и правоприменении означает, что при установлении и применении ограничений прав и свобод для достижения определенной конституционной цели (целей) должны предусматриваться и использоваться исключительно необходимые в данной ситуации меры (средства). Принцип соразмерности ограничений является одним из критериев оценки конституционности ограничения любого права или свободы, а также одной из гарантий от произвольных (необоснованных, чрезмерных, неконституционных) ограничений, поскольку предполагает существование определенных границ (пределов, рамок, условий) законотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, ограничение прав и свобод человека и гражданина, соразмерность

Для цитирования: Подмарев А. А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 83–91. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91>

Proportionality as a constitutional principle of limiting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation

Alexander A. Podmarev, podmarev2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3518-2521>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Introduction. The 1993 Constitution of the Russian Federation allows for the possibility of restricting rights and freedoms of individuals and establishes imperative conditions (principles) for the introduction and operation of these restrictions. One of these constitutional principles is the principle of proportionality: the rights and freedoms of a person and a citizen can be limited only to the extent necessary to achieve the goals specified in part 3 of Article 55. **Theoretical analysis.** The principle of proportionality of restrictions to

certain goals is currently declared by the constitutions of many states, and is also part of the international legal criteria for restrictions on human rights. Some conceptual issues of the content of the constitutional principle of proportionality are resolved by the Constitutional Court of Russia. In its most general form, the principle of proportionality means that: the measures (means) used to restrict rights and freedoms must be conditioned by constitutional goals; restrictive measures (means) should not be greater than necessary; restrictive measures (means) should not lead to disproportionate, excessive restrictions. **Empirical analysis.** The analysis of the decisions of the Constitutional Court of Russia shows that in each specific case, the Court determines the necessary measure to restrict a particular right (freedom), comparing, weighing the constitutionally recognized values (on the one hand, the rights of a certain person, on the other, the rights of other persons, the interests of the state, public interests), as well as assessing the adequacy of the legal means used to achieve any constitutionally established goal (s) of restriction. The conclusions reached by the Court regarding the proportionality or disproportion (excess) of the restriction of this or that right are binding not only for the legislator, but also in some cases for the law enforcement officer. **Results.** It is concluded that the implementation of the constitutional principle of proportionality of restrictions in lawmaking and law enforcement means that when establishing and applying restrictions on rights and freedoms to achieve a certain constitutional goal (goals), exclusively necessary measures (means) must be provided and used in this situation. The principle of proportionality of restrictions is one of the criteria for assessing the constitutionality of the restriction of any right or freedom, as well as one of the guarantees against arbitrary (unreasonable, excessive, unconstitutional) restrictions, since it presupposes the existence of certain boundaries (limits, frameworks, conditions) of lawmaking and law enforcement.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, restriction of the rights and freedoms of man and citizen, proportionality

For citation: Podmarev A. A. Proportionality as a constitutional principle of limiting human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 83–91 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-83-91>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Конституция РФ 1993 г. [1] регулирует фундаментальные вопросы организации государства и общества, в числе которых необходимым и традиционным вопросом является определение основ правового статуса личности. Эти основы охватывают: концептуальное отношение к человеку в государстве (ст. 2, 17); основные права, свободы и обязанности человека и гражданина (ст. 3, 7, 8, 13–15, 20–54, 57–59, 77, 81, 96, 119, 125, 130); принципы реализации прав и свобод (ст. 17–19, 45, 55, 56, 60), в том числе возможность их ограничения (ст. 55, 56); отдельные аспекты гражданства (ст. 6, 61, 62, 89) и положения иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 62, 63). Конституционное определение положения человека является основополагающим и в то же время начальным, исходным, поскольку на основе конституционных норм должно формироваться содержание федеральных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих статус личности.

Необходимым элементом установления Конституцией России основ правового статуса личности является регламентация базовых вопросов ограничения прав и свобод человека и гражданина (ст. 13, 15, 17, 19–25, 29, 32, 34–36, 55, 56, 71, 74 и др.). Понятие «ограничение» по отношению к правам и свободам человека используется в ст. 19, 23, 55, 56, 71, 74, 79, 133 Конституции РФ. В других указанных статьях этот термин не применяется, но фактически речь идет об отдельных случаях, способах, процедурах ограничения прав и свобод (ст. 13, 20, 22, 25, 29, 32, 34–36, 77, 78, 81, 97). Как следует

из конституционных и законодательных норм, ограничения прав и свобод личности могут выражаться: во временном запрете реализации права (обусловленным местом, временем или способом действия граждан или их групп, наличием гражданства иностранного государства, вида на жительство в иностранном государстве, счёта в иностранном банке), во вторжении (вмешательстве) государственного органа в право (свободу); в лишении права; в обязанности; в ответственности. Конституция России исходит из аксиомы о том, что ограничения прав индивида необходимы (ч. 3 ст. 55), поскольку они являются инструментом согласования прав одного человека с интересами и правами других людей, общества, государства, а иногда и условиями осуществления государством своих функций. Ограничения, к примеру, позволяют вести борьбу с преступностью, в том числе противодействовать коррупции, экстремизму, терроризму, помогают обеспечивать общественный порядок при проведении публичных мероприятий.

Исходные конституционные правила установления ограничений всех прав и свобод личности содержатся в ч. 3 ст. 55, ч. 1 и ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 19, ч. 4 ст. 15 Основного закона РФ. В своей совокупности эти конституционные нормы предполагают, что: права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства; права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены исключительно федеральным законом; права

и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо для достижения вышеуказанных целей (принцип соразмерности); запрещается ограничение прав и свобод человека и гражданина по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; ограничения прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемые федеральными законами, должны соответствовать международным требованиям (стандартам) ограничений.

Приведенные конституционные принципы (условия, требования) можно рассматривать как своеобразную общую часть института ограничений прав и свобод личности, поскольку в соответствии с этими принципиальными, общими условиями должны устанавливаться ограничения всех прав и свобод человека и гражданина.

Как было отмечено, одним из системообразующих конституционных условий ограничения прав и свобод является требование о том, чтобы права и свободы личности ограничивались только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Принцип соблюдения определенной меры при введении и применении ограничений прав и свобод в науке конституционного права и в конституционно-правовой практике получил наименование «принцип соразмерности». Конституционный Суд России в 1998 г. обозначил его как «принцип соразмерности ограничений прав и свобод граждан социально значимым интересам и целям, закрепленным в Конституции РФ» [2] и затем неоднократно подтверждал, что ограничения прав и свобод должны быть соразмерны указанным в ч. 3 ст. 55 Конституции целям [3].

Иногда в качестве синонима принципа соразмерности используется понятие «принцип пропорциональности», в том числе Конституционным Судом РФ [4]. Г. А. Гаджиев отмечает, что принцип пропорциональности «закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции: государство может ограничивать федеральным законом права и свободы человека, но только в той мере, в какой это необходимо, то есть соразмерно, пропорционально» [5, с. 56]. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней любое ограничение прав и свобод человека должно являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели) [6].

Теоретический анализ

Закрепление в конституциях государств требования соразмерности (пропорциональности) вводимых ограничений целям этих ограничений характерно для тех основных законов, в которых есть, условно говоря, «общая часть» ограничений прав и свобод личности. Согласно ст. 49 Конституции Румынии 1991 г., ограничение должно быть соразмерно вызвавшей его ситуации. Статья 39 Конституции Казахстана 1995 г. гласит: «...права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения». Статья 36 Конституции Швейцарии 1999 г. устанавливает, что ограничения основных прав должны быть пропорциональными. Статья 20 Конституции Сербии 2006 г. указывает, что «права человека и меньшинств, гарантированные Конституцией, могут ограничиваться законом, если Конституция разрешает такое ограничение и в целях, определенных Конституцией, в пределах, необходимых для достижения конституционной цели ограничения в демократическом обществе, и без нарушения содержания соответствующего гарантированного права». Статья 20 Конституции Кыргызстана 2010 г. предусматривает: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям». Статья I Конституции Венгрии 2011 г. гласит: «...осуществление любого фундаментального права может быть ограничено только в интересах принудительного осуществления другого фундаментального права или для защиты ценностей, закрепленных в Конституции, только в необходимой мере, соразмерно цели, которая будет достигнута, при полном соблюдении значимой сущности фундаментального права». Требование соблюдения определенной меры или степени при ограничении прав и свобод встречается также в конституциях Ирака 2005 г. (ст. 44), Мальдив 2008 г. (ст. 16).

Требование соразмерности (пропорциональности) ограничений также является частью международно-правовых критериев ограничений прав человека. На это обстоятельство обращает внимание судов Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября

1950 года и Протоколов к ней» от 27.06.2013 г. № 21 [6]. «Принцип соразмерности, – отмечает Н. В. Варламова, – используется в практике конституционного контроля за правоммерностью установленных ограничений прав человека всех стран западной демократии. В конституционном праве европейских стран он утвердился... под влиянием практики Европейского Суда по правам человека» [7, с. 132].

Принцип соразмерности ограничений, в отличие от других конституционных условий ограничения прав человека – закрепление законом, преследование определенных целей, запрет ограничения прав по определенным признакам, соответствие международным стандартам, – обладает очень сложно определяемым содержанием. В Конституции России этот принцип не раскрывается. В. Д. Зорькин обоснованно утверждает, что «достаточно общие формулировки Конституции об условиях ограничения прав и свобод таят опасность их неоправданно широкого толкования на практике и установления чрезмерных ограничений» [8, с. 311]. Поэтому для определения содержания исследуемого принципа необходимо выяснить значение данного слова в русском языке, а также привести отдельные концептуальные характеристики этого принципа, которые выработаны Конституционным Судом России при рассмотрении конкретных дел.

Слово «соразмерный» означает «соответствующий какой-нибудь мере, соответственный чему-нибудь» [9, с. 749].

Конституционный Суд России в ряде своих решений сформулировал определенные концептуальные подходы к сущности и содержанию принципа соразмерности: ограничение является соразмерным, если оно вызвано исключительно необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, и иными средствами защитить указанные ценности невозможно (постановление от 02.02.1996 № 4-П); ограничение является соразмерным, если оно не парализует реализацию права (свободы) (постановление от 04.04.1996 № 9-П); принцип соразмерного ограничения прав и свобод означает, что публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям (постановление от 13.06.1996 № 14-П); принцип соразмерности выражает требования справедливости и предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных

существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания; эти принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам (постановление от 15.07.1999 № 11-П); законодатель, определяя средства и способы защиты государственных интересов, должен использовать лишь те из них, которые для конкретной правоприменительной ситуации исключают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина; при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (постановление от 18.02.2000 № 3-П); ограничение является соразмерным, когда его характер соответствует тем конституционно защищаемым целям, ради которых оно вводится (постановление от 22.11.2000 № 14-П); ч. 3 ст. 55 Конституции РФ не допускает несоразмерное указанным в ней конституционно-значимым целям ограничение прав и свобод человека и гражданина (постановление от 27.04.2001 № 7-П); вводимые законодателем ограничения должны обеспечивать достижение конституционно значимых целей и не быть чрезмерными (определение от 10.12.2002 № 316-О); устанавливая ограничения, государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционными целями меры (постановление от 30.10.2003 № 15-П); для того чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения (постановление от 30.10.2003 № 15-П); ограничение является соразмерным, если федеральный закон не посягает на основное содержание права (свободы), не искажает его существо (постановление от 26.12.2003 № 20-П); ограничение является соразмерным, если оно не создает необоснованных препятствий для реализации права (постановление от 15.12.2004 № 18-П); ограничение является соразмерным, если оно не приводит к утрате реального содержания права или свободы (постановление от 26.12.2005 № 14-П); чтобы исключить возможность несо-

размерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, устанавливаемое федеральным законодателем правовое регулирование должно содержать нормы, не допускающие расширительного толкования вводимых ограничений и, следовательно, произвольного их применения (постановление от 17.01.2019 № 4-П).

Таким образом, в конституционном смысле принцип соразмерности означает, что: 1) меры (средства) ограничения прав и свобод должны быть строго обусловлены конституционными целями; 2) применяемые ограничительные меры (средства) должны защищать социальные ценности, указанные в ч. 3 ст. 55; 3) ограничительные меры (средства) не должны быть большими, чем это необходимо; 4) степень ограничения конкретного права должна соответствовать той цели, ради которой устанавливается это ограничение; 5) ограничение не должно посягать на основное содержание права, искажать его существо, создавать необоснованные препятствия для его реализации, парализовать его реализацию; 6) применяемые меры (средства) ограничения прав и свобод не должны приводить к несоразмерным, чрезмерным, избыточным ограничениям.

Эмпирический анализ

Практическое применение конституционного принципа соразмерности для определения конституционности или неконституционности ограничения конкретных прав и свобод личности можно проиллюстрировать несколькими примерами из деятельности Конституционного Суда России, который по данному вопросу за более чем двадцать лет рассмотрения такой категории дел сформировал значительную практику. Основываясь на концептуальных, теоретических подходах к анализу принципа соразмерности, Конституционный Суд РФ в каждом конкретном деле определяет, является ли установленное каким-либо федеральным законом ограничение права (свободы) соразмерным (пропорциональным) или несоразмерным (чрезмерным). При этом концептуальное конституционное обоснование соразмерности применяется для анализа законодательных норм различной отраслевой принадлежности.

Итак, несколько примеров из практики Конституционного Суда России по данной проблеме.

В 1998 г., исследуя особенности административной ответственности за неприменение или ненадлежащее применение контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением, Конституционный Суд посчитал, что соразмерность нарушается при установлении

законодателем недифференцированного по размеру штрафа и невозможности его снижения, что не позволяет применять эту меру взыскания с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств деяния (постановление от 12.05.1998 № 14-П).

В 2005 г. Конституционный Суд постановил, что норма избирательного законодательства, предполагающая запрет на проведение предвыборной агитации, направленной против всех кандидатов, гражданами лично за счет собственных денежных средств, представляет собой чрезмерное, не обусловленное конституционно значимыми целями ограничение свободы слова и права на распространение информации в форме предвыборной агитации и потому не соответствует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (постановление от 14.11.2005 № 10-П).

В 2008 г. Конституционный Суд решил, что, исключая Федеральным законом «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» право граждан на регистрацию в жилых строениях, возведенных на садовых земельных участках, федеральный законодатель исходил из необходимости обеспечения целевого назначения этих участков, но в результате такого использования института регистрации оказалось несоразмерно ограничено право граждан на выбор места жительства (постановление от 14.04.2008 № 7-П).

В 2008 г. были признаны не соответствующими ст. 35 (ч. 1 и 3), 46, 55 (ч. 3) Конституции РФ положения УПК РФ, предусматривающие, что вещественные доказательства в виде предметов, которые в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, в том числе большие партии товаров, хранение которых затруднено или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью, передаются для реализации на основании постановления дознавателя, следователя или судьи, поскольку эти законоположения позволяют лишать собственника или законного владельца его имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора, которым решается вопрос об этом имуществе как вещественном доказательстве, и – в случае, когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, – до вступления в силу соответствующего решения суда. В данном случае Суд решил, что такое ограничение права собственности не может

быть признано правомерным, поскольку избранные федеральным законодателем средства несоизмеримы преследуемым целям; ограничение не является необходимым, поскольку предполагаемые цели, ради которых оно введено, могут быть достигнуты иными, адекватными средствами (постановление от 16.07.2008 № 9-П).

В 2009 г. Конституционный Суд рассматривал проблемные вопросы признания гражданина недееспособным и указал: участие самого гражданина в судебном заседании необходимо не только для того, чтобы дать возможность ему как заинтересованному лицу представлять свою позицию по делу, но и для того, чтобы позволить судье составить собственное мнение о психическом состоянии гражданина и непосредственно убедиться в том, что гражданин не может понимать значение своих действий и руководить ими; при таких обстоятельствах судья, с тем чтобы обеспечить полную и эффективную судебную защиту, избежать произвольного вмешательства в право на свободу и неприкосновенность личной жизни и соблюсти требования справедливости, разумности и пропорциональности при вынесении решения о признании лица недееспособным, не должен ограничиваться лишь письменным заключением специалистов; иначе нарушается право на справедливое правосудие и возникает риск, что признание гражданина недееспособным будет несоизмеримо конституционно признаваемым целям, закрепленным в ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ (постановление от 27.02.2009 № 4-П).

В 2012 г., проверяя конституционность Федерального закона «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ», Конституционный Суд указал: уполномоченные органы и должностные лица, принимая решение о временном ограничении гражданина в праве выезда из РФ, и суды при оценке правомерности такого решения не могут руководствоваться одним лишь формальным критерием наличия у данного гражданина допуска к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенным к государственной тайне; такое решение требует выяснения характера конкретной информации, к которой гражданин имел доступ в рамках своей профессиональной деятельности, и степени ее секретности, а также целей выезда и других обстоятельств, наличие которых позволяет сделать вывод о необходимости применения указанного ограничения; иное означает несоизмеримое конституционно значимым целям, обуславливающим необходимость защиты государственной тайны, ограничение права свободно выезжать за пределы РФ (постановление от 07.06.2012 № 14-П).

В 2013 г. Конституционный Суд разъяснил, что применение недифференцированного по размеру штрафа в случаях, когда сумма первоначально назначенного административного штрафа уже является для привлекаемого к административной ответственности лица весьма обременительной, может приобретать характер чрезмерного административного взыскания; применение в отношении юридического лица значительного по размеру нижнего предела административного штрафа исключает превращение такого административного штрафа из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности (постановление от 17.01.2013 № 1-П).

В том же 2013 г. Конституционный Суд решил, что установление за совершение гражданами и должностными лицами административных правонарушений, связанных с организацией либо проведением публичных мероприятий или иных массовых мероприятий, повлекших нарушение общественного порядка, административных штрафов, нижний предел которых равняется или превышает максимальный размер административного штрафа, предусмотренный КоАП РФ за любые другие административные правонарушения, несоизмеримо – вопреки требованиям статьи 55 (ч. 3) Конституции РФ – ограничивает право частной собственности (постановление от 14.02.2013 № 4-П).

Интересное дело, касающееся определения соразмерности ограничений, было рассмотрено Конституционным Судом в 2016 г. У гражданина Республики Корея Х. в период его нахождения на территории РФ в 2014 г. было выявлено заболевание – инфильтративный туберкулез легких. Х. выехал в Республику Корея для лечения. Пока он находился на лечении в Корее, в отношении него в России было принято решение о нежелательности его пребывания (проживания) в РФ. Согласно медицинскому заключению, выданному 5 января 2015 г. клиникой, в которой проводилось лечение, состояние здоровья Х. признано удовлетворительным, позволяющим вести обычный образ жизни и опасности для окружающих не представляющим. После получения медицинского заключения Х. обратился в Тверской районный суд города Москвы с заявлением об отмене принятого 27 ноября 2014 г. (в период прохождения им лечения в Республике Корея) Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека решения о нежелательности его пребывания

(проживания) в РФ в связи с выявлением у него инфильтративного туберкулеза, отнесенного к инфекционным заболеваниям, представляющим опасность для окружающих. Суд общей юрисдикции не согласился с доводами представителя Х., ссылавшегося на то, что от заболевания, послужившего основанием для вынесения этого решения, заявитель излечился и более источником инфекции не является, и не принял во внимание представленные им медицинские документы. Суд общей юрисдикции решением от 8 июля 2015 г. отказал в удовлетворении заявленных требований и объяснил, что документы, которые могли бы подтвердить правовые основания для отложения обжалуемого решения, заявителем представлены не были и порядок его принятия уполномоченным органом соблюден. Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда апелляционным определением от 28 октября 2015 г. оставила решение суда первой инстанции без изменения и отметила, что выздоровление иностранного гражданина не указывает на незаконность принятия решения о нежелательности его пребывания (проживания) в РФ. В соответствии с российским законодательством иностранные граждане при излечении все равно остаются лишены права на въезд в РФ. В России не предусмотрен механизм, который позволил бы им въехать в РФ для проведения медицинского освидетельствования и в случае установления факта излечения рассчитывать на отмену решения о нежелательности пребывания (проживания) в РФ либо направить в уполномоченный орган исполнительной власти медицинские документы, подтверждающие факт излечения, которые могли бы послужить основанием для пересмотра их статуса как нежелательных для въезда в РФ. Конституционный Суд решил, что отсутствие возможности отмены решения о нежелательности пребывания (проживания) в РФ иностранного гражданина в случае документально подтвержденного факта его излечения в другом государстве создает непреодолимые препятствия для его въезда в РФ; тем самым нарушаются требования справедливости и соразмерности, что, в свою очередь, приводит к необоснованным и непропорциональным ограничениям гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (постановление от 20.10.2016 № 20-П).

В 2019 г. Конституционный Суд постановил, что лишение собственника принадлежащего ему транспортного средства, которое использовалось для перевозки алкогольной продукции, находящейся в незаконном обороте, – притом что сам

собственник этого транспортного средства не был привлечен к административной ответственности за данное административное правонарушение и не был признан в судебном порядке виновным в его совершении – приводит к несоразмерному ограничению прав собственника транспортного средства (постановление от 18.02.2019 № 11-П).

В этом же году Конституционный Суд рассматривал еще одно дело об ограничении права собственности граждан. Гражданка И. В. Янмаева оспаривала в Конституционном Суде РФ конституционность ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 288 и ст. 307 УПК РФ. Суть дела следующая: в 2016 г. несколько лиц были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК РФ, и осуждены за действия, связанные с хищениями денег, принадлежащих вкладчикам жилищно-строительного кооператива. Тем же приговором за потерпевшими признано право на удовлетворение гражданских исков, а вопрос о размере возмещения причиненного им вреда передан на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. При этом сохранен до полного возмещения такого вреда арест, ранее наложенный на ряд имущественных объектов, в том числе на двухкомнатную квартиру в городе Волгограде и автомобиль, право собственности на которые зарегистрировано за И. В. Янмаевой, участвовавшей в уголовном деле как свидетель и не привлекавшейся в качестве обвиняемой, гражданского ответчика или лица, обязанного возместить вред. Вышеуказанные статьи УПК РФ позволяют это делать. Конституционный Суд решил, что сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу означает несоразмерное и необоснованное умаление права собственности, не отвечает конституционным критериям справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод (постановление от 17.04.2019 № 18-П).

Приведенные выше примеры рассмотренных Конституционным Судом дел завершились выводами Суда о несоразмерности установленных ограничений. Но были в практике Конституционного Суда дела, в которых ограничения признавались соразмерными.

В 2013 г. Конституционный Суд оценивал конституционность отдельных положений Гражданского кодекса РФ и пришел к выводу, что правам гражданина, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, должно

быть отдано предпочтение перед интересами владельца использованного для размещения таких сведений сайта, не являющегося средством массовой информации, или иного уполномоченного им на размещение информации лица; возложение на лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалить сведения, признанные судом не соответствующими действительности, обязанности выполнить, как только ему об этом стало известно, необходимые действия (состоящие, по сути, в исполнении вступившего в законную силу судебного решения) не может рассматриваться ни как чрезмерное обременение, ни как несоразмерное ограничение его прав (постановление от 09.07.2013 № 18-П).

Приведенные примеры из практики Конституционного Суда России свидетельствуют о том, что в каждом конкретном случае Суд определяет необходимую меру в ограничении того или иного права (свободы), сопоставляя, взвешивая конституционно признаваемые ценности (с одной стороны – права определенного человека, с другой – права иных лиц, интересы государства, интересы общества), а также оценивая адекватность правовых средств, применяемых для достижения какой-либо конституционно установленной цели (целей) ограничения. Причем выводы, к которым пришел Суд относительно соразмерности или несоразмерности (чрезмерности) ограничения того или иного права, обязательны не только для законодателя, но и в некоторых случаях для правоприменителя. Определенность и ясность, которую вносит Конституционный Суд России в понимание содержания принципа соразмерности, необходима для совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности, затрагивающей права и свободы человека и гражданина.

Результаты

Реализация конституционного принципа соразмерности ограничений в законотворчестве и правоприменении означает, что при установлении и применении ограничений прав и свобод для достижения определенной конституционной цели (целей) должны предусматриваться и использоваться исключительно необходимые в данной ситуации меры (средства).

Принцип соразмерности ограничений является одним из критериев оценки конституционности ограничения любого права или свободы, а также одной из гарантий от произвольных (необоснованных, чрезмерных, неконституционных) ограничений, поскольку предполагает существование определенных границ (пределов, рамок, условий) законотворчества и правоприменения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Государственный фонд занятости населения РФ и в Фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов : постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.1998 № 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 10, ст. 1242.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» : постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.1998 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 18, ст. 2063.
4. По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева : постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2008 № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 30 (ч. 2), ст. 3695.
5. *Гаджиев Г. А.* О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. № 7. С. 56–64.
6. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
7. Конституция в XXI веке : сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 656 с.
8. *Зорькин В. Д.* Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М. : Норма, 2007. 400 с.
9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional

- Law 11-FKZ of 21.07.2014). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
- In the case of checking the constitutionality of certain provisions of Articles 1 and 5 of the Federal Law of February 5, 1997 "On the tariffs of insurance contributions to the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, the State Employment Fund of the Russian Federation and to the Compulsory Medical Insurance Funds for 1997" with complaints from a number of citizens and inquiries from courts. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 7-P of 24.02.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 10, art. 1242 (in Russian).
 - In the case of the constitutionality of certain provisions of the first part of Article 92 of the Constitution of the Republic of Bashkortostan, the first part of Article 3 of the Law of the Republic of Bashkortostan "On the President of the Republic of Bashkortostan" (as amended on August 28, 1997) and articles 1 and 7 of the Law of the Republic of Bashkortostan "On the Election of the President of the Republic Bashkortostan". Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 12-P of 27.04.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 18, art. 2063 (in Russian).
 - In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 82 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. V. Kostyleva. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 9-P of 16.07.2008. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2008, no. 30 (2), art. 3695 (in Russian).
 - Gadzhiev G. A. On the principle of proportionality and constitutional cassation. *Sud'ya* [Judge], 2019, no. 7, pp. 56–64 (in Russian).
 - On the application of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 and the Protocols thereto by the courts of general jurisdiction. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 21 of 27.06.2013. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 8 (in Russian).
 - Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye*. Otv. red. V. E. Chirkin [V. E. Chirkin (ans.ed.) Constitution in the XXI Century: Comparative Legal Research]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2011. 656 p. (in Russian).
 - Zorkin V. D. *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke. Vzglyad s Il'inki* [Russia and the Constitution in the XXI Century. View from Ilyinka]. Moscow, Norma Publ., 2007. 400 p. (in Russian).
 - Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. 4th ed., rev.]. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.10.2020, после рецензирования 22.10.2020, принята к публикации 27.10.2020
Received 15.10.2020, revised 22.10.2020, accepted 27.10.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 92–99
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 92–99

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-92-99>

Проблемы реализации права на использование морских биоресурсов коренными народами Российского Севера

Е. Л. Власова¹, О. В. Устьянцева² ✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29

Власова Елена Леонидовна, кандидат химических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права, elenavlasova777@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1998-425X>

Устьянцева Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин, ovust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1624-0370>

Аннотация. Введение. Коренные малочисленные народы Севера Российской Федерации получили конституционно-правовой статус, в силу которого имеют особые гарантии, в том числе приоритетный доступ к ресурсам водных экосистем. Некоторые виды морских млекопитающих, находящиеся под особым статусом охраны, разрешены для добычи коренным народам Русского Севера в целях ведения традиционного образа жизни. **Теоретический анализ.** Добыча и коммерциализация водных гидробионтов, использование их в качестве пищевых продуктов, лечебных средств, предметов бытового обихода порождают негативные последствия для состояния запасов биоресурсов и способствуют социальной деградации коренных народов Севера. **Эмпирический анализ.** Применяемая ранее стратегия сохранения коренных народов Севера усиливала кризисное состояние малых этнических групп, способствовала незаконной добыче водных биоресурсов. Сегодня государство совершенствует механизм учета КМН для реализации ими своих социальных и экономических прав, обращает внимание на необходимость соблюдения принципа сочетания прав и обязанностей при осуществлении морского зверобойного промысла. **Результаты.** Морские животные сопровождают жизнь коренных малочисленных народов Севера: составляют основу белкового типа питания, используются в этномедицине, позволяют выражать культурный потенциал через художественный промысел и виды традиционной деятельности. Морской зверобойный промысел истощает запасы природных ресурсов водных экосистем, влияет на распространение зоонозных патогенов, способствует развитию нелегальной торговли морскими животными и(или) их частями, обостряет проблему климатических изменений. Последние изменения законодательства свидетельствуют о пересмотре государством отношения к водным биоресурсам на основе современного развития коренных народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, морские млекопитающие

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00282).

Для цитирования: Власова Е. Л., Устьянцева О. В. Проблемы реализации права на использование морских биоресурсов коренными народами Российского Севера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 92–99. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-92-99>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-92-99>

Problems of realization of the right to use marine bioresources by the indigenous peoples of the Russian North

Elena L. Vlasova¹, elenavlasova777@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1998-425X>

Olga V. Ustyantseva² ✉, ovust@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1624-0370>

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm 614990, Russia

Abstract. Introduction. The indigenous small-numbered peoples of the North of the Russian Federation received constitutional and legal status, due to which they have special guarantees, including priority access to the resources of aquatic ecosystems. The indigenous peoples

of the Russian North are allowed to catch some species of mammals, which are under a special protection status, in order to maintain their traditional way of life. **Theoretical analysis.** Catching and commercialization of aquatic organisms, their use as food products, medicinal products, and household items generate negative consequences for biological resources and contribute to the social degradation of the indigenous peoples of the North. **Empirical analysis.** The previously applied strategy of preserving the indigenous peoples of the North intensified the crisis of small ethnic groups and contributed to the illegal extraction of aquatic biological resources. Today, the state is improving the mechanism for registering indigenous peoples for the exercise of their social and economic rights, draws attention to the need to comply with the principle of combining rights and obligations in the implementation of marine animal hunting. **Results.** Marine animals are an integral part the life of indigenous peoples of the North: they form the basis of the protein type of nutrition, are used in ethnomedicine, and allow to express the cultural potential through artistic craft and types of traditional activities. Marine hunting depletes natural resources of aquatic ecosystems, affects the spread of zoonotic pathogens, contributes to the development of illegal trade in marine animals and (or) their parts, exacerbates the problem of climate change. Recent changes in legislation indicate that the state is revising its attitude to aquatic biological resources based on the modern development of the indigenous peoples of the North.

Keywords: indigenous peoples of the North, marine mammals, Commissioner for the rights of indigenous peoples

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-011-00282).

For citation: Vlasova E. L., Ustyantseva O. V. Problems of realization of the right to use marine bioresources by the indigenous peoples of the Russian North. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 92–99 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-92-99>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Защита прав и свобод человека и гражданина в силу конституционных установок является обязанностью правового государства. В ч. 3 ст. 5 Основного закона установлен режим равноправия народов в Российской Федерации, однако коренные малочисленные народы РФ (далее – КМН) получили конституционно-правовой статус, в силу которого имеют особые гарантии [1]. Места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН охватывают территории субъектов Российской Федерации, расположенных преимущественно в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Н. Н. Аверьянова справедливо отмечает, что «установление специальной конституционной правосубъектности необходимо для гарантированности отдельных прав для некоторых народов России, их законодательного закрепления» [2, с. 43]. Действующая государственная программа РФ «Реализация государственной национальной политики» включает:

– подпрограмму 2 «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России», направленную на укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации;

– подпрограмму 4 «Коренные малочисленные народы Российской Федерации», направленную на обеспечение поддержки коренных малочисленных народов Российской Федерации, включая сохранение и защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни [3].

В качестве ожидаемых результатов реализации подпрограмм разработчики выделили увеличение количества участников соответствующих

мероприятий. Дополнительно в подпрограмме 4 ожидается: во-первых, увеличение доли граждан из числа КМН Российской Федерации, удовлетворенных качеством реализуемых мероприятий по поддержке экономического и социального развития КМН Российской Федерации; во-вторых, оценка удовлетворенности мероприятиями (исключительно на основе мнения опрошенных лиц, относящихся к КМН РФ). В приложениях 6 и 7 к рассматриваемой Государственной программе РФ установлены Правила, определяющие условия, цели, порядок распределения и предоставления ресурсов федерального бюджета по подпрограммам 2 и 4. Применительно к развитию российской нации определены расплывчатые цели субсидирования – реализация мероприятий по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России. Субсидии для КМН определены более конкретно. Так, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМН предусмотрено развитие инфраструктуры и информационно-коммуникационных ресурсов, образования, культуры, экономики традиционных отраслей хозяйствования КМН. Участие многонационального народа РФ в обеспечении благополучия и процветания России предопределено в преамбуле к Конституции РФ. Нарушая принцип равноправия народов, подобный подход может способствовать обострению антитезы «мы – они» в разных сферах, в том числе применительно к доступу к природным ресурсам, являющимся национальным достоянием.

Теоретический анализ

В 1998 г. Конституционный Суд Российской Федерации указал на установление специально-

го правового режима в отношении публичного достояния многонационального народа России [4]. Законодатель относит к национальному достоянию особо охраняемые природные территории [5], природные лечебные ресурсы, лечебно-оздоровительные местности и курорты [6]. Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» в ст. 1 определяет природные лечебные ресурсы, такие как минеральные воды, лечебные грязи, рапа лиманов и озер, лечебный климат, другие природные объекты и условия, используемые для лечения и профилактики заболеваний и организации отдыха. Наличие в составе природных лечебных ресурсов «других природных объектов» не исключает использования объектов животного мира в качестве таковых, разумеется, на законной основе их добычи. Использование диких животных экосистем наземного и водного типа в качестве лекарственных средств и распространение народной медицины зависит от природно-географического и исторического фактора, имеет значимость для экологического баланса, культурных традиций, экономики и здравоохранения.

В 2001 г. Всемирная организация здравоохранения определила Стратегию ВОЗ в области народной медицины 2002–2005 гг. [7], согласно которой народная медицина включена в состав традиционной медицины и объединяет традиционную китайскую медицину, индийскую аюрведу, арабскую медицину унани и различные формы медицины коренных народов. Терапии народной медицины могут охватывать медикаментозные терапии – в том случае, если предполагают использование лекарственных средств растительного происхождения, анатомические части животных и/или минералы. Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. ориентирует на интеграцию народной и дополнительной медицины в национальные системы. В рассматриваемом документе уточнены некоторые определения: «народная медицина» – это знания, навыки и практики, которые основаны на теориях, верованиях и опыте коренных народов и представителей различных культур, независимо от того, можем мы их объяснить или нет, и используются для поддержания здоровья, а также для профилактики, диагностики, улучшения состояния или лечения при физических и психических расстройствах; «продукция народной и дополнительной медицины» – это лекарственные травы и их производные; препараты растительного происхождения и конечные продукты переработки растений, содержащие элементы растений;

другие материалы растительного происхождения или сочетания их активных веществ [8, с. 31].

Конвенция ООН «О правах коренных народов», не поддержанная Россией, в ст. 24 устанавливает, что коренные народы, наряду с доступом ко всем видам медицинского обслуживания, также имеют право на свою традиционную медицину и на сохранение своей практики врачевания, включая сохранение важнейших лекарственных растений, животных и минералов [9]. Российская национальная система здравоохранения основана на аллопатической медицине. Вместе с тем законодатель не отрицает возможности применения народной медицины, но исключает ее из программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в ст. 50 раскрывает понятие «народная медицина» [10]. Народной медициной являются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья (кроме услуг оккультно-магического характера и совершения религиозных обрядов). Категория «здоровье» занимает особое место в системе ценностей человека, охраняется государством, и вполне логичным является законодательное требование о необходимости получения разрешения для занятия народным целительством, выдаваемое органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья. В связи с этим в литературе отмечают, что «право представителей коренных малочисленных народов на осуществление народной медицины достаточно ограничено, так как для этого необходимо получать соответствующее разрешение и иметь поддержку, как минимум, медицинской профессиональной некоммерческой организации» [11, с. 23]. Позволим себе не согласиться с таким утверждением. Представители КМН – не единственная этническая общность, обладающая уникальными медицинскими практиками. Обращаясь к реестру выданных разрешений на занятие народной медициной по субъектам Российской Федерации, можно заметить легализацию целителей, представляющих различные народы [12]. Следовательно, КМН не ограничены в распространении своей исконной медицины, основой которой нередко выступают некоторые виды морских млекопитающих, являющиеся исчезаемыми видами животных и находящиеся под особым охраняемым статусом.

Среди объектов дикой природы, нелегально перемещаемых, С. Н. Ляпустин и Ю. А. Тютю-

ненко выделяют «продукцию морских млекопитающих, применяемую в легкой и пищевой промышленности (шкур, мясо); части морских млекопитающих и дериваты, применяемые в традиционной восточной медицине; сувенирная продукция и изделия традиционных народных промыслов коренных народов Камчатки, Чукотки, Сахалина, изготовленная из частей морских млекопитающих» [13, с. 89]. Представляется верным говорить о сложности для представителей КМН соблюдать требования, установленные законом (получение статуса народного целителя, подтверждение безопасности пищевой и лечебной этнопродукции и проч.). Кроме того, в литературе отмечается проблема социального иждивенчества КМН Севера. По мнению Д. А. Трубицына, «органами внутренних дел ежегодно фиксируются десятки преступлений, связанных с незаконной добычей водных биоресурсов, совершенных нетрудоустроенными, ведущими асоциальный образ жизни коренными жителями, являющимися получателями льгот и пособий. При этом незаконный вылов рыбы такими лицами осуществляется не в целях обеспечения себя питанием, а для извлечения нетрудовых доходов, так как объекты незаконного промысла имеют высокую ликвидность» [14, с. 126]. В подобных случаях уместно подключать дополнительные ресурсы, предусмотренные законодательством, для информационно-консультационной поддержки и правового просвещения КМН Севера в целях предупреждения совершения правонарушений.

Незаконная добыча морских млекопитающих негативно отражается на видовом разнообразии животных, скрывает опасность распространения многочисленных заболеваний. Этномедицинские препараты животного происхождения следует рассматривать как угрозу передачи человеку заболевания от дикого животного. Так, изучается возможная взаимосвязь COVID-19 с зоонозным патогеном диких летучих мышей [15, р. 1]. Объекты дикой природы не проходят санитарный контроль и представляют опасность для здоровья человека. Новой проблемой осени 2020 г. стала мутация вируса. Опасность циркуляции возбудителей болезней от одних видов животных к человеку, а затем обратно к животным других видов приобрела явные формы, хотя уже в апреле 2020-го было определено около 40 видов животных, к которым потенциально вирус мог перейти, среди них были морские млекопитающие [16]. Этническая кухня также способна нанести вред здоровью человека. Употребление в пищу мяса морских зверей, не прошедшего термическую обработку, несет необратимые потери. Так, в

2008 г. в Чукотском автономном округе было зарегистрировано 8 случаев трихинеллеза, связанных с употреблением мяса моржа в вяленом виде, трое из числа заболевших умерли [17, с. 59]. Специалисты-паразитологи отмечают широкое распространение различных форм гельминтозов у коренных народов [18]. Таким образом, использование и коммерциализация водных гидробионтов в качестве пищевых продуктов, лечебных средств, предметов бытового обихода охватывает культурные, социально-экономические аспекты и имеет последствия для сохранения видового разнообразия, особенно в отношении наиболее активно эксплуатируемых видов морских животных – истощение природных ресурсов водных экосистем, распространение зоонозных патогенов, развитие нелегальной торговли морскими млекопитающими и(или) их частями.

Эмпирический анализ

Многочисленные нарушения законодательства, связанные с неверной трактовкой норм представителями КМН Севера, направляют законодателя по пути устранения правовых пробелов. Теперь, с учетом поправок, внесенных в Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», определен механизм учета КМН для целей реализации ими своих социальных и экономических прав (ст. 7.1) [19]. Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» определяет коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации как народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [20]. Соответственно, лица, не обитающие в местах традиционного проживания, не ведущие традиционную хозяйственную деятельность и традиционные промыслы (хотя бы в форме подсобного вида деятельности – ст. 3), не могут претендовать на льготы, предоставляемые КМН. Это положение, призванное способствовать практике единообразного применения льгот для коренных народов Севера, проживающих, хоть и в генетически привычных, но, безусловно, сложных условиях жизни, является положительным с точки зрения сохранения природных богатств. Любые схемы по использованию квот коренных

народов в интересах лиц, не являющихся таковыми, не соответствуют природе льгот и закону.

Дискуссионным остается вопрос о ведении традиционной хозяйственной деятельности КМН. В Перечне видов их определено 13, в том числе морской зверобойный промысел [21]. Для реализации окружной целевой программы «Развитие морского зверобойного промысла и переработки сырья, сбора и переработки дикоросов в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Корякского автономного округа на 2008 год» [22] было предусмотрено почти 25 млн рублей, в том числе на приобретение мотолодок с навесными моторами, оборудования для выделки шкур морского зверя, другой техники и оборудования. «Как считают в Министерстве по делам Корякского округа, принятая целевая программа о развитии зверобойного промысла положительным образом должна повлиять на сохранение культуры и традиционного способа хозяйствования коренных малочисленных народов Севера» [23]. Полагаем, использование современных технических средств для организации морского зверобойного промысла не соответствует традиционным способам ведения деятельности и должно быть отражено в законе.

Запрет китобойного промысла в нашей стране не распространяется на традиционный образ жизни коренных народов. Коренному населению Чукотки разрешено добывать серых и гренландских китов. В соответствии с решением Международной китобойной комиссии (МКК) установлен объем добычи китов – до 140 серых и 5 гренландских китов. Однако фактические объемы добычи не известны. Объединения КМН нередко занижают данные улова. Так, прокуратурой Иульгинского района Чукотского АО установлено, что в период 2017–2019 гг. одной из общин КМН Севера было добыто 8 особей серого кита без направления сведений в Росприроднадзор [24].

Для водных экосистем киты представляют значимость, участвуя в обороте органических веществ и животных сообществ. Результаты последних исследований зарубежных специалистов выявляют особую роль китов по депонированию углерода [25]. Концепция экосистемных услуг позволяет иначе оценивать ресурсы природной среды. Киты и крупные морские животные являются всеобщим благом и способны принести пользу человечеству, чем просто быть индикатором идентичности коренного народа. Государственный приоритет видится в интеграции коренных народов Севера в современное общественное развитие. Так, еще до 2009 г. в нашей стране легально существовал бельковый

промысел. Уменьшение беломорской популяции гренландского тюленя и варварский, хоть и традиционный, способ забоя новорожденных тюленей вызвали активность зоозащитников и установление абсолютного запрета на бельковый промысел. Правительство Российской Федерации выделило финансовые средства для реализации программы занятости и переобучения населения. С. Н. Бобылев и В. М. Захаров называют это событие «одним из первых реальных прецедентов в России по компенсации экосистемных услуг местному населению (охотникам и рыбакам), связанным с сохранением биоразнообразия в акватории Белого моря» [26, с. 36].

Применяемая до недавнего времени стратегия сохранения КМН показала свою несостоятельность. Система льгот и пособий, лояльность властных структур создают иллюзию о некоем привилегированном положении, вынуждают КМН Севера поддерживать свою уникальность, находиться в изоляции от общественного развития, продолжать движение по замкнутому кругу. Стратегия стагнации КМН Севера могла быть полезной структурам, осваивающим ресурсы территорий, которые одновременно являются и местом жизнедеятельности КМН Севера, и достоянием многонационального народа Российской Федерации. Сегодня Российское государство предлагает коренным народам модернизировать свой традиционный уклад жизни, например, развивая этнотуризм и экологический туризм в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности [27].

Результаты

Для мирового сообщества, несомненно, важным условием, способствующим обогащению цивилизационной культуры, является сохранение уникальных арктических народов, их идентичность, которая раскрывается в образе жизни, культурных традициях, собственном языке, хозяйственном промысле. Морские животные сопровождают современную жизнь малочисленных коренных народов Севера: составляют основу белкового типа питания, используются в этномедицине, позволяют выражать культурный потенциал через художественный промысел и виды традиционной деятельности. Однако их запас ограничен; для сохранения и восстановления численности многих популяций требуется финансирование научных исследований. Зверобойный промысел морских млекопитающих истощает запасы природных ресурсов водных экосистем, влияет на распространение зоонозных патогенов, способствует развитию нелегальной торговли морскими животными и(или) их ча-

стями, обостряет проблему изменения климата. Законодатель закрывает доступ к природным ресурсам для лиц, не являющихся КМН Севера, правоприменитель ориентирует на соблюдение требований законодательства. Следует отметить пересмотр стратегии и смещение акцента на устойчивое развитие КМН. Российское государство, признавая зависимость коренного населения Севера от природных ресурсов, составляющих основу их социально-экономической и культурной жизни, открывает новые горизонты: повышение образовательного уровня, приобретение новых навыков, вовлеченность в новые направления экономической жизни и мировые процессы. Это позволит улучшить благосостояние КМН Севера, сохранить культурное богатство и видовое биоразнообразие экосистем.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4202 ; 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
2. *Аверьянова Н.Н.* Конституционная правосубъектность «народа» как обладателя права на землю // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 38–44. DOI: 10.12737/article_58e39ece7da9f3.15612606
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»: постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 31.03.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 2 (ч. 1), ст. 361 ; 2020. № 15 (ч. 2), ст. 2255.
4. По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 3, ст. 429.
5. Об особо охраняемых природных территориях : федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 12, ст. 1024 ; 2020. № 31 (ч. 1), ст. 5013.
6. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах : федер. закон от 23.02.1995 № 26-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 9, ст. 713 ; 2013. № 52 (ч. 1), ст. 6971.
7. Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2002–2005 гг. // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: https://www.who.int/publications/list/who_edm_trm_2001_1/ru/ (дата обращения: 01.01.2020).
8. Стратегия ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int> (дата обращения: 01.01.2020).
9. Резолюция № 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» (2007 г.) // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 01.01.2020).
10. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. 48, ст. 6724 ; 2020. 31 (ч. 1), ст. 5062.
11. *Молчанов Б. А., Мамедов С. Н., Задорин М. Ю.* Об отдельных вопросах охраны «этнических» и «культурных» прав коренных малочисленных народов Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 4 (30). С. 19–27.
12. Министерство здравоохранения Республики Башкортостан : [сайт]. URL: <https://health.bashkortostan.ru/activity/20069/> (дата обращения: 01.01.2020).
13. *Ляпустин С. Н., Тютюненко Ю. А.* Морские млекопитающие Дальнего Востока : незаконный промысел и контрабанда // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 3. С. 87–93.
14. *Трубицын Д. А.* Социальное иждивенчество в системе детерминант преступности (на примере преступности коренных малочисленных народов Крайнего Севера Ямало-Ненецкого автономного округа) // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 121–128.
15. Preventing future pandemics of zoonotic origin by combating wildlife crime : Protecting global health, security and the economy : A report. URL: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/Wildlife_trafficking_COVID_19_GPWLFC_public.pdf (дата обращения: 01.01.2020).
16. Что такое «вирусный перескок» и как его избежать? // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/interview/2020/11/1391272> (дата обращения: 01.01.2020).
17. *Букина Л. А., Полетаева О. Г.* Современная эпидемическая ситуация по трихинеллезу на территории Чукотского района Чукотского автономного округа // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2011. № 6. С. 58–62.
18. *Бобырева Н. С., Щитина Л. С., Дегтева Г. Н.* Видовой состав паразитов и степень их распространенности в Ненецком автономном округе // Экология человека. 2013. № 10. С. 20–25.
19. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30.04.1999. № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18, ст. 2208 ; 2020. № 29, ст. 4504.
20. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 30, ст. 3122.
21. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности

- коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р (ред. от 29.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20, ст. 2493 ; 2018. № 4, ст. 643.
22. Об окружной целевой программе «Развитие морского зверобойного промысла и переработки сырья, сбора и переработки дикоросов в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Корякского автономного округа на 2008 год» : постановление Губернатора Корякского автономного округа от 10.04.2007 № 215. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460122669> (дата обращения: 01.01.2020).
23. Камчатский край : развитие морского зверобойного промысла. URL: <https://fishretail.ru/news/kamchatskiy-kray-razvitie-morskogo-zveroboynogo-promisla-100783> (дата обращения: 01.01.2020),
24. Прокуратура Чукотского автономного округа : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_87/mass-media/news?item=44004540 (дата обращения: 01.01.2020).
25. Chami R., Cosimano T., Fullenkamp C., Oztosun S. Nature's solution to climate change // Finance & Development. 2019. Vol. 56, № 4. P. 35–38.
26. Бобылев С. Н., Захаров В. М. Экосистемные услуги и экономика. М. : ООО «Типография ЛЕВКО», Институт устойчивого развития / Центр экологической политики России, 2009. 72 с.
27. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 876.
4. In the case of checking the constitutionality of the Forest code of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1-P of 09.01.1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 3, art. 429 (in Russian).
5. On specially protected natural territories. Federal Law 33-FZ of 14.03.1995 (an edition of 31.07.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 12, art. 1024; 2020, no. 31 (pt. 1), art. 5013 (in Russian).
6. On natural healing resources, health-improving areas and resorts. Federal Law 26-FZ of 23.02.1995 (an edition of 28.12.2013) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 9, art. 713; 2013, no. 52 (pt. 1), art. 6971 (in Russian).
7. The WHO Traditional Medicine Strategy 2002–2005. *World Health Organization. Site*. Available at: https://www.who.int/publications/list/who_edm_trm_2001_1/ru/ (accessed 1 January 2020) (in Russian).
8. The WHO Traditional Medicine Strategy 2014–2023. *World Health Organization. Site*. Available at: <https://www.who.int> (accessed 1 January 2020) (in Russian).
9. United Nations General Assembly Resolution no. 61/295 “United Nations Declaration on the rights of indigenous peoples” (2007). *United Nations. Site*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed 1 January 2020) (in Russian).
10. On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation. Federal Law 323-FZ of 21.11.2011 (an edition of 31.07.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2011, no. 48, art. 6724; 2020, no. 31 (pt. 1), art. 5062 (in Russian).
11. Molchanov B. A., Mamedov S. N., Zadorin M. Yu. Indigenous Numerically Small Peoples of the Russian Federation: On Some Issues of Their “Ethnic” and “Cultural” Rights Protection. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2015, iss. 4, pp. 19–27 (in Russian).
12. *Ministerstvo zdravookhraneniya Respubliki Bashkortostan* (Ministry of health of the Republic of Bashkortostan. Site). Available at: <https://health.bashkortostan.ru/activity/20069/> (accessed 1 January 2020) (in Russian).
13. Lyapustin S. N., Tyutyunenkov Yu. A. Marine mammals of the Far East: Illegal fishing and smuggling. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs Policy of Russia in the Far East], 2007, no. 3, pp. 87–93 (in Russian).
14. Trubitsyn D. A. Social dependency in the system of determinants of crime (On the example of crime of indigenous small-numbered peoples of the Far North of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2015, no. 4, pp. 121–128 (in Russian).
15. Preventing future pandemics of zoonotic origin by combating wildlife crime: Protecting global health, security and the economy: A report. Available at: <https://www.>

- unodc.org/documents/Advocacy-Section/Wildlife_trafficking_COVID_19_GPWLFC_public.pdf (accessed 1 January 2020).
16. What is a "virus jump" and how to avoid it? *The United Nations. Site*. Available at: <https://news.un.org/ru/interview/2020/11/1391272> (accessed 1 January 2020) (in Russian).
 17. Bukina L. A., Poletaeva O. G. Modern epidemic situation on trichinosis in the territory of the Chukotka district of the Chukotka Autonomous Okrug. *Agrarnaia Nauka Evro-Severo-Vostoka* [Agrarian Science of the Euro-North-East], 2011, no. 6, pp. 58–62 (in Russian).
 18. Bobyreva N. S., Shchipina L. S., Degteva G. N. Species composition of parasitoses and the degree of their prevalence in the Nenets Autonomous Okrug. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2013, no. 10, pp. 20–25 (in Russian).
 19. On guarantees of the rights of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation. Federal law 82-FZ of 30.04.1999 (an edition of 13.07.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 18, art. 2208; 2020, no. 29, art. 4504 (in Russian).
 20. On the General principles of organizing communities of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Federal Law 104-FZ of 20.07.2000. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2000, no. 30, art. 3122 (in Russian).
 21. On approval of the list of places of traditional residence and traditional economic activities of indigenous minorities of the Russian Federation and the list of types of traditional economic activities of indigenous minorities of the Russian Federation. Decree of the Government RF no. 631-R of 08.05.2009 (an edition of 29.12.2017).
 22. On the regional target program "Development of marine animal hunting and processing of raw materials, collection and processing of wild plants in places of traditional residence of indigenous peoples of the Koryak Autonomous Okrug for 2008". Resolution of the Governor of the Koryak Autonomous Okrug no. 215 of 10.04.2007. Available at <http://docs.cntd.ru/document/460122669> (accessed 1 January 2020) (in Russian).
 23. *Kamchatskiy krai: razvitie morskogo zveroboinogo promysla* (Kamchatka Krai: Development of Marine Fishery). Available at: <https://fishretail.ru/news/kamchatskiy-kray-razvitie-morskogo-zveroboynogo-promisla-100783> (accessed 1 January 2020) (in Russian).
 24. *Prokuratura Chukotskogo avtonomnogo okruga* (Prosecutor's Office of the Chukotka Autonomous Okrug. Site). Available at https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_87/mass-media/news?item=44004540 (accessed 1 January 2020) (in Russian).
 25. Chami R., Cosimano T., Fullenkamp C., Oztosun S. Nature's solution to climate change. *Finance & Development*, 2019, vol. 56, no. 4, pp. 35–38.
 26. Bobylev S. N., Zakharov V. M. *Ekosistemnye uslugi i ekonomika* [Ecosystem Services and Economics]. Moscow, OOO "Tipografiya Levko", Institut ustoichivogo razvitiya / Tsentr ekologicheskoi politiki Rossii, 2009, 72 p. (in Russian).
 27. On the Concept of sustainable development of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation no. 132-R of 04.02.2009. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2009, no. 7, art. 876 (in Russian).

Поступила в редакцию 25.10.2020, после рецензирования 05.11.2020, принята к публикации 09.11.2020

Received 25.10.2020, revised 05.11.2020, accepted 09.11.2020

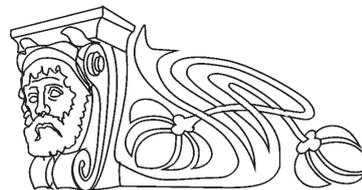
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 100–105
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 100–105

Научная статья

УДК 342.722

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-100-105>

К вопросу о конституционном статусе лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации

А. Д. Безуглов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Безуглов Андрей Дмитриевич, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, andreibezuglov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-5106>

Аннотация. Введение. Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами России, прямо связан с их политическими, социальными, личными и экономическими правами и свободами. В связи этим возникает проблема правильного определения статуса лиц, не обладающих гражданством России, которая обусловлена тем обстоятельством, что в законодательстве содержится множество положений, охватывающих совокупность правоотношений, связанных со статусом иностранного гражданина и лица без гражданства, где личные и социальные права лица не зависят от принадлежности к гражданству другого государства.

Теоретический анализ. В статье рассматривается содержание конституционного статуса неграждан на территории России. Из содержания первой главы Конституции РФ следует, что понятие личности включает в себя любое лицо, являющееся как гражданином, так и иностранным гражданином, или лицом без гражданства, следовательно, права и обязанности, установленные в отношении личности, распространяются как на граждан государства, так и на неграждан. **Эмпирический анализ.** На примере анализа прав, гарантированных Конституцией РФ, делается вывод о том, что они не связаны с гражданством и касаются всех людей, живущих на территории государства. Неграждане должны обладать закрепленной на конституционном уровне равной возможностью защиты своих прав в случае их нарушения посредством обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Результаты. Неграждане пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ с учетом особенностей и ограничений, установленных федеральными законами и международными договорами. Закрепление в российском законодательстве единого термина «лицо, не обладающее гражданством Российской Федерации» способно привести к исключению многозначности понятия «иностранец», а также объединит понятия «иностранец», «лицо без гражданства», «беженец» в одну категорию, что позволит создать более унифицированное законодательство для данной категории лиц и, таким образом, будет способствовать более эффективной защите их прав и свобод.

Ключевые слова: лица, не являющиеся гражданами РФ, конституционный статус неграждан, иностранцы, лица без гражданства, национальный режим

Для цитирования: Безуглов А. Д. К вопросу о конституционном статусе лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 100–105. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-100-105>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-100-105>

Constitutional status of persons who are not citizens of the Russian Federation

Andrei D. Bezuglov, andreibezuglov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7691-5106>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. Introduction. The constitutional and legal status of persons who are not citizens of Russia is directly related to their political, social, personal and economic rights and freedoms. This raises the problem of correctly determining the status of persons who do not have Russian citizenship due to the fact that the legislation contains many provisions covering the totality of legal relations related to the status of a foreign citizen and a stateless person, where the personal and social rights of a person do not depend on his / her citizenship of another state. **Theoretical analysis.** The article examines the content of the constitutional status of non-citizens on the territory of Russia. It follows from the content of the first chapter of the Constitution of the Russian Federation that the concept of personality includes any person who is both a citizen and a foreign citizen, or a stateless person, therefore, the rights and obligations established in relation to a person apply to non-citizens. **Empirical analysis.** The analysis of many rights guaranteed by the Constitution of the Russian Federation revealed that they

are not related to citizenship and apply to all people, therefore, non-citizens should have the ability, enshrined at the constitutional level, to protect their rights in case of their violation by contacting state bodies and local self-government bodies. **Results.** Non-citizens enjoy the rights and bear obligations on the equal basis with the citizens of the Russian Federation, taking into account the peculiarities and restrictions established by federal laws and international treaties. There is a promising opportunity to improve Russian legislation by identifying an independent term of “non-citizens”, which will unite foreign citizens and stateless persons in order to implement comprehensive legal regulation for this category of persons.

Keywords: persons who are not citizens of the Russian Federation, the constitutional status of non-citizens, foreigners, stateless persons, national regime

For citation: Bezuglov A. D. Constitutional status of persons who are not citizens of the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 100–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-100-105>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами России, прямо связан с их политическими, социальными, личными и экономическими правами и свободами. Конституция Российской Федерации закрепляет принципы, которые определяют правовое положение личности в российском обществе, что выражено такой основой конституционного строя, как приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Из содержания первой главы Конституции РФ следует, что понятие личности включает в себя любое лицо, являющееся как гражданином, так и иностранным гражданином, или лицом без гражданства, следовательно, права и обязанности, установленные в отношении личности, распространяются на неграждан.

Как отмечал М. В. Пресняков: «Конституционно-правовой статус личности не ограничивается каким-то базовым набором основных конституционных прав, но охватывает всю совокупность субъективных прав лица, вытекающих из универсального принципа “разрешено все, что не запрещено”. С этой точки зрения можно говорить о синонимичности и тождественности понятий “правовой статус лица” и “конституционно-правовой статус личности”» [1, с. 18].

Содержание конституционно-правового статуса неграждан распространяется не только на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории России, но и на граждан бывших республик СССР, а также на лиц, обладающих статусом беженцев.

Особая важность правильного определения статуса лиц, не обладающих гражданством России, обусловлена тем обстоятельством, что в законодательстве содержится множество положений, охватывающих совокупность правоотношений, связанных со статусом иностранного гражданина и лица без гражданства, где личные и социальные права лица не зависят от принадлежности к гражданству другого государства.

Теоретический анализ

В действующем национальном и международном праве для обозначения неграждан зачастую используется определение «иностранец», которое, в свою очередь, имеет различное содержание в зависимости от источников. В результате разделяют акты законодательства на те, в которых под «иностранцами» понимают неграждан, и те, в которых под «иностранцами» понимают исключительно граждан зарубежных стран, что зачастую приводит к нарушениям в деятельности должностных лиц и правоприменительных органов.

Так, во Всеобщей декларации прав человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, термин «иностранец» означает любое лицо, не являющееся гражданином государства, в котором оно находится [2].

В Соглашении о сотрудничестве пограничных войск в сфере пограничного контроля в пунктах пропуска через границы государств-участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество, термин «иностранец» определяется как гражданин третьего государства, лицо без гражданства [3].

Для того чтобы определить, какой конституционно-правовой статус имеют неграждане в современной России, необходимо уяснить содержание данного термина.

Первое появление в российском праве термина «иностранец» относится к периоду правления Петра I. А. М. Тесленко отмечает, что в 1890 г. в соответствии с законом под категорию иностранцев подпадали лица, принявшие присягу на верность России, притом что формально уже являлись русскими гражданами. В то же время отсутствовал регламентированный порядок выдачи вида на жительство иностранцам, которые были рождены на территории России, в результате чего данный вопрос решался с помощью подзаконных актов [4].

В советское время вопросы, связанные с правовым положением иностранцев в СССР, изучались специалистами, которые уделяли особое внимание рассмотрению прав и обязанностей иностранцев, при этом вплоть до 1981 г. в СССР не был принят закон о правовом положении иностранцев. Поэтому важное место в регулировании данного вопроса занимали Конституция СССР 1936 г., Закон о гражданстве СССР 1938 г., Положение о политических эмигрантах в СССР 1961 г., Правила проживания иностранцев и лиц без гражданства в СССР 1962 г. и др. [5].

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 18 Конституции РФ 1993 г. права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

В соответствии со ст. 33 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [6], между тем, во избежание нарушений прав неграждан на практике, данная норма подлежит расширенному толкованию, в результате чего распространяет свое действие и на неграждан.

Кроме того, порядок рассмотрения обращений граждан и неграждан регулируется ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», где указано, что положения данного Закона распространяются на все обращения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства за исключением обращений, которые подлежат рассмотрению в ином порядке [7].

Эмпирический анализ

Стоит отметить, что многие права, гарантированные Конституцией РФ, не связаны с гражданством и касаются всех людей, ввиду чего неграждане должны обладать закрепленной на конституционном уровне возможностью защиты прав в случае их нарушения посредством обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

По нашему мнению, на сегодняшний день имеется необходимость в закреплении на законодательном уровне термина «лицо, не обладающее гражданством Российской Федерации», где правовое состояние, в котором находится такое лицо, можно охарактеризовать как «вне гражданства», а самих лиц «неграждане».

В действующем законодательстве подобная терминология не используется. Между тем в п. 2 ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» содержится следующая формулировка: «В целях настоящего закона понятие “иностранный гражданин” включает в себя понятие “лицо без гражданства”...» [8]. Кроме того, данное понятие используется в международных договорах, например, в Европейской конвенции о гражданстве ETS № 166 от 06.11.1997 года и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 07.03.1966 года термин «неграждане» используется наравне с терминами «граждане» и «лица без гражданства».

Закрепление единого термина «лицо, не обладающее гражданством Российской Федерации» способно привести к исключению многозначности понятия «иностранец», а также объединит понятия «иностранный гражданин», «лицо без гражданства», «беженец» в одну категорию, что позволит создать более унифицированное законодательство для данной категории лиц.

Как известно, на территории России действует национальный режим, в соответствии с которым иностранные граждане и лица без гражданства равны с гражданами РФ в правах и обязанностях, при этом наиболее полное действие указанного режима осуществляется при регулировании личных прав и свобод, принадлежащих всем людям.

Как отмечает М. А. Янц, национальный режим стирает различия в сфере обладания правами, свободами и обязанностями иностранными и собственными гражданами, в связи с чем выделение национального режима в качестве специального принципа конституционно-правового статуса иностранцев является необходимым [9]. Считаю целесообразным согласиться с мнением М. А. Янц и распространить приведенное утверждение не только в отношении иностранцев, но и на всех неграждан в целом.

Так, из ч. 3 ст. 62 Конституции РФ следует, что национальный режим распространяется на неграждан, которые пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором.

При этом законом могут быть установлены определенные исключения, а именно: ограничения прав неграждан в трудовых отношениях (обязательность наличия разрешения на работу или патента), ограничения в распоряжении или пользовании имуществом. Также неграждане не могут занимать должность государственного служащего, быть членами политической партии,

самостоятельно осуществлять архитектурную деятельность при отсутствии специального международного договора и др.

В свою очередь, неграждане обладают политическими правами, которые не связаны с гражданством РФ, например, свобода слова, участие в местных выборах в соответствии с п. 10 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [10].

Экономические права неграждан во многом определяются действием национального режима, что следует из п. 1 ст. 2 ГК РФ, закрепляющего, что правила, устанавливающие правовое положение участников гражданского оборота для неграждан, такие же, как и у российских граждан [11].

Таким образом, предоставление негражданам в России национального режима основано на конституционных нормах, поскольку основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, что носит безусловный характер.

Дополнительно стоит отметить, что равная гражданская правоспособность у граждан России и неграждан не зависит от проживания последних на территории Российской Федерации. Так, еще в 1955 г., рассмотрев дело по иску Гриневой к французскому гражданину, Московский городской суд установил, что право иностранца владеть и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, расположенным в России, не обусловлено проживанием в СССР, поскольку данное право принадлежит иностранцу на равных с советскими гражданами правах [12].

При этом национальный режим, подразумевающий защиту неимущественных прав неграждан, наравне с Конституцией РФ определен международными соглашениями, например Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993 г.), положения которой распространяют свое действие на всех лиц, независимо от их гражданства [13].

Кроме того, в законодательстве Российской Федерации имеется ряд случаев распространения национального режима на конкретную сферу правоотношений. Так, ст. 34 Закона РФ «Об организации страхового дела в РФ» предусматривает, что неграждане обладают правом на страховую защиту наравне с российскими гражданами [14].

Также неграждане могут быть участниками благотворительной деятельности, осуществлять вложение собственных заемных средств, участвовать в градостроительной деятельности, выступать членами производственных кооперативов. Что касается ограничений, то на основании положений ч. 3 ст. 55 Конституции

РФ и в соответствии с Земельным кодексом РФ неграждане не могут обладать на праве собственности земельными участками, расположенными на приграничных территориях и на иных установленных особых территориях РФ.

Установленный в российском праве национальный режим в отношении правового статуса неграждан имеет безусловный характер, поскольку предоставляется негражданам без требования взаимности, однако в отдельных случаях законодатель может предусмотреть специальные правила, касающиеся осуществления негражданами определенных прав на началах взаимности. В свою очередь, неграждане, постоянно проживающие на территории РФ, приобретают наравне с гражданами в пользование жилое помещение в домах государственного и общественного жилого фонда.

В соответствии с принципом единства правовой системы неграждане вправе требовать исполнения установленных законодательством предписаний от региональных властей, поскольку законодательство субъектов Российской Федерации должно реализовывать конституционные нормы, в том числе касающиеся прав личности.

Согласно п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в ведении субъектов РФ находятся защита прав и свобод человека и гражданина, защита прав национальных меньшинств, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности [6]. Следует отметить, что субъект РФ не может устанавливать ограничительные условия реализации прав и свобод, поскольку возможно установление только дополнительных гарантий, поэтому законы субъектов могут содержать дополнительные средства защиты прав неграждан. На протяжении длительного времени субъекты Российской Федерации предпринимают попытки решения демографических, экономических, социальных и других проблем, которые связаны с нахождением и миграцией неграждан, поскольку данное явление затрагивает интересы субъектов.

Результаты

Таким образом, неграждане пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ с учетом особенностей и ограничений, установленных федеральными законами и международными договорами. Наблюдается перспективная возможность совершенствования российского законодательства посредством выделения самостоятельного термина «неграждане», которое объединит иностранных граждан и лиц без гражданства с целью осуществления комплексного правового регулирования для данной категории лиц.

Список литературы

1. Пресняков М. В. Проблема определенности конституционно-правового статуса человека и гражданина в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 16–20.
2. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1995. 5 апр.
3. О сотрудничестве пограничных войск в сфере пограничного контроля в пунктах пропуска через границы государств – участников СНГ с государствами, не входящими в содружество : соглашение от 25.11.1998 // Бюллетень международных договоров. Январь 2015 г. № 1.
4. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России, вторая половина XVIII – начало XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 40 с.
5. Хрипун В. А. Иностранцы в СССР в 1950-е – 1960-е гг. Тенденции исследования и проблемы историографии // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 1 (35). С. 179–188.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
7. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.
8. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3032.
9. Янц М. А. Равенство прав и обязанностей иностранных граждан и граждан Российской Федерации : конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 27.02.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.
12. Корсик К. А. Особенности правового положения иностранных граждан в Российской Федерации. М. : ОКТБ, 1998. 274 с.
13. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17, ст. 1472.
14. Об организации страхового дела в Российской Федерации : закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 20.07.2020) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 56.

References

1. Presnyakov M. V. Problem of Determination of Constitutional Legal Status of Person and Citizen in Modern Russia. *Konstitutsionnoe i munitipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2016, no. 6, pp. 16–20 (in Russian).
2. Universal Declaration of Human Rights. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper], 1995, 5 April (in Russian).
3. On the border troops in the field of border control at checkpoints across the borders of the member states with the states belonging to the commonwealth. Agreement of 25.11.1998. *Biulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of International Treaties], January 2015, no. 1 (in Russian).
4. Teslenko A. M. *Pravovoy status inostrantsev v Rossii, vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.* [The legal status of foreigners in Russia, the second half of the 18th – early 20th century]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Ekaterinburg, 2010. 40 p. (in Russian).
5. Khripun V. A. Foreigners in the USSR in the 1950s – 1960s. Research trends and problems of historiography. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov], 2010, no. 1 (35), pp. 179–188 (in Russian).
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
7. On the procedure for considering applications from citizens of the Russian Federation. Federal Law 59-FZ of 02.05.2006 (an edition of 27.12.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 19, art. 2060 (in Russian).
8. On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation. Federal Law 115-FZ of 25.07.2002 (an edition of 31.07.2020) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 30, art. 3032 (in Russian).

9. Yants M. A. *Ravenstvo prav i obyazannostey inostrannykh grazhdan i grazhdan Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Equality of rights and obligations of foreign citizens and citizens of the Russian Federation: Constitutional and legal aspect]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2011. 26 p. (in Russian).
10. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation. Federal Law 67-FZ of 12.06.2002 (an edition of 27.02.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253 (in Russian).
11. The Civil Code of the Russian Federation (part one) 51-FZ of 30.11.1994 (an edition of 31.07.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301 (in Russian).
12. Korsik K. A. *Osobennosti pravovogo polozheniya inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Features of the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation]. Moscow, OKTB Publ, 1998. 274 p. (in Russian).
13. On legal assistance and relations in civil, family and criminal cases: the Convention of 22.01.1993. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 17, art. 1472 (in Russian).
14. On the organization of insurance business in the Russian Federation. Law of the Russian Federation 4015-1 of 27.11.1992 (an edition of 20.07.2020). *Vedomosti SND i VS RF* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation], 1993, no. 2, art. 56 (in Russian).

Поступила в редакцию 27.10.2020, после рецензирования 10.11.2020, принята к публикации 22.11.2020
Received 27.10.2020, revised 10.11.2020, accepted 22.11.2020

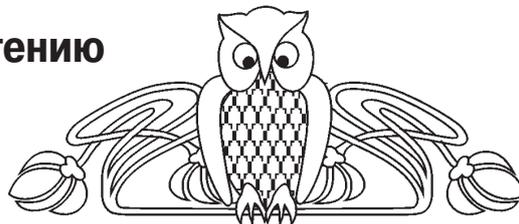

Научная статья

УДК 340.122:340.5

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

Идея права на сопротивление угнетению в восточной политико-правовой и религиозной мысли

Н. Д. Строгов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Строгов Никита Дмитриевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, strogovofficial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7345-073X>

Аннотация. Введение. Триумф либеральной демократии в развитых странах не снизил протестную активность граждан и подданных, революции и восстания остаются явлением современности. Актуальным становится вопрос об определении сущности и механизма реализации права на сопротивление угнетению (права на сопротивление правонарушающей власти, права на восстание, права на революцию, *iusresistendi*), что также требует исторического анализа отдельных учений восточной политико-правовой и религиозной мысли. **Теоретический анализ.** Выявлено, что учение о праве на сопротивление угнетению не является заслугой исключительно западных юристов и философов. Значительный вклад в развитие идеи *iusresistendi* внесли представители китайской философской и исламской религиозной мысли. Сделан вывод об отсутствии значительного вклада правоведов стран Африки в определение сущности права на сопротивление угнетению в связи с историческими особенностями развития региона. **Эмпирический анализ.** Проведен сравнительный анализ политико-правовых, религиозных учений и правовой базы нескольких стран, что позволяет в будущем решить вопрос о возможности формулирования в нормативных актах и международных документах критериев легитимации форм сопротивления угнетению и механизма их реализации. **Результаты.** Идея о праве на сопротивление угнетению нашла полное отражение в восточной политико-правовой и религиозной мысли, что говорит о самостоятельности и самодостаточности последней. Выявлены сущность указанного права в понимании философов, правоведов и авторов документов международного права, критерии легитимации сопротивления, его цель и формы реализации, ряд дискуссионных вопросов относительно права на сопротивление угнетению.

Ключевые слова: право на сопротивление, право на восстание, *iusresistendi*, естественное право, восточная мысль, китайская мысль, исламское право

Для цитирования: Строгов Н. Д. Идея права на сопротивление угнетению в восточной политико-правовой и религиозной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 1, вып. 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

The idea of the right of resistance to oppression in the Eastern political, legal and religious thought

Nikita D. Strogov, strogovofficial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7345-073X>

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Abstract. Introduction. The triumph of liberal democracy in developed countries did not reduce the protest activity of citizens, revolutions and uprisings are still a phenomenon of modern time. The issue of the essence and mechanism of exercising the right of resistance (right of rebellion, right of revolution, *iusresistendi*) is becoming relevant, which also requires a historical analysis of Eastern political, legal and religious thought. **Theoretical analysis.** The author found out that the doctrine of the right of resistance is not the concept developed exclusively by Western lawyers and philosophers. Representatives of Chinese philosophical and Islamic religious thought made a significant contribution to the development of the idea of *iusresistendi*. The author concludes that there is no significant contribution of legal scholars from African countries in defining the essence of the right of resistance. **Empirical analysis.** The author conducted a comparative analysis of the teachings and legislation of several countries, which allows to solve the issue of the possibility of recognising criteria for legitimizing forms of resistance to oppression and the mechanism for their existing by acts and international

documents in the future. **Results.** The idea of the right to resist oppression is fully reflected in Eastern political, legal and religious thought, which means its independence and self-sufficiency. The author revealed the essence of this right formulated by philosophers, jurists and authors of international law documents, the criteria for legitimizing resistance.

Keywords: right of resistance, right of rebellion, *ius resistendi*, natural law, Eastern thought, Chinese thought, Islamic law

For citation: Strogov N. D. The idea of the right of resistance to oppression in the Eastern political, legal and religious thought. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 106–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Несмотря на немногочисленность комплексных исследований, посвященных праву на сопротивление угнетению (иначе – праву на восстание, праву на революцию, *ius resistendi* [1]), представляется возможным осуществить реконструкцию развития самой идеи указанного права.

Правоведы, как правило, основное внимание уделяют политико-правовым учениям Запада. В самом деле, в рамках западной традиции (в первую очередь западноевропейской) сформулированы ключевые идеи права на сопротивление угнетению. Именно здесь было развито популярное среди юристов-теоретиков положение, что названное право относится к разряду неотчуждаемых естественных, не нуждающихся в позитивации для подтверждения существования и реального действия. При изучении трактатов известных философов, от Аристотеля до Ж.-Ж. Руссо, прослеживается эволюция идеи сопротивления: от необходимой обороны к полноценному праву; от негативных нравственных оценок до позитивных с использованием правовых категорий; от коллективного права к индивидуальному; от правомочия к священной обязанности [2].

В сложившихся условиях складывается неверное представление, будто разработка идеи права на сопротивление угнетению является заслугой исключительно западных философов и правоведов. Очевидно, подобный подход лишает возможности осмыслить содержание указанного права в полной мере.

Обращение к учениям некоторых восточных философов вносит ценный вклад в понимание права на сопротивление угнетению на разных этапах его развития с учетом пространственно-географической специфики.

Теоретический анализ

«Мандат неба» в китайской политико-правовой мысли. Как и в западной правовой мысли, искать корни идеи сопротивления угнетению также следует в древности.

Так, философ Мо-цзы (ок. 475–399 гг. до н.э.), сторонник консеквенциализма, упоминает значимость послушания народа, но эту покорность он связывает вовсе не с фигурой монарха. «Будь осторожен. Обязательно делай то, что желают Небеса, и избегай того, к чему Небеса питают отвращение» [3], – наставляет философ. По его словам, Небеса желают праведности, без которой мир был бы беспорядочным, а стандарт праведности устанавливают власть имущие по цепочке вверх вплоть до императора. Но даже он формулирует правила не по собственному желанию, а по воле Небес.

Мо-цзы пишет: «Когда император сделал добро, Небеса вознаграждают его. Когда император совершил зло, Небеса наказывают его. Когда император несправедлив в постановлении наград и наказаний и не рассудителен при рассмотрении судебных дел, Небеса посещают его с болезнями и бедствиями» [4, р. 9]. По мнению философа, Небеса благороднее и мудрее императора, и все должны повиноваться их воле.

Как стоящий во главе социальной иерархии, монарх должен быть «самым доброжелательным человеком во всем под Небесами», а подданные обязаны «одобряя то, что сын» Небес одобряет. Однако если он ведет себя несправедливо, то монарха можно сменить. Философ упоминает царствование полубогородного императора Чжоу-синя (Ди Синя). Небеса возненавидели его правление, в результате чего «отцы и сыновья были рассеяны, их государство и семья разрушены, жертвенники почвы и зерна утрачены, и бедствие постигло их лично» [4, р. 10]. Именно тогда императора сверг У-ван, основатель государства и династии Чжоу.

Очевидно, что, согласно философу, речь идет не о народном бунте, а о перераспределении высших должностей между властью имущими группировками. В любом случае смещение императора одобряют Небеса и насылают беды несправедливым. Таким образом, взято за основу классическое положение, что право на восстание не абсолютно, может быть легитимно при условии, если правление несправедливо.

Другой китайский мыслитель, Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.), также известный как Мэн Кэ, в своем учении развивал идею, которая оставалась актуальной на протяжении всей истории политико-правовой мысли Китая вплоть до Мао Цзэдуна: необходимость управления государством во благо подданных, основанного на нестяжательстве и коллективной (патриархальной) идее [5].

Обоснование народного сопротивления в китайской мысли мы рассмотрим именно на примере трактата «Мэн-цзы». Так, философ задает вопросы: может ли правитель радоваться, когда «народ так желает его гибели, что даже готов погибнуть, хотя бы и вместе с ним» [6, с. 17]; может ли на посту главы страны находиться «человек, с нелицеприятностью относящийся к людям», народ которого страдает [6, с. 26]? Мыслитель сомневается, что правители, увлекающие свой народ в трясину, могут устоять против нападения [6, с. 20]; что те, кто отталкивает самонадеянностью добрых советников и окружает себя клеветниками и лицемерами, в итоге сохранит владение в порядке [6, с. 184]; что те, кто творит зло, могут остаться в живых [6, с. 54].

Как и Мо-Цзы, философ также приводит в пример полупоупендарного императора Чжоу-синя, который со временем превратился в деспота. Тот, по мнению Мэн-цзы, был губителем, злодеем, отщепенцем, поскольку губил справедливость по отношению к людям [6, с. 37]. Фактически философ оправдывает убийство императора – по той же логике, по которой Цицерон поощрял убийство Цезаря столетиями позже.

Обоснование сопротивления угнетению прослеживается у Мэн-цзы весьма отчетливо: «Когда в верхах в расчет не принимают путь к истине, тогда в низах нет законов, которые соблюдались бы <...>. Когда нарушит справедливость добропорядочный муж, тогда и подлец нарушит уголовный закон. Такое владение сохранилось бы только по счастливой случайности» [6, с. 103]. Любопытно, что Мэн-цзы сперва в своих оценках использует слово «подлец» с негативной окраской, однако далее приходит к коллективной категории субъекта (народ), лишенной личных нравственных оценок. Так, философ пишет, что «народ спасают только тем, что забирают его губителя» [6, с. 94], а того, кто чересчур сильно мучит свой народ, убивают свои же придворные, и владение гибнет; «не очень сильно – тогда будешь жить под постоянной угрозой покушения на твою жизнь, владение же твое будут урезывать соседи» [6, с. 104].

Таким образом, философ, очевидно, прибегает к нравственным категориям, его учение представляет собой наставление правителю. Во многом игнорирование правовых категорий следует связывать с духом времени, когда легизм еще не восторжествовал. Тем не менее мыслитель прямо упоминает категорию «закон», который преступает подданный в случае нарушения справедливости.

Говоря же о субъекте сопротивления угнетению, важно отметить, что Мэн-цзы толкует сопротивление преимущественно как коллективное, а не индивидуальное. Используются такие слова, как «народ», «подданные», «придворные». Анализ учения наводит на мысль, что инструментом реализации сопротивления угнетению у Мэн-цзы выступает скорее придворная элита, которая свергает своего правителя, либо враги из других владений. Недовольный же народ действительно приводит тирана к гибели, но не губит его напрямую, например в результате вооруженного восстания. Гнев подданных выступает скорее индикатором скорого свержения тирана.

Таким образом, Мо-цзы и Мэн-цзы во многом оформили учение о «мандате Неба». Отдельно отметим, что понимание Неба со временем частично меняется, однако в основе своей под Небом исследователи преимущественно понимают наставляющее верховное божество. Согласно доктрине, правящая династия фактически выполняет волю Неба и заслуживает его доверие до тех пор, пока правит (получает мандат на правление) [7]. Считается, что свержение правителей, стихийные и иные бедствия в стране говорят о том, что Небо больше не покровительствует власти. Отсюда и выходит, что народное восстание является проявлением воли Неба против недостойного правителя, если итогом стало свержение тирана.

В дальнейшем это учение развивали. Так, мыслитель конфуцианской традиции Сюнь-цзы (313–238 гг. до н.э.) упоминал, что убийство императора министрами связано с действиями самого императора (эту судьбу «правитель выбрал себе сам») [4, с. 16–20]. Таким образом, философ акцентирует внимание на основном условии легитимации бунта – правонарушающих действия властного аппарата управления.

Существовали и другие точки зрения. Например, неприятие восстания можно наблюдать в учении Хань Фэя-цзы (ок. 279–232 гг. до н.э.), легиста, обосновывающего тираническое правление, однако подобные воззрения являются менее традиционными для китайской политической мысли.

Важнейший средневековый свод конфуцианских учений «Сы Шу» подтверждает, что концепция мандата осталась значимой и спустя время: «Небом установленное преемство власти пало на тебя. <...> Если народ в пределах четырех морей будет испытывать лишения, то ты навечно лишишься благословения Неба» [8, с. 235].

Со временем концепция «мандата Неба» окончательно превратилась в способ легитимации государственных переворотов. Мятежникам не требовались иные доказательства власти, помимо успешности восстания [9, с. 614–618]. Представляется, что проанализированное учение оставалось актуальным на протяжении всей китайской истории, однако его основы в полной мере были заложены в древности, в связи с чем мы и акцентировали внимание на мыслителях того времени. Ведь известно, что Китай сохраняет древнюю традицию.

К вопросу о праве на сопротивление в контексте исламской религиозной мысли. Исследование исламской политико-правовой традиции наводит на мысль, что в различных школах и в разные времена давались неоднозначные оценки народных восстаний. В этом ключе китайские учения представляются более однородными и последовательными.

Мы согласны с британским исследователем Фахдом Гхофайли, который разделил представителей исламской мысли на несколько лагерей: тех, кто оправдывает восстания против тирании; тех, кто считает восстания допустимыми лишь в исключительных случаях; тех, кто отрицает подобное право за мятежниками [10].

Наиболее распространены учения богословов, выступающих за последнюю точку зрения. На наш взгляд, это во многом связано со священной фигурой правителя как проводника воли Аллаха. Коран создает жесткие рамки для недопущения сопротивления: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас (в том, что не является ослушанием Аллаха). Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху [рассмотрите в Коране] и Посланнику [смотрите решение в Сунне], если вы (на самом деле) веруете в Аллаха и в Последний День [Суда]». Отдельно отмечается, что обращение к Корану лучше, чем спор, и прекраснее по итогу [11, с. 140].

Исламская мысль обширна и заслуживает отдельного большого исследования, поэтому здесь мы упомянем нескольких ярких представителей, допускающих реализацию сопро-

тивления угнетению. Именно в их учениях прослеживаются черты, присущие идее восстания в классическом ее варианте.

Исламский богослов Мухаммад аль-Бухари (810–870 гг.) составил суннитский сборник хадисов, который считается многими самой достоверной исламской книгой после Корана. Здесь прямо упоминается, что подчинение необходимо не всегда: «Нет послушания в злых делах, подчинение только в одобряемом (Аллахом)» [12, с. 224–225]. Сказанное упомянуто в ситуации, когда командир приказал солдатам войти в разведенный огонь, что пророк осудил, а потому дозволил не повиноваться. Подобное воззрение свидетельствует о том, что подчинение не может быть абсолютным. Однако религиозный деятель не раскрывает, до какой степени и в какой форме непослушание легитимно.

Богослов Ибн Хаджар Аль-Аскаляни (1372–1449 гг.) приводит поговорку, которую связывают с Али ибн Абу Талибом, двоюродным братом пророка Мухаммеда: «Если хариджит восстает против справедливого правителя, мусульмане должны сражаться с ними. Однако если хариджит восстает против несправедливого правителя, мусульмане не должны сражаться с ними, потому что в этой ситуации они могут иметь правовые основания для действий» [13, с. 127–128]. На основе этого Аль-Аскаляни считает возможной борьбу против несправедливого имама. Определенно, богослов не считает необходимым народное восстание, а скорее, допускает его. При этом предусмотрен механизм легитимации через невоспрепятствование со стороны верующих. В современных трактовках это можно было бы охарактеризовать как пассивную форму реализации права на сопротивление.

Известная иранская книга о нравственности «Бахр Аль-Фаваид» (анонимный персидский трактат сер. XII в.) содержит прямое указание на возможность восстания. Сперва автор приводит в пример заповеди пророка: «Будь послушен королю своему», «Соблюдай заповеди царей», «Тот, кто восстает против короля, является грешником». Однако затем излагается условие для народного сопротивления: если правитель «приказывает какое-то нечестие или что-то, что противоречит закону, можно восстать против него» [14, с. 120].

Вооруженное восстание, таким образом, оправдывалось некоторыми мыслителями, однако право на сопротивление угнетению может быть реализовано и в других формах, в том числе пассивных [15]. Так, известно, что влиятельный богослов Ахмад ибн Ханбаль (780–

855 г.) отказался подчиниться багдадскому халифу Абдуллаху аль-Мамуну, но не восстал против него открыто. Тем не менее, он использовал неподчинение воле государя и критику как способы реализации сопротивления, чем привлек немало сторонников [13].

В настоящее время право на сопротивление получило легальное закрепление в международных актах. Так, некоторые формы его реализации упоминает Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 г. (ст. 2): «Каждый человек и все люди обладают неотъемлемым правом на свободу... и должны быть правоспособны в защите этого права всеми законными способами. Человек и все люди в целом в случае нарушения их права на свободу имеют право на легитимную поддержку других лиц в борьбе за их защиту» [16]. Любопытно, что дополненная Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. такой нормы уже не содержит [17].

Национальные конституции исламских государств также не остались в стороне. Основной закон Ирана оправдывает революцию и борьбу с тиранией в преамбуле [18]. Из той же позиции исходит Конституция Алжира, выйдя за пределы декларативных норм: так, преданность идеям революции отражена в требованиях к посту президента [19].

Таким образом, право на сопротивление угнетению получило свое развитие в исламской мысли вплоть до закрепления в правовых актах. Идея оправдания народных восстаний здесь прошла неоднозначный путь, ведь религиозные нормы (в буквальном толковании) запрещают неповиновение монарху. Основной вклад в развитие идеи оправдания восстания внесли богословы, которые указали на несправедливое правление как критерий для легитимации сопротивления угнетению. Отметим, что богословы использовали расширительное толкование религиозных норм для оправдания бунта.

Современный исламский закон напрямую не называет преступниками субъектов восстания, но при этом признает террористические акты неправомерными в том смысле, что они могут привести к большому беспорядку в обществе, чем деятельность несправедливого правительства [20]. Таким образом, в первую очередь делается акцент на легитимирующей цели сопротивления, а не на средствах его реализации.

Отдельно отметим, что в исламской мысли получило развитие выделение пассивной формы реализации указанного права. На наш взгляд, подобная идея стала популярной также в связи со строгим следованием религиозному канону,

запрещающему открытое восстание. Западная политико-правовая мысль пришла к идее пассивного сопротивления гораздо позже.

Право на сопротивление угнетению как способ борьбы за независимость в свете африканской политико-правовой мысли. Представители политико-правовых учений стран Африки упоминают сопротивление угнетению преимущественно как способ оправдания борьбы против колониального гнета XX столетия, а также в связи с текущими современными демократическими процессами. При этом история сопротивления на континенте сравнительно молода, и наблюдается заметное влияние воззрений классических западных учений.

Исследователь эфиопского происхождения Фанту Черу выделяет несколько стадий сопротивления на территории Африки, а именно: 1) борьбу за независимость от колониального гнета; 2) опыт пост-независимости в развитии и государственном строительстве; 3) опыт, накопленный после 1980 г., в рыночных экономических реформах под «благоприятным» руководством МВФ и Всемирного банка; 4) опыт многопартийной демократии после 1990 г. Первые три этапа не принесли демократических прав гражданам и подданным, а под четвертым исследователь понимает «эксперимент», который до сих пор не принес позитивных изменений. Каждому этапу свойственны свои способы сопротивления: от революций до митингов [21, с. 268]. Последние относятся к мирной форме реализации сопротивления, что соответствует современным концепциям указанного права.

Поддержку сопротивления можно найти в трудах современных нигерийских исследователей Обиоры Чинеду Окафора и Басила Угочукву. Под «борьбой» против угнетения они понимают «процесс мобилизации и выражения противодействия влиянию власти на идентичность, интересы и потребности подчиненных групп» [22, с. 432]. Основной акцент авторы делают на легитимации сопротивления посредством обращения к высшим судебным органам, а также правозащитной деятельности активистов.

Остановимся на этом месте для небольшой ремарки. Нам не близок подход, согласно которому исследователи под «угнетением» также понимают наступление на права и свободы со стороны корпораций и частных лиц. Правонарушающий субъект сопротивления всегда обладает властными полномочиями. Исключением могут являться частные лица и организации, но в случае, если они становятся проводниками

государственной воли (правонарушающего публичного аппарата, действующего в условиях авторитарного или тоталитарного политического режима). Изложенная африканскими авторами позиция не совпадает с таким толкованием.

Продолжая исследование, отметим, что классическая идея права на сопротивление угнетению предполагает правомерность сопротивления независимо от способов легитимации в будущем, последние же выступают разве что гарантом стабильности новой власти. Акцент африканских исследователей на механизме реализации сопротивления, легитимации и ограничениях вполне адекватен современным трактовкам указанного права, связанным с недопущением абсолютизации и радикализации сопротивления.

В подобном русле размышляет и африканский исследователь Саид Аджумоби, который не только признает факт существования права, но и указывает на ограничения сопротивления угнетению. Так, отмечается, что восстание возможно, когда «уполномоченные институты, такие как комиссии по правам человека, средства массовой информации или другие, ослаблены, подкуплены или коррумпированы» [23, р. 15]. Фактически речь идет о классическом принципе права на сопротивление – принципе пропорциональности: к радикальным действиям следует прибегать, когда исчерпаны мирные и легальные способы сопротивления.

Проводниками идеи указанного права являются и составители международных документов на африканском континенте. Так, принятая в 1981 г. Африканская хартия прав человека и народов в ч. 2 ст. 20 упоминает, что «колониальные или угнетенные народы имеют право на освобождение от уз господства любыми средствами, признанными международным сообществом» [24].

Особенностью указанной нормы является то, что авторы подразделяют угнетение на внутреннее и внешнее. Под первым следует понимать борьбу с режимом (правонарушающим аппаратом) конкретной страны, а под вторым – объединение против внешнего врага (колониального захватчика).

Традиционно право на сопротивление угнетению подразумевает первый вариант. В этом плане Африканская хартия содержит новаторские нормы и дополняет содержание права на сопротивление. Разумеется, обусловлено это историческим контекстом, т. е. колониальным гнетом.

Вместе с тем составители Хартии исходили также из необходимости противодействия тира-

нии в постколониальных африканских режимах. Право на сопротивление угнетению получило позитивацию как ответ режимам императора Центральноафриканской Республики Жана Беделя Бокассы и Иди Амина в Уганде [25, р. 89].

По мнению исследователей, существование прогрессивной нормы в африканской хартии не получило легального продолжения. Ни один правозащитный механизм на континенте не содержит отсылки, что ст. 20 обеспечивает правовую основу для реализации права на сопротивление [25, р. 89].

Исключением могла бы стать Африканская хартия демократии, выборов и управления, принятая в 2007 г. Статья 24 упоминает, что межгосударственный орган Совет мира и безопасности может поддерживать конституционный порядок в отдельной стране, если в ней возникает ситуация, способная повлиять на демократические политические институциональные механизмы или законное осуществление власти [26]. На наш взгляд, эта норма не подразумевает поддержки права на сопротивление угнетению, потому что его субъектом в классическом понимании выступает народ либо индивид. Вмешательство иностранных государств или межгосударственных объединений не может идти под эгидой права на сопротивление угнетению: оно лишь способно легитимировать восстание и другие формы протеста в стране, где реализуется сопротивление.

Проследить оправдание сопротивления возможно у авторов конституционных документов. Так, Конституция Конго упоминает в числе главных забот, которые доминируют в организации государственных институтов, «сопротивление всякой попытке диктаторского управления». Отдельно упоминается право не выполнять незаконные приказания, посягающие на права и свободы других людей (ст. 28), что является пассивной формой сопротивления. Ключевой нормой является положение, что каждый гражданин «обязан давать отпор любому лицу или группе лиц, которые захватывают власть или осуществляют ее» с нарушением положений Конституции (ст. 64) [27].

Позитивацию права на сопротивление можно также обнаружить в основных законах Уганды, Мали, Бенина.

Эмпирический анализ

Теоретические конструкции, отраженные в учениях китайских, исламских и африканских исследователей, нашли свое отражение в ряде национальных нормативных актов и междуна-

родных документов, указанных выше. Следует констатировать, что позитивация философских и религиозных идей о праве на сопротивление угнетению оказалась весьма узконаправленной. Авторы законов и других документов исходят из признания анализируемого права как достижения человечества или конкретного народа, характеризуют право на сопротивление как фактор сдерживания аппарата публичной власти. При этом отсутствуют исчерпывающие и юридически определенные критерии легитимации индивидуального сопротивления и народного восстания, не закрепляется механизм реализации указанного права. На наш взгляд, это объясняется весьма ограниченным набором средств юридической техники, которые не позволяют позитивировать «идеальную» идею о праве на сопротивление угнетению. При этом формы сопротивления настолько разнообразны, а политическая реальность всегда непредсказуема, что найти исчерпывающий вариант для характеристики в законах и иных актах механизма реализации анализируемого права не представляется возможным.

Вместе с тем анализ восточной политико-правовой и религиозной мысли позволяет более четко сформулировать критерии легитимации индивидуального и народного сопротивления в нормативных документах, что является задачей для следующего научного исследования по этому вопросу.

Результаты

Восточная политико-правовая мысль не ограничивается китайскими, исламскими и современными африканскими учениями. В настоящем исследовании мы не искали цели всеобъемлюще охватить весь спектр мнений, посвященных праву на сопротивление угнетению. Нашей задачей было проследить развитие идеи *ius resistendi* на примере учений ярких представителей своей эпохи, культуры и показать самостоятельность китайской и исламской мысли, доминирующих в восточных учениях. В свою очередь, нам не удалось найти подтверждения того, что представители политико-правовой мысли стран Африки внесли значимый вклад в формирование идеи права на сопротивление угнетению, хотя некоторые новаторские мнения и были представлены. Во многом такие следствия объясняются историческим контекстом.

Несомненно, следует говорить о ценном вкладе восточных философов, правоведов и религиозных деятелей в развитие идеи о праве на сопротивление угнетению. Иссле-

дователи определили сущность указанного права, его цель, некоторые критерии легитимации народных восстаний и последствия для политической действительности. Восточная политико-правовая и религиозная мысль самостоятельна и самодостаточна в части развития идеи *ius resistendi*. Многие положения, сформулированные китайскими и исламскими исследователями, нашли отражение в актах позитивного права.

Список литературы

1. Иванов Н. Д. Право на сопротивление угнетению, право на восстание, право на революцию : соотношение понятий // Российское и зарубежное законодательство : современное состояние и перспективы развития : сборник материалов VI Международной студенческой научной конференции : в 2 ч. Ч. 1. Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде, 2018. С. 341–343.
2. Иванов Н. Д. Эволюция права на сопротивление угнетению в классической западной правовой традиции // Глас права. 2019. № 2. С. 210–214.
3. Mozi : Bilingual Edition, English and Chinese / translated by W. P. Mei. 2016. URL: <https://ctext.org/mozi/will-of-heaven-iii> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Pines Y. To Rebel is Justified? The Image of Zhouxin and the Legitimacy of Rebellion in the Chinese Political Tradition // *Oriens Extremus*. 2008. Vol. 47. P. 1–24.
5. Perry E. J. Chinese Conceptions of “Rights” : From Mencius to Mao – and Now // *Perspectives on Politics*. 2008. Vol. 6, iss. 1. P. 37–50. <https://doi.org/10.1017/S1537592708080055>
6. Мэн Кэ. Мэн-цзы. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
7. Цзюй Х. Культ неба в социально-политической традиции // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14А. С. 70–72.
8. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы Шу») / отв. ред. Л. С. Переломов. М. : Восточная литература, 2004. 432 с.
9. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 2 / под ред. М. Л. Титаренко [и др.]. М. : Восточная литература, 2007. 869 с.
10. *Alghofaili F.* Insurrection : The Right to Rebel from an Islamic Perspective. URL : https://www.academia.edu/28219987/Insurrection_The_Right_to_Rebel_from_an_Islamic_Perspective_Fahd_Alghofaili (дата обращения: 10.10.2020).
11. Коран. Перевод смысла аятов и их краткое толкование / пер. А. Адель. Махачкала : НИКМА, 2008. 654 с.
12. The Translation of the Meanings of Sahih Al-Bukhari : Arabic-English (Vol. 9) / transl. by M. M. Khan. Houston : Dar-us-Salam Publications, 1997. 4050 p.

13. *Khaled Abou El Fadl. Rebellion and Violence in Islamic Law.* Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511560163>
14. *The Sea of Precious Virtues : Bahr Alfava'id : A Medieval Islamic Mirror for Princes / ed. J. S. Meisami.* Salt Lake City : University of Utah, 1991. 448 p.
15. Иванов Н. Д. Право на сопротивление угнетению : теоретико-правовой аспект // Неделя науки СПбПУ : сб. материалов науч. конф. с междунар. участием. СПб : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 44–47.
16. Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 г. URL : http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (дата обращения: 10.10.2020).
17. Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. URL : http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm (дата обращения: 10.10.2020).
18. Конституция Ирана // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 10.10.2020).
19. Конституция Алжира // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (дата обращения: 10.10.2020).
20. *Abdulaziz S. Justification for Violence in Islam : V. The Law of Rebellion // Journal of Lutheran Ethics.* 2003. Vol. 3, iss. 2. URL: <https://www.elca.org/JLE/Articles/887> (дата обращения: 10.10.2020).
21. *Cheru F. E. Democracy and People Power in Africa : Still searching for the 'political kingdom' // Third World Quarterly.* 2012. Vol. 33, iss. 2. P. 265–291.
22. *Okafor O. C., Ugochukwu B. E. Inventing Legal Combat Pro-Poor 'Struggles' in the Human Rights Jurisprudence of the Nigerian Appellate Courts, 1999–2011 // African Journal of Legal Studies.* 2014. Vol. 7. P. 430–456.
23. *Unbundling Liberal Democracy : Institutions, Participation and Accountability / ed. by S. Adejumbi. L. : Routledge,* 2017. 240 p.
24. Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. URL : <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 10.10.2020).
25. *Manirakiza P. Towards a Right to Resist Gross Undemocratic Practices in Africa // Journal of African Law.* 2019. Vol. 63. P. 81–105. <https://doi.org/10.1017/S0021855319000020>
26. African Charter on Democracy, Elections and Governance // African Union : [site]. URL: <https://au.int/en/treaties/african-charter-democracy-elections-and-governance> (дата обращения: 10.10.2020).
27. Конституция Конго // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=215> (дата обращения: 10.10.2020).

References

1. Ivanov N. D. The right of resistance to oppression, the right of rebellion, the right of revolution: The correlation of concepts. *Rossiiskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia* [Russian and foreign legislation: Current state and development prospects. Collection of materials of the VI International Student Scientific Conference: in 2 pt. Pt. 1]. Vologda, Fond razvitiya filiala MGYUA imeni O. Ye. Kutafina v g. Vologde, 2018, pp. 341–343 (in Russian).
2. Ivanov, N. D. Evolution of the Right of Resistance to Oppression in the Classical Western Legal Tradition. *Glas Prava*, 2019, no. 2, pp. 210–214 (in Russian).
3. *Mozi: Bilingual Edition, English and Chinese / translated by W. P. Mei.* 2016. Available at: <https://ctext.org/mozi/will-of-heaven-iii> (accessed 10 October 2020).
4. Pines Y. To Rebel is Justified? The Image of Zhouxin and the Legitimacy of Rebellion in the Chinese Political Tradition. *Oriens Extremus*, 2008, vol. 47, pp. 1–24.
5. Perry E. J. Chinese Conceptions of “Rights”: From Mencius to Mao – and Now. *Perspectives on Politics*, 2008, vol. 6, iss. 1, pp. 37–50. <https://doi.org/10.1017/S1537592708080055>
6. Men Ke. *Men-tszy.* St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999. 272 p. (in Russian).
7. Hac Tsyu. Cult of the Sky in Social and Political Tradition of China. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2012, no. 14A, pp. 70–72 (in Russian).
8. *Konfutsianskoe «Chetveroknizhie» («Sy Shu»)* [L. S. Perelomov (ed.) Confucian “Four Books” (“Sy Shu”). Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2004. 432 p. (in Russian).
9. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia* [M. L. Titarenko et al. (eds.) Spiritual Culture of China: An Encyclopedia: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2007. 869 p. (in Russian).
10. Alghofaili F. *Insurrection: The Right to Rebel from an Islamic Perspective.* Available at: https://www.academia.edu/28219987/Insurrection_The_Right_to_Rebel_from_an_Islamic_Perspective_Fahd_Alghofaili (accessed 10 October 2020).
11. *Koran. Perevod smysla aiatov i ikh kratkoe tolkovanie* [Translation of the meaning of the ayahs and their brief interpretation. Transl. by A. Adel']. Makhachkala, HIKMA, 2008. 654 p. (in Russian).
12. *The Translation of the Meanings of Sahih Al-Bukhari: Arabic-English (Vol. 9).* Transl. by M. M. Khan. Houston, Dar-us-Salam Publications, 1997. 4050 p.
13. *Khaled Abou El Fadl. Rebellion and Violence in Islamic Law.* Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511560163>
14. J. S. Meisami (ed.) *The Sea of Precious Virtues: Bahr Alfava'id: A Medieval Islamic Mirror for Princes.* Salt Lake City, University of Utah, 1991. 448 p.

15. Ivanov N. D. The right of resistance to oppression: theoretical and legal aspects. In: *Nedelia nauki SPbPU: sbornik materialov nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [SPbPU Science Week: collection of articles of the scientific conference with international participation]. St Petersburg, Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskiiy universitet Petra Velikogo, 2019, pp. 44–47 (in Russia).
16. *Vseobschaia islamskaia deklaratsiya prav cheloveka 1981 g.* (1981 Universal Islamic Declaration of Human Rights). Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (accessed 10 October 2020) (in Russia).
17. *Kairskaia deklaratsiya o pravakh cheloveka v islame 1990 g.* (1990 Cairo Declaration on Human Rights in Islam). Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm (accessed 10 October 2020) (in Russia).
18. Constitution of Iran. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world: Library of constitutions by Roman Pashkov). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (accessed 10 October 2020) (in Russia).
19. Constitution of Algeria. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world: Library of constitutions by Roman Pashkov). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (accessed 10 October 2020) (in Russia).
20. Abdulaziz S. Justification for Violence in Islam: V. The Law of Rebellion. *Journal of Lutheran Ethics*, 2003, vol. 3, iss. 2. Available at: <https://www.elca.org/JLE/Articles/887> (accessed 10 October 2020).
21. Cheru F. E. Democracy and People Power in Africa: Still searching for the ‘political kingdom’. *Third World Quarterly*, 2012, vol. 33, iss. 2, pp. 265–291.
22. Okafor O. C., Ugochukwu B. E. Inventing Legal Combat: Pro-Poor ‘Struggles’ in the Human Rights Jurisprudence of the Nigerian Appellate Courts, 1999–2011. *African Journal of Legal Studies*, 2014, vol. 7, pp. 430–456.
23. S. Adejumbi (ed.) *Unbundling Liberal Democracy: Institutions, Participation and Accountability*. London, Routledge, 2017. 240 p.
24. 1981 African Charter on Human and Peoples’ Rights. *Universitet Minnesoty. Biblioteka po pravamcheloveka* (University of Minnesota. Human Rights Library). Available at: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (accessed 10 October 2020) (in Russia).
25. Manirakiza P. Towards a Right to Resist Gross Undemocratic Practices in Africa. *Journal of African Law*, 2019, vol. 63, pp. 81–105. <https://doi.org/10.1017/S0021855319000020>
26. African Charter on Democracy, Elections and Governance. *African Union. Site*. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-charter-democracy-elections-and-governance> (accessed 10 October 2020).
27. Congo Constitution. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world: Library of constitutions by Roman Pashkov). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=215> (accessed 10 October 2020) (in Russia).

Поступила в редакцию 15.10.2020, после рецензирования 25.11.2020, принята к публикации 25.12.2020
Received 15.10.2020, revised 25.11.2020, accepted 25.12.2020

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36012, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

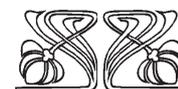
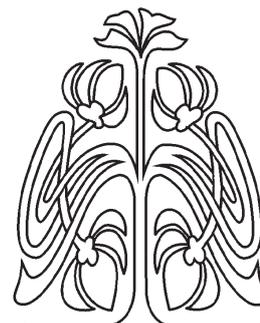
Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
экономический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38
E-mail: sgu-eup@rambler.ru
юридический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-17
E-mail: kulikovasveta@inbox.ru
Website: <https://eup.sgu.ru>

ПОДПИСКА

